

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 43 ОКТЯБРЬ 1979

Теша Ташев руководит передовым отделением в совхозе «50 лет Октября».

НАКАЛСТ

На совхозном заготовочном пункте работа сейчас круглосуточная.

Идет машинная уборка.

Р А Д Ы

Водитель хлопкоуборочной машины Олим Хасанов.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 43 (2728)

20 ОКТЯБРЯ 1979

© Издательство «Правда», «Огонек», 1979

Работники сельского хозяйства! Повышайте эффективность производства! Бережно используйте землю, технику, удобрения, все материальные и финансовые ресурсы! Боритесь за успешную подготовку к весенним полевым работам, за получение высокого урожая в 1980 году!

Шире дорогу прогрессивным методам организации труда и новой технологии!

**Из Призывов ЦК КПСС
к 62-й годовщине
Великой Октябрьской
социалистической революции**

Вячеслав КОСТЫРЯ

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО,
специальные корреспонденты
«Огонька»

«Белым золотом» хлопок называют не столько за цвет, сколько за накал трудового напряжения, которого он требует от земледельца с весны до осени,— вот ведь как подумалось сейчас, в уборочную страду сложнейшего по погодным условиям года.

— В нашем районе, самом большом в Бухарской области, треть площадей под хлопчатником пришлось пересевать. Некоторые поля даже дважды и трижды,— вспоминает первый секретарь Ромитанского райкома партии Азимджан Истамов.— Чтобы ускорить развитие растений и тем самым наверстать упущенное время, дали семь поливов и культиваций вместо обычных пяти, щедро подкармливали минеральными и органическими удобрениями. Как известно, трудности сближают— я имею в виду хлопкороба и поле, которое он не раз спасал от гибели. Вот откуда тот душевный порыв, с которым люди ведут нынешнюю хлопкоуборочную кампанию. И, конечно же, не только на бухарских плантациях.

...Обеденный дастархан для сборщиков хлопка был расстелен на краю семенного поля, под орешинкой. Покончив с наваристой шурпой и чаем, девушки затянули песню «У природы нет плохой погоды»...

Пели, думая о чем-то своем, не придавая значения смыслу слов. Может, потому, что погода-то как раз была отличная, самая что ни на есть уборочная: сухо, тепло, ласковый ветерок, небо чистейшее, ни крапинки на нем.

И я спросил:

— А если погода все же испортится? Ведь октябрь...

— У нас так не бывает,— улыбнулась самая бойкая.— Метеосводки получаем аккуратно.

— Ну, а если согласно метеосводке?
— Не вздумайте задавать этот вопрос нашим механикам-водителям «голубых кораблей»! Прибьют...— Теперь уже смеялись все.— А мы... мы даже в ливень не застрянем в междурядьях: наш девиз — «Убрать все до последней коробочки!»

— Значит, настроение боевое?

— С весны настраивались... Не зря ведь говорится, что трудный урожай особенно дорог,— ответила девушка.

Мне было понятно, что она имела в виду: в республике пришлось пересевать 800 тысяч гектаров, но урожай выращен добрый — страна получит миллионы тонн сырца. Хлопчатник в этом году страдал то от дождя, то от холода, то от града, а потом обрушилась на него июльская сушь. Вот хлопкоробы и пестовали каждый росток, каждый куст, буквально согревали теплом ладоней, дарили спасительный глоток воды, предугадывали малейшее «желание» прихотливых растений.

Одного не могли они возместить к привычному сроку: по-научному — суммы эффективных температур, по-житейски — количества солнечных дней, необходимых для образования в коробочках белой пушистой массы. Вот и отодвинулось начало уборки, особенно машинной, почти на полмесяца!.. И потому хлопкоробам пришлось до предела сжать сроки массовой уборки. А помогла им в этом невиданная доселе технико-энергетическая вооруженность. Уровень ее нынче весьма высок. Одних хлопкоуборочных машин в республике теперь почти тридцать — четыре тысячи. Ими решено собрать большую часть урожая. Механизаторы передовых хозяйств рассчитывают управиться за двадцать — двадцать пять рабочих дней. Создано 3100 уборочно-транспортных отрядов.

Тон в уборке задали хлопкоробы южных областей — Кашкадарьинской и Сурхандарьинской. Первыми в республике они развернули массовый машинный сбор. Но более северные области все уверенней настигают их в темпе. И прежде всего Бухарская, хотя ее главные механизированные силы позже вступили в действие. Очень уж велико у бухарцев желание превзойти правофланговых!

Вот в такой напряженный день начала октября мы и познакомились с Тешей Ташевым из совхоза имени 50-летия Октября, Ромитанского района. Четырнадцатый год он возглавляет отделение, где хлопчатник занимает площадь под стать иному колхозу — 742 гектара. Это сейчас, а сначала было 520 гектаров. Урожайность же поднялась с 17 центнеров до 46,3 в 1978 году. Нынче рассчитывают получить по 50 центнеров на круг. А земля-то неважная — солончаки, да и за воду для промывки и поливов пришлось повоевать.

Любопытно, что все эти сведения мы узнали, задавая лишь чисто «уборочные» вопросы. Спрашиваем, например, о передовиках на сборе хлопка, а Теша называет планировщиков земли — бульдозериста Хаита Саидова, скрепериста Тиява Джураева, затем пахарей Наби Асадова, Абуль Ашурова, потом поливальщиков Нигмата Гайбуллаева, Нияза Наврузова и лишь в конце механиков-водителей хлопкоуборочных машин Шоди Халикова, Бахадра Болтаева, Бахрома Ходжаева.

— Да, да, первыми борются за урожай именно планировщики,— говорит Теша.— Взять хотя бы люцерну — под ней у нас сто тридцать гектаров да плюс тридцать гектаров под овощами и бахчевыми. Без севооборота о хорошем урожае на этих землях и речи быть не может. Теперь вот думаем освоить еще Варахшинский массив...

Директор совхоза Хамро Саидов уверенно заявляет:

— Даже в случае непогоды выполним не только план, но и обязательства.

А в них — третья часть хлопка Ромитанского района, сороковая — всего бухарского, составляющего, в свою очередь, более восьмой части валового сбора всего Узбекистана...

...На заготовительных пунктах республики все теснее от растущих холмов хлопка-сырца. Теснее и светлее. Светло здесь даже за полночь; к сиянию электроогней словно добавляется свет трудного «белого золота» 1979 года.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

ЕВРОПА: ПРЕДПОЛЬЕ ИЛИ ЗОНА МИРА?

Сергей ЛОСЕВ

16—17 октября в Москве, в Большом Кремлевском дворце, проходило Всесоюзное совещание идеологических работников. В повестке дня совещания — ход выполнения постановления Центрального Комитета КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

В совещании принимали участие секретари и заведующие отделами ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов, горкомов и райкомов партии, руководители центральных идеологических ведомств и учреждений, ответственные работники ЦК КПСС, министры СССР, политработники Советской Армии и Военно-Морского Флота, руководители крупных промышленных предприятий и строков, известные ученые, профсоюзные и комсомольские работники, деятели литературы и искусства, пропагандистский актив, журналисты.

Продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся товарищи В. В. Гришина, А. П. Кириленко, М. А. Суслова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитанова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, М. С. Горбачева.

С большим воодушевлением участники совещания избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Совещание открыл секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин.

Тепло встреченный присутствующими, с докладом «Дело всей партии» выступил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

Доклад был выслушан с большим вниманием и неоднократно прерывался продолжительными аплодисментами.

На снимке: в зале во время совещания.
Фото В. Соболева и Э. Песова (ТАСС)

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР 15 октября в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения, Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад во главе сирийской партийно-правительственной делегации.

На Внуковском аэродроме Х. Асада, членов делегации встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, другие официальные лица.

15 октября в Кремле начались переговоры члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, члена Политбюро ЦК КПСС, министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева с Генеральным секретарем Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Президентом Сирийской Арабской Республики Хафезом Асадом.

В ходе переговоров, протекавших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, состоялся обмен мнениями о состоянии и перспективах развития советско-сирийских отношений, а также по ряду актуальных международных проблем.

Во время переговоров.

Фото А. Гостева

Новые мирные инициативы СССР, с которыми выступил в Берлине товарищ Л. И. Брежнев, застали врасплох руководителей НАТО и выбили почву из-под ног фальсификаторов, которые на протяжении последних двух лет с усердием, достойным лучшего применения, страдают Западом пугалом мифической «советской военной угрозы».

Теперь они лихорадочно пытаются залатать зияющую пробину в плотине беспардонной лжи и обмана. Мировая общественность требует, однако, не словесных ухищрений и уловок, а конкретного ответа на убедительное проявление миролюбия и доброй воли Советского Союза, создавшего реальные предпосылки для прогресса на венских переговорах.

Народы ждут, как отреагируют западные державы на готовность нашей страны уменьшить по сравнению с нынешним уровнем количество ядерных средств средней дальности, развернутых в западных районах Советского Союза в том случае, если в Западной Европе не будет дополнительного размещения ядерных средств средней дальности. Каков будет отклик и ответ на решение сократить в одностороннем порядке численность советских войск в Центральной Европе и вывести в течение следующих 12 месяцев с территории ГДР до 20 тысяч советских военнослужащих, тысячу танков, а также определенное количество другой военной техники? И, наконец, какие идеи выдвинут наши партнеры по Венским переговорам в связи с предложенными СССР мерами, направленными на укрепление доверия между государствами, на уменьшение опасности возникновения войны в Европе?

Не так давно на Венских переговорах НАТО соглашалась вывести из Европы тысячу американских тактических ядерных боеголовок в случае, если организация Варшавского договора сократит свои вооружения в Центральной Европе на 1700 орудий и танков. Что же теперь не вспоминают натовцы об этом, если они действительно думали что-то делать всерьез, а не предполагали — эта догадка вернее — просто вывести устаревшие боеголовки и заменить их новыми?

Почему теперь, когда процесс сокращения начат в одностороннем порядке Советским Союзом после консультаций с другими государствами — участниками Варшавского договора, Вашингтон упорно ведет дело к тому, чтобы на декабрьской сессии Совета НАТО навязать решение о производстве и развертывании в Европе 600 новых крылатых ракет и ракет «Першинг-2» с разделяющимися головными частями индивидуального наведения?

Из публикации Северо-Атлантического договора ныне вытравлен термин «евростратегические ракеты», которым обозначали эти новые виды ядерных ракет средней дальности. Но суть дела от этого камуфляжа не изменилась: речь идет об опасном проекте нарушить сложившееся в Европе военное равновесие путем внедрения на континенте новых американских ракет средней дальности, способных выполнять стратегическую задачу — поражать цели на территории СССР вплоть до Волги и Урала.

И это в дополнение к уже развернутому в Европе 8 тысячам единиц американского тактического ядерного оружия и непрерывно совершенствуемому американским силам передового базирования в Европе и Средиземном море — авианосцам VI флота, подводным лодкам и сотням бомбардировщиков «Фантом».

План развертывания ракет «Першинг-2» и крылатых ракет изображается как некий «ответ» на советские ракеты, обозначаемые в натовском лексиконе как ракеты «СС-20». Но это заведомая фальшь уже потому, что «СС-20» не могут достичь территории США, в то время как новые американские ракеты предназначаются для удара по территории СССР.

Договор ОСВ-2 устанавливает строгие лимиты для стратегических ядерных сил СССР и США. Попытки обойти эти ограничения с черного хода за счет так называемого «евростратегического оружия» несовместимы с достигнутой между СССР и США в Вене договоренностью, что ни одна из сторон не будет добиваться военного превосходства.

В свете настоячивых усилий Вашингтона навязать опасное решение своим союзникам по НАТО возникает законный вопрос: кто же теперь определяет политику США — президент, взявший в Вене это обязательство, или же министр обороны Г. Браун, поведавший на днях, что цель блока НАТО — добиться в 80-х годах военного превосходства над странами Варшавского договора.

Как подчеркнул Л. И. Брежнев, «социалистические страны, конечно, не стали бы безучастно смотреть на усилия натовских милитаристов. Нам пришлось бы в этом случае осуществить необходимые дополнительные шаги по укреплению своей безопасности. Иного выхода у нас не останется. Но вот одно совершенно ясно: реализация планов НАТО неизбежно обострила бы обстановку в Европе и во многом отравила бы международную атмосферу в целом».

Советская инициатива явно пришлась не по вкусу поборникам гонки вооружений и противникам разрядки. Будучи не в силах отразить конструктивный характер советских инициатив, они выискивают надуманные аргументы, чтобы осуществить свои опасные планы. Определенной двусмысленностью отличается реакция на советские предложения государственных руководителей ФРГ, которой рядом с США отведена не последняя роль в подготовке опасных планов.

Многие государственные деятели Западной Европы в последние годы в известной мере связали свою судьбу с будущим разрядки. И нельзя допустить, чтобы европейский континент был вновь отброшен назад, с тех рубежей мирного сосуществования, которые были завоеваны ценой огромных усилий. Нельзя допустить, чтобы Европа превратилась в своеобразное предполье, что на языке военных означает зону разрушений, расположенную перед главной полосой обороны. Европе нужен прочный и устойчивый мир.

Народы мира! Усиливайте борьбу за прекращение гонки вооружений, за разоружение, устранение угрозы новой мировой войны, углубление разрядки международной напряженности!
Разоблачайте происки сил империализма и гегемонизма, милитаризма и реваншизма — врагов мира и безопасности народов!

Из Призывов ЦК КПСС к 62-й годовщине
Великой Октябрьской социалистической революции

С НАДЕЖДОЙ И ПОДДЕРЖКОЙ

Рышард ДРАГАНЯК,
секретарь комитета ПОРП
Варшавского
механического завода
имени Марцелия Новотки

Мы с надеждой приветствуем и поддерживаем новые советские предложения по разоружению. Советский Союз внес их немало. На сей раз они, однако, наполнены особым содержанием, поскольку были представлены в Берлине, столице Германской Демократической Республики, городе, где тридцать четыре года назад закончилась самая кровопролитная в истории человечества война.

Для нас, поляков, они прозвучали с особой силой. Я варшавянин и вместе с семьей пережил трагедию моего города. Сорок лет назад из Берлина, столицы гитлеровского рейха, был отдан приказ напасть на Польшу и стереть ее с лица земли. Однако поляки ни на минуту не прекращали борьбы с ненавистным врагом.

Политика Польской рабочей партии привела к перелому, в результате которого через пять с половиной лет возрожденное Войско Польское плечом к плечу с Советской Армией участвовало в штурме Берлина.

Меня глубоко взволновали слова Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, сказанные им в Берлине: «В Европе, как и во всех других районах нашей планеты, мы хотим мира, прочного мира». Эти слова, как и внесенные конкретные предложения по разоружению, являются подтверждением миролюбивой политики, неустанно и последовательно проводимой Советским Союзом с первых же дней его образования.

Думаю, что подавляющее большинство жителей нашей планеты желают мира. Советские предложения по разоружению убедительно показывают человечеству, кто действительно выступает за мир, разрядку и разоружение, а кто поднимает шумиху вокруг мнимой «советской военной угрозы», чтобы столкнуть мир на край пропасти.

Советские предложения по разоружению представлены в период, когда военные штабы НАТО разрабатывают планы размещения в Западной Европе новых видов ракетно-ядерного оружия.

Раздувая миф о мнимой угрозе с Востока, империалисты пытаются оправдать гонку вооружений, ввести в заблуждение мировую общественность. Л. И. Брежнев дал убедительный и ясный ответ по этому вопросу, отметив, что на протяжении последнего десятилетия количество носителей ядерного оружия средней дальности на территории европейской части Советского Союза не было увеличено ни на одну ракету, ни на один самолет.

Польский народ, перенесший трагические испытания в годы последней войны, с удовлетворением и надеждой приветствует инициативы и мирные соглашения, и особенно подписанный недавно Договор ОСВ-2, скорейшей ратификации которого все мы ожидаем. Для нас важнейшими вопросами являются национальная безопасность, прочность и нерушимость границ, а также национальный су-

веренитет. Мир для поляков означает право на жизнь в условиях мира и безопасности. Основой и гарантией мирной жизни является сила и мощь народного государства, его обороноспособность и действенная система союзов, в которых главную роль играет испытанная дружба с Советским Союзом.

Предложения, представленные Леонидом Ильичем Брежневым, ведут к военной разрядке в Европе и укреплению взаимного доверия в сложившейся международной обстановке. Это смелый политический акт. Польша кровно заинтересована в осуществлении этих предложений. Вместе с Советским Союзом и другими социалистическими странами Польша проводит активную деятельность в этом направлении. Сейчас мы ждем предложений западных государств, которые должны последовать примеру Советского Союза, если они действительно желают мира и разрядки.

Польское агентство
Интерпресс — специально
для «Огонька»

Варшава.

НЕТ НА ЗЕМЛЕ ДЕЛА ВАЖНЕЕ

Кажется, далеко в прошлое ушла война. Но когда возникает реальная опасность того, что она может вернуться, мне становится тревожно. В годы Великой Отечественной войны я сражался в партизанском отряде и в рядах Советской Армии. Помню, как горько было видеть смерть и разоренную землю. Вот почему мы всем сердцем поддерживаем миролюбивую внешнюю политику

Коммунистической партии и Советского правительства. Выступление Леонида Ильича Брежнева на торжествах в Берлине, новые предложения, выдвинутые им с тем, чтобы углубить разрядку и двинуть дальше дело разоружения, — еще одно знаменательное подтверждение последовательности нашего миролюбия, за которым огромный каждодневный труд советского народа.

Делу процветания Родины мы отдаем все. Именно так работают в нашем совхозе комбайнер Николай Башлык, овцевод Григорий Гамолко, десятки и сотни других полеводов и животноводов. Наш совхоз выполнил задания пятилетки по продаже зерна государству при среднегодовой урожайности 35,4 центнера с гектара. Выполнили мы пятилетку по производству и продаже овощей, ни разу не

подвели государство с реализацией заданий по молоку, мясу, картофелю, по-прежнему много строим. Вот так мы заботимся о благополучии, процветании земли и верим, что война больше не тронет ее.

Е. МИРОНОВИЧ,
директор совхоза «Любань»
Минской области,
Герой Социалистического Труда

НА НАШЕЙ СТОРОНЕ — ЖИЗНЬ

Я внимательно слежу за тем, что происходит в мире. Сердце сжимается от боли, когда узнаешь, какие непостижимо огромные средства расходуются на гонку вооружений. И все это в угоду богачам и продажным политикам. Они загребают деньги, страшая народы «советской угрозой».

Убедительную отповедь этим проповедникам смерти дал Леонид Ильич Брежнев в своей речи в Берлине. Эта речь — еще одно свидетельство нашей выдержки и силы. В ответ на раздувание страхов, на провокационные маневры Советский Союз выступил с новой мирной инициативой.

Мне особенно дорого то, что руководитель нашего государства Леонид Ильич Брежнев сам был

фронтовиком, а мы, фронтовики, лучше других знаем цену войне и миру.

Я прошел всю войну, начиная с сентября 1941 года, а потом началась «холодная война». В то время я продолжал военную службу, а в 1960 году был уволен в запас. Мне тогда не исполнилось и сорока, а за плечами, с учетом войны, было много лет выслуги. Государство вполне меня обеспечило. Но разве мог я сидеть без дела, не трудиться, если столько лет моей целью, как и всякого советского воина, было — обеспечить мирный труд!

По первому же объявлению «Требуется на работу...» я пришел на завод «Большевик» учеником разметчика. И вот уже 19 лет в

этом коллективе. Мы делаем большие и сложные машины для резинотехнической промышленности, для обработки полимеров. Они идут на многие заводы нашей страны и зарубежных стран. Не воевать, а сотрудничать — вот наше стремление.

Я воспитал детей, и у меня есть внуки. Это им мы передаем, как свое главное завоевание, мир, добытый такой большой кровью. Это ради их будущего мы должны укреплять богатство и мощь нашей Родины. Когда я пришел в цех, здесь трудились три, а иногда и четыре разметчика. Овладев специальностью, я управляюсь с работой один. У меня около сотни рационализаторских предложений. Некоторые из них повышают про-

изводительность труда на тех или иных операциях в десятки раз.

К моим военным наградам прибавились два ордена, полученные за мирный труд. Некоторые мне говорят: смени работу, найди что-нибудь полегче, почище, что ли... Только я считаю, что самая важная работа там, где ты нужен стране, нужен великому государству, на которое с надеждой, как на знаменосца мира, смотрят все другие народы земли. Мы сильны тем, что на нашей стороне жизнь. На нашей стороне правда!

Федор ЧУСОВИТИН,
разметчик завода «Большевик»

Киев.

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Пять вечеров подряд собирались перед экранами телевизоров люди — от мала до велика, чтобы смотреть фильм «Возрождение», созданный по одноименной книге Леонида Ильича Брежнева.

Как же передать теперь огромную силу самых разнообразных, обращенных к уму и сердцу многомиллионного зрителя впечатлений, которые надолго оставляет эта картина... Неоспоримы ее всесторонняя познавательность, ее глубокий историзм; самое прямое отношение она имеет к сложнейшей науке партийной работы, партийного руководства жизнью народа. Но не менее огромно и этическое, духовное, нравственное воздействие этого фильма на нас, людей сегодняшних. Ведь мы все как один испытываем чувство счастья, гордость за свою страну, за свою Коммунистическую партию, когда после увиденных только что на экране документальных эпизодов, свидетельствующих о невиданном разрушении городов и сел страны, ее хозяйства, слышим спокойные и уверенные слова Леонида Ильича о крахе тайных расчетов капиталистических держав, которые надеялись в те послевоенные годы, что, мол, «никуда коммунисты не денутся, придут с поклоном, станут на колени... И что же, погибли мы? Отступили? Приостановили свое движение? Нет! Просчитались в своей политике заморские мудрецы, о чем полезно сегодня напомнить, поскольку это и поучительно и актуально».

Вот таким характером — и поучительным и актуальным — отличается сама эта картина, в то же время глубоко насыщенная яркими, искренними человеческими переживаниями и эмоциями, очень точно вобравшая в себя и выразившая в себе живые доверительные интонации автора книги. Мы, зрители, их безошибочно в фильме чувствуем, и тут же на них — по всему ходу киноповествования — всем своим существом откликаемся.

Фильм воскрешает для нас и непридуманные кадры разрухи, тяжелой беды, пережитой народом не только в войну, но и после войны; воскрешает и такие же правдивые, бесконечно волнующие, незабываемые кадры, запечатлевшие самоотверженный труд народных масс, по зову партии поднявшихся на восстановление Запорожья — одного из главных промышленных центров страны.

Мы видим, чего же оно стоило, это восстановление, видим, какого потребовало оно неистового, воистину героического напряжения сил, физических и моральных. Ведь строить заводы Запорожья, строить Днепрогэс — колоссальный промышленный комплекс военной Советской Украины — было куда легче и проще, чем возвратиться к жизни и к делу эти оставленные фашистами чудовищные развалины...

Вернувшийся с фронта на родину Л. И. Брежнев, партийный работник, а по образованию металлург, замечает в своей книге «Возрождение», что нет таких учебников, по которым можно было бы восстанавливать то, что уничтожено, разрушено и погублено войной... Значит, для возрождения прежних опорных центров народного хозяйства надо было самим деятельно искать — и находить! — все возможности, все необходимые для этого пути. И мы — опять-таки со всею наглядностью — видим, что нет и не было у партии других средств, других путей, кроме тех, что ведут к народу, к людям, к их разуму, их любви и преданности своей социалистической Родине.

Как сама книга Л. И. Брежнева «Возрождение», так и ее экранизация равно становятся именно учебником жизни; воскресающей по воле большевиков из мертвого царства послевоенной разрухи.

Деятельность Леонида Ильича в те годы, также получившая, кстати сказать, в фильме живую наглядность, именно и говорит о непрекращающейся никогда воспитательной, идейной сущности партийной работы с массами. О том, что бесценное идеологическое значение этой работы остается столь же велико сегодня, как было вчера. О том, что и ныне нужно людям такое же неослабное внимание к ним, понимание их характеров, их забот и тревог, их творческих возможностей, их настроения... Мы видим первого секретаря Днепровского обкома партии Леонида Ильича Брежнева в его постоянно сердечном, прямом и открытом общении с людьми на всех «уровнях» — от бригады бетонщиц неутомимой Ани Лошкаревой до руководителей цехов и заводов, до ученых-металлургов, доменщиков, электриков...

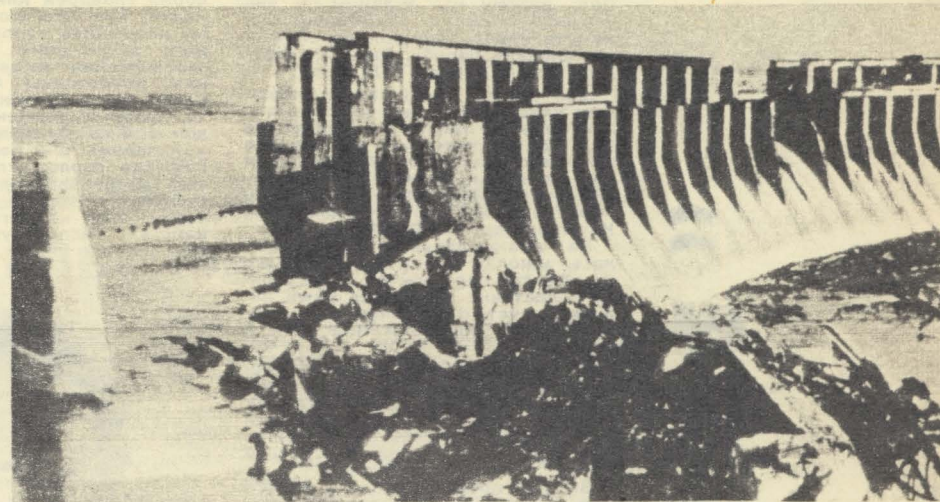
Фильм позволяет нам встретиться со многими героями тех лет, выслушать их живые воспоминания; они органически входят в структуру картины, сделанной о людях и для людей, оптимистически наполненной могучей правдой фактов — убедительной правдой всего пережитого...

Неторопливо, вдумываясь в каждую фразу, читает «Возрождение» народный артист СССР Вячеслав Тихонов. И это прочувствованное, глубоко осмысленное чтение, сплавленное с кадрами ТВ, вчерашними и нынешними, заставляет нас самих заново перечитать эти страницы, чтобы еще раз увидеть их такими, как они вот только что ожили и возродились на экране, в этом простом и мудром фильме, где все прошлое овеяно пониманием и силой настоящего...

Н. ТОЛЧЕНОВА

Л. И. Брежнев — первый секретарь Днепровского обкома партии.

Так выглядел Днепрогэс, взорванный фашистами.

Бригада бетонщиц Ани Лошкаревой.

Кадры из фильма.

В руинах лежали города Приднепровья.

«Возрождение». Госкомитет Совета Министров УССР по телевидению и радиовещанию. Сценаристы В. Барсук и А. Путинцев. Режиссер Е. Рябко.

Сердце забилось радостно и тревожно: вот сейчас за поворотом покажется знакомая роща, а за ней родная деревня. Она так и называется: «Бамбуковая роща». Это на юго-востоке Кампучии, в провинции Прейвэнг. Много деревень прошла Ан со своим отрядом, всюду видела обезлюдившие дома и... рвы, полные человеческих останков. Ей хотелось кричать, сердце закаменело от горя, но наперекор всему сейчас в нем теплилась надежда: может быть, родной дом беда обошла стороной...

Ан не была здесь восемь лет. В 1970 году она ушла в джунгли к партизанам, боровшимся против ненавистного режима Лон Нола. Они не праздновали победу, когда в Пномпень вступил Пол Пот, потому что знали — это выкормыш Пекина, сумевший обмануть народ. Они копили силы и продолжали борьбу. Днем их победы стало 7 января 1979 года.

...За рощей показалась поредевшая улица. Перед ней красовалась аккуратная табличка. «Деревня № 22», — прочитала Ан вместо прежнего названия. Все населенные пункты полпотовцы пронумеровали — как блоки в концлагере. Она и была концлагерем, Кампучия времен Пол Пота.

На краю деревни расположилась школа, в которой училась Ан. Вместо парт сейчас здесь стояли солдатские нары, под ними валялись пустые бутылки, а на стене висели портреты Пол Пота и Мао.

На пороге своего дома Ан встретила мать. Старая женщина с изможденным лицом, в заплатанном саронге и дырявом клетчатом шарфе на седых волосах бросилась ей на грудь. Рыдая, она рассказала о том, как жила эти годы.

Вскоре после прихода к власти Пол Пота в деревне появился отряд солдат — 16—20-летние юнцы во главе с офицером. Сначала они ворвались в школу и увели за оклицу учителя и ребят старшего класса. Деревня услышала первые выстрелы. Потом собрали жителей, и офицер объявил, что отныне здесь будет «народная коммуна». Что это значит, сельчане узнали на следующий день. Их подняли в четыре утра и под конвоем погнали на поле. Беременные женщины, старики, дети — все должны были работать до темноты. Есть только в общей «столовой», сооруженной под бамбуковым навесом; на завтрак, обед и ужин — только рис, перемешанный с мелко нарубленными ветками дерева папайи. И так изо дня в день. Рис, который выращивала «коммуна», увозили в Китай. «Больше работать и меньше есть — вот критерий, по которому отличаются подлинные граждане от врагов», — учил офицер. За жалобы, непослушание — наказания палками или смерть. Провинностью считалась болезнь: больных пристреливали или убивали мотыгой. Так погиб отец Ан. За каждого убитого солдат получал от офицера вознаграждение — водку. И по ночам деревня оглашалась криками подвыпивших юнцов, неграмотных крестьянских парней, которым вместо азбуки вдалбливалось, что всякое образование — зло и только винтовка рождает власть. При помощи таких обманутых дикарей клика Пол Пота и правила страной.

...Ненавистью дышали слова Меан Сам Ан, председателя Ассоциации женщин за национальное спасение Кампучии, когда она вспоминала те дни. Я познакомился с ней на проходившей недавно в Москве международной конференции. Ан 23 года, у нее большие черные глаза. Я ни разу не видел в них улыбку.

Полпотовцы лишили нас простых человеческих радостей, гарантировав одно — смерть, — говорила Ан. — До их прихода в стране было 7 миллионов населения, сейчас — 4. Семьдесят процентов оставшихся в живых — женщины, половина из которых вдовы. Двое

из каждых троих детей — сироты. Клика мечтала пойти дальше, путем планомерного истребления оставить в стране лишь миллион жителей, миллион послушных рабов. И потому уничтожалось все, что имело отношение к образованию, культуре. Раньше в каждой провинции было 180—200 школ, сегодня — одна или две. Из 11 тысяч студентов, обучавшихся в 1968 году, уцелели 400. Уничтожено 80 процентов преподавателей. На 4 миллиона населения осталось 69 врачей. Меньше четырех лет была клика у власти, а успела отбросить страну на тысячу лет, к эпохе варварства... Нет, словами не передать трагедию Кампучии. Ее виновникам не должно быть места на земле. Как горько знать, что они еще разъезжают по свету, выступают от имени народа, который хотели убить!

Мне вспомнились эти слова Меан Сам Ан, когда из Нью-Йорка пришло сообщение: на проходящей сейчас 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН кампучийский народ «представляет» самозванцы, место которым на скамье подсудимых. Они уже были на такой скамье, правда, пока лишь заочно: народно-революционный трибунал Кампучии приговорил главарей клики к смертной казни. Тем, кто это забыл, нелишне напомнить строки обвинительного заключения. Для массового уничтожения людей, говорится в нем, полпотовцы применяли «гораздо более жестокие методы, чем те, которые применял Гитлер: ножами и острыми листьями сахарной пальмы они перерезали своим жертвам горло, вспарывали животы, извлекали печень, которую съедали, и желчные пузыри, которые шли на изготовление «лекарств»; используя бульдозеры, они давили людей, а также при-

Меан Сам Ан, председатель Ассоциации женщин за национальное спасение Кампучии.
Фото М. Николаева

меняли взрывчатку, чтобы убивать как можно больше за раз; они закапывали людей заживо и сжигали тех, кого подозревали в оппозиции режиму; они постепенно срезали с них мясо, обрекая людей на медленную смерть; они подбрасывали детей в воздух, а потом подхватывали их штыками...».

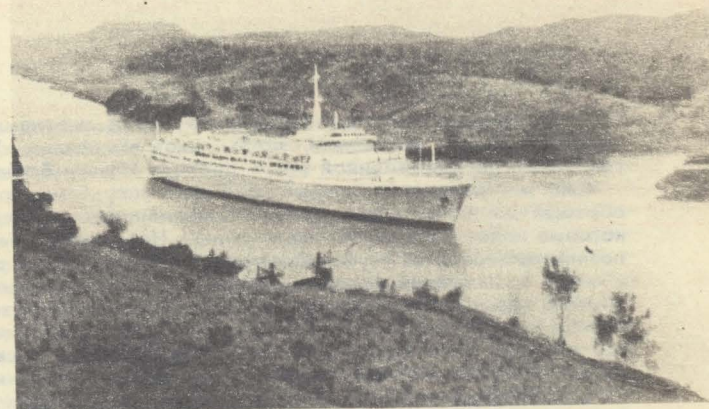
СССР решительно выступает за удовлетворение справедливых требований правительства НРК о том, чтобы место Кампучии в ООН занимали законные представители кампучийского народа.

Недавно в Пномпене состоялся II съезд Единого фронта национального спасения Кампучии. В его работе участвовали более 500 делегатов, представлявших все провинции, все слои населения. Съезд принял решения, касающиеся дальнейшей нормализации жизни в республике, определил основные направления развития страны. Под руководством ЕФНСК кампучийский народ борется за строительство мирной, независимой, демократической, нейтральной и неприсоединившейся Кампучии, идущей по пути к социализму. Законное правительство республики признали уже 31 государство и национально-освободительное движение. А политические призраки, все еще цепляющиеся за представительские кресла, рано или поздно окажутся на свалке истории.

Б. ЛАБУТИН

ПАНАМА

ПОД УПРАВЛЕНИЕ НАРОДА

На Панамском канале.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

БЕСЧИНСТВА

Сорокапятилетний портной Али Исхак и его племянник возвращались домой после ночной смены. Улицы Лондона были пустынные, и двум бенгальцам оставалось всего 400 метров до дома, когда им преградили путь трое парней. Они начали избивать цветных. Али скончался.

Убийство Али Исхака далеко не единственный случай. В том же районе Лондона белые хулиганы зарезали двадцатипятилетнего бенгальца Алтаба Али. Несколько позже из проезжавшей автомашины стреляли в десятилетнюю девочку.

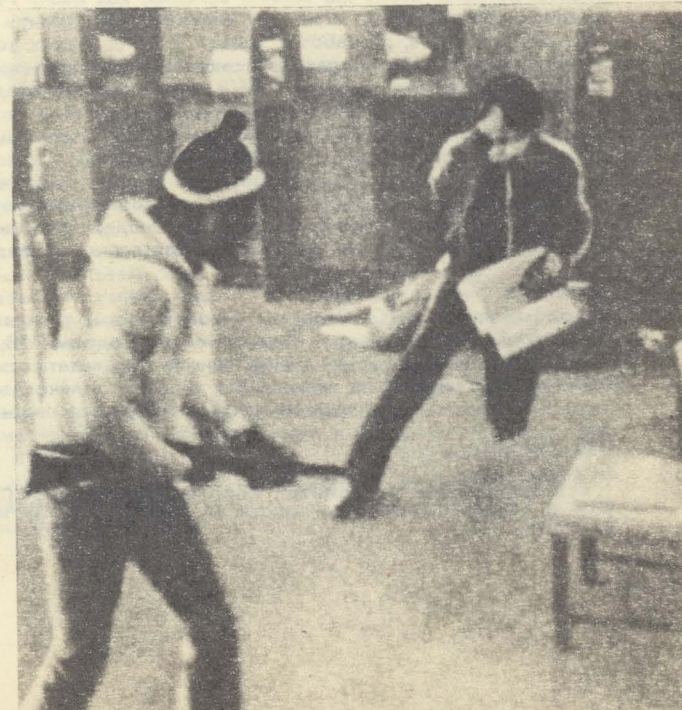
Накануне нападения на Али Исхака двести распоясавшихся расистов учинили погром в соседнем районе. Среди бела дня они швыряли камни и бутылки в витрины индийских лавочек. Бесчинствуя, они скандировали свои лозунги: «Убивайте черных ублюдков!» и «Черных — вон!».

На темных улицах бедных кварталов Лондона, Бирмингема, Манчестера и других промышленных городов Великобритании банды белых хулиганов подкарауливают свои жертвы из числа цветного населения. Даже днем цветные женщины боятся пойти за покупками, а их дети не могут ходить в школу без провожатых.

В свое время крупные компании Великобритании вербовали дешевую рабочую силу в странах Азии и Африки. Иммигрантам предоставляли самую тяжелую и неквалифицированную работу: вывоз мусора, ночные смены на фабриках. В настоящее время в Англии проживает 1,9 миллиона не белых, составляющих 3,4 процента населения страны. Выходцы из Азии и Африки живут в ужасных жилищных условиях и подвергаются жестокой дискриминации во всех сферах жизни. Среди иммигрантов безработица в два раза выше, чем среди белых граждан.

Фашистская организация, национальный фронт, терроризирует цветное население, организует марши и демонстрации расистов Британии. Все эти сборища проходят под охраной полиции. Любые же контрдемонстрации противников расизма разгоняются полицией.

На снимке: молодчиков из национального фронта охраняет полиция.

Сразу же после открытия обеих Америк многие мореплаватели пытались найти путь, соединяющий два океана — Атлантический и Тихий. Магеллан установил, что таковой проход есть только на крайнем юге континента. После него поиски нового пути сообщения между двумя океанами, более удобного, менее удаленного и опасного, чем путь вокруг мыса Горн, продолжались с удвоенной силой. Но они не увенчались успехом. Тогда и возникла мысль прорыть канал в самом узком месте американского континента.

Однако осуществить ее смогли только много-много лет спустя. Судьба канала трагична. За строительство в 1879 году взялась французская компания, которая кончила плачевно: она обанкротилась. Тут-то акции разоренной компании прибрал к рукам дядя Сэм. В 1903 году Соединенные Штаты навязали Панаме грабительский договор, по которому часть территории Панамы переходила в «вечное пользование» США с правом строительства там канала. Первое судно прошло по каналу в 1914 году. Подсчитано, что с 1915 по 1970 год доход США от эксплуатации канала составил примерно 2 миллиарда 33 миллиона долларов. Зона Панамского канала была превращена Соединенными Штатами в свою коло-

нию. Здесь был установлен полный политический, военный и экономический контроль США. Пентагон разместил там военно-морские, военно-воздушные базы США, многочисленные аэродромы, казармы, учебные центры.

Многие годы народ Панамы вел борьбу за возвращение национальной территории и канала. В 1964 году возмущение панамцев достигло предела. Безоружные студенты пытались проникнуть в зону канала. Американские «зеленые береты» открыли по ним огонь. 20 студентов были убиты.

С 1971 года начались панамо-американские переговоры об изменении статуса зоны. 1 октября сего года вступили в силу новые договоры о канале. Тысячи панамцев с этого дня могут свободно передвигаться по территории зоны канала, которая становится неотъемлемой частью государства. Однако борьба за полную ликвидацию колониального анклава США на панамской земле будет продолжаться. Пентагон по-прежнему вступает в силу новых договоров. В зону канала перебросена 75-я авиадесантная бригада для участия там в крупных военных маневрах. Военщина США хочет показать свою силу, запугать панамский народ и подхлестнуть в США антипанамские настроения.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

ШКОЛЫ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Бир-Зейт — старейший и самый крупный палестинский университет на Западном берегу реки Иордан — был закрыт по приказу израильского военного губернатора после студенческой демонстрации. Студенты протестовали против убийства своего товарища. Израильские солдаты окружили территорию университета и отобрали у сотен студентов удостоверения личности. Когда студенты явились, как это им было приказано, в израильский военный штаб, чтобы получить свои документы, многие из них подверглись избиениям, а вечером университет Бир-Зейт был закрыт.

Так сионистские правители Тель-Авива руководят учебным процессом палестинских учебных заведений. Закрытие и необоснованный обыск университетов и школ стали частым явлением на оккупированных Израилем арабских территориях.

Прямая и грубая форма вмешательства Израиля в учебный процесс не ограничивается только этим. Ханна Насир, бывший ректор университета Бир-Зейт, высланный израильтянами в 1974 году без предъявления официального обвинения, сказал, что власти Тель-Авива наложили запрет на арабскую периодику и арабские книги. Палестинцы чувствуют себя особенно ущемленными в правах человека в связи с тем, что те периодические издания, которые запрещено иметь библиотеке Бир-Зейт, свободно выдаются библиотекой Еврейского университета. Израильские власти посягают на два основных компонента университета — библиотеку и профессорско-преподавательский состав. Это означает, что палестинским студентам, которые хотят получить высшее образование в своей собственной стране, создают все возможные помехи в получении знаний. Мы считаем, сказал Ханна Насир, что это одна из форм коллективного наказания.

Оккупационные власти установ-

ливают повсеместно военные контрольно-пропускные пункты около университетских входных ворот. Чтобы войти на территорию университета, учащимся приходится простаивать у ворот по несколько часов. Одним предлагают подождать полдня на солнце, прежде чем разрешат войти в здание университета, других могут совершенно произвольно арестовать и заключить в тюрьму, либо оштрафовать. Все это создает условия, в которых трудно соблюдать расписание занятий, нарушается также психологический настрой студентов.

Если студенты не могут найти книг и периодических изданий, необходимых для соответствующей исследовательской работы, если преподаватели не знают, получат ли они разрешение продолжать работу или нет, если в конце учебного года университеты закрываются без проведения экзаменов и выдачи дипломов, то на какую систему образования могут надеяться палестинцы в своей стране, спрашивает Ханна Насир?

С такими же проблемами сталкиваются начальные и средние школы. В недавнем докладе об обучении и государственных школах на Западном берегу автор приходит к следующему выводу: «Учителя работают в трудных условиях, учащиеся получают образование в обстановке хаоса — их избивают, бросают в тюрьмы и даже расстреливают, если они выражают какой-то протест против оккупации. Учебные программы изменяются и искажаются, чтобы сбить с толку палестинских детей. Неуклонно возрастает отсев учащихся, уменьшается число учеников начальных школ. Возникает вопрос: «Что будет с просвещением на Западном берегу, если израильская оккупация будет продолжаться?»

На снимке: оккупация продолжается. Израильские солдаты на улицах Наблуса.

РАСИСТОВ

США

ЭПИДЕМИЯ ОГРАБЛЕНИЙ

Ограбление банка — преступление, сообщение о котором раньше часто занимало первые колонки газет, теперь стало привычным событием. Слишком часты и обыденны стали подобные преступления за последний год, который был чрезвычайно «урожайным» для американцев. Федеральное бюро расследования считает, что до конца этого года будет ограблено 6200 банков, на треть больше, чем в 1978 году. А в 1960 году подобных преступлений было 436. Да, статистика неутешительная. Только в августе этого года в Лос-Анджелесе было совершено 15 банковских ограблений. А совсем недавно за один только день бандиты шесть раз обчистили кассы банков Нью-Йорка. В один из таких налетов гангстеры унесли с собой из манхэттенского банка 518 тысяч долларов. По словам одного банковского служащего, «эпидемия ограблений банков непосредственно связана с ухудшением экономического положения в стране».

На снимке: сцена ограбления банка, снятая скрытой камерой.

«Международная панорама» подготовлена по материалам ТАСС, журналов «Тайм», «ЮС ньюс энд уорлд рипорт» и «Мидл Ист».

ПАНОРАМА
МЕЖДУНАРОДНАЯ
ПАНОРАМА

БЕЛГРАД ПОМНИТ

Белград, 20 октября 1944 года.

Фото Е. Халдея.

20 октября 1944 года, сражаясь плечом к плечу, воины Советской Армии и Народно-освободительной армии Югославии полностью освободили Белград. Сегодня мы читаем эти строки в книгах по истории. Они были написаны 35 лет назад, когда по улицам города неслись советские танки, на броне которых находился десант воинов Первого Пролетарского корпуса Народно-освободительной армии Югославии. Советские и югославские войска ворвались в Белград одновременно. Несколько дней шли ожесточенные уличные бои. Их участники вспоминают, как в самый разгар сражения майор югославской армии Марко Шиен принес советскому командованию план города, где были указаны огневые точки врага.

И вот, наконец, радостная весть — Белград освобожден. Вспыхнул в небе Москвы праздничный салют в честь доблестных советских и югославских воинов, вспыхнула долгожданная радость в сердцах всех народов Югославии, принесших неисчислимые жертвы ради победы над фашизмом — в борьбе за свободу родины пал каждый десятый житель страны.

Ложатся в эти осенние дни цветы на мраморные плиты мемориального кладбища освободителей Белграда, у подножия памятника Неизвестному герою и памятника советским военачальникам на Авале. Белградцы отдадут дань тем, кто пал в кровопролитных схватках с общим врагом.

Без Советского Союза, отмечал Президент СФРЮ, Председатель Союза коммунистов Югославии товарищ Иосип Броз Тито, была бы невозможна победа над фашистскими захватчиками, было бы невозможно освобождение Югославии, было бы невозможно создание новой Югославии.

Сегодня мы с удовлетворением видим, как крепнут и развиваются отношения между новой Югославией и нашей страной.

Н. КРЫЛОВА

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЛЮДЯМ

Не стало Антона Рефрежье, замечательного американского художника, коммуниста, стойкого борца за дело мира и дружбы между народами. Читатели «Огонька» знали его по многочисленным репродукциям замечательных ярких произведений, опубликованных на страницах журнала, по его статьям, рассказам о его творчестве. С «Огоньком» его связывала давняя и тесная дружба, и когда он приезжал в нашу страну, он почти всегда заходил в редакцию, показывал новые работы, делился творческими замыслами.

Удивительный это был человек! С ним было уютно и тепло. Добрые, внимательные глаза, мягкая, застенчивая улыбка, готовность всегда прервать себя и выслушать собеседника. И при всем том — стойкость и мужество настоящего борца. В квартире на улице Губкина в Москве, где он жил последние месяцы, Рефрежье рассказывал мне, как стал художником.

— Сначала я хотел быть декоратором. В мире капитала это выгодно. Но потом задумался: каким должен быть художник? Я начал сотрудничать в рабочих газетах, где публиковались мои политические рисунки. У меня это пошло, я оказался в центре бурной политической жизни. Я старался связывать свои работы с социальными, общественными движениями в современном мире.

Рефрежье учился искусству в США, во Франции и Германии. В 30-х и 40-х годах он создал монументальные росписи и мозаики для правительственных зданий в США. Шестнадцать панно для американского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939 году принесли тридцатипятилетнему художнику широкое призна-

ние и известность. Его картины украшают коллекции многих крупных музеев США и других стран.

Особое место в его творчестве занимает художественная публицистика. Как всякий добрый человек, мастер становился беспощадным, когда видел зло и несправедливость. Его серия рисунков, разоблачающих зверства Пиночета, фашистской хунты в Чили, наглядно свидетельствует об этом.

Он не только рисовал, но и писал. Его очерки о Советском Союзе, изданные на английском языке и предназначенные для зарубежного читателя, отличаются наблюдательностью и неизменной благожелательностью к советским людям и всему тому, что он видел во время поездок, путешествий по нашей стране.

Мастер говорил мне:

— Вы ведь живете в совершенно другом мире. У вас здесь столько хорошего, а многим все это кажется обыкновенным. Но это замечательно! Ведь какая у вас Конституция! Такой Конституции нет нигде в мире.

Когда знакомишься с книгой американского художника, то чувствуется желание донести до людей правду о советских людях, советской жизни, стремлении советских людей к миру и дружбе между народами.

Трудно свыкнуться с мыслью, что Антон Рефрежье умер. У него было большое, отзывчивое, нежное, но большое сердце. Он будет жить в своих картинах.

Юрий ПОПОВ

В. Черников. Род. 1918. ОНИ НАЧИНАЛИ (ДОНЕЦКИЕ ШАХТЕРЫ).

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

Е. Трегуб. Род. 1920. ПЕСНЯ УКРАИНСКИХ ПАРТИЗАН.

Выставка украинских художников «Навеки вместе», посвященная 325-летию воссоединения Украины с Россией.

В Р А Ж Д А

Анатолий ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

* * *

Когда все прошло, Катя поднялась с кровати и сказала детям:

— Спасибо, мои хорошие. Это так меня вырвало... от похоронок этих. Поешьте там чего да ступайте на двор. А я счас вот приберусь маленько да на работу.

Когда дети убежали из дома, Катя вынесла тазик с рвотой, потом опять долго смотрела в окно на улицу. Тумана и в помине не было, вершины холмов сияли под щедрым весенним солнцем. Ночной дождь обновил и без того весеннюю землю, холмы стали еще праздничнее, старые, чисто вымытые крыши домов тоже будто помолодели.

Лишь в душе у Кати была разлита чернота, все там было перековеркано, переломано, раздавлено. «Как же теперь быть-то? Что делать? Скоро ведь и живот появится, заметно будет...» — думала она, и от этих мыслей дышать стало трудно. Она ударила ладонью в створки окна, распахнула их, жадно глотнула чистого и прохладного воздуха.

Где-то поблизости, за углом, слышались ребячьи голоса, и Катя, перегнувшись через подоконник, крикнула:

— Эй, кто там? Игнатий, Зойка?

Но из-за угла выбежали Николай с Захаром, тревожно засверкали глазенками:

— Че, Кат? Надо чего?

— Сбегайте... бабку Андронику позовите мне.

Из-за угла, пока она это произносила, появились и остальные двое, все вчетвером они кинулись через дорогу к дому Андрона. Катя подумала, что всем-то бы им не надо бежать, чего привлекать лишнее внимание, хотела даже крикнуть, чтоб трое вернулись, но ничего не стала кричать, потянула к себе створки окна, плотно закрыла их на ржавый шпингалет.

Когда старая и немощная Андрониха пришла, Катя, скрючившись, лежала на кровати, смотрела в сторону двери пустыми глазами и будто не видела, не слышала, что она зашла.

Поздоровавшись, старуха окинула взглядом комнату, увидела валяющиеся на полу конверты с похоронками, прошла и подняла их, положила на столик в углу, потом подвинула к кровати табуретку и, скрипя костями, опустилась на нее.

— Себя-то, Катерина, тож пожалела бы, — вздохнула слабой грудью старуха. — Что ж теперь... убивайся не убивайся.

Катя мотнула головой в одну, потом в другую сторону, перевернулась на живот, зарылась лицом в подушку и, прокусив до пера хуленькую наволочку, глухо завывала.

— От ты... господи ты, боже! Ты слышь, Катерина, — беспомощно простонала ста-

рая Андрониха, поднялась с табуретки, растерянно потопталась, опять села. — Ты, говорю, остудись, Катюшка... Ну, сложила их война проклятушая в землю-матушку, царство им небесное...

— В землю! — Катя оторвала от подушки мокрое, распухшее лицо. — И я хочу лечь туда же! Туда же...

— Чего мелешь-то?! — сердито вскрикнула Андрониха.

— Бабушка! Да у меня же скоро... пузо попреет!

И, уронив голову в подушку, опять зарыдала.

Последние Катины слова оглушили старуху. Некоторое время она сидела молча, только вытягивалась как-то странно на табуретке да пошевеливала высохшими губами, а слов никаких не произносила.

Затем подняла вздрагивающую руку, перекрестила уткнувшуюся в подушку Катю.

— Бабушка, бабушка, — простонала та глухо. — Помоги мне!

— Да ить, сердешная... Как помочь-то?

— Как, как! — вздернулась Катя, села на кровати. — Откуда я знаю, как вы это делаете? Ну, дай выпить чего, чтоб кровью из меня все вышло. А то выдави, выскреби...

— Окстись ты! Дура... — опять сердито выкрикнула старуха. — За это теперь тюрьмой жгут. Мне-то все едино где помирать, да ведь и тебя посадят. А мало тебе всего?

Весенний день на улице набирал силу, солнце щедро лило в комнату через два небольших оконца тепло и свет, горячие желтые полосы согревали голые Катины ноги, спущенные с кровати.

Она еще раз негромко всхлипнула, углом одеяла обтерла остатки слез.

— Тайком же, бабушка, — попросила она жалко и униженно. — Никто ж и не узнает.

— Ага, иголка в сене, что ль, это? Федотья вон первая и донесет.

Еще помолчав, Катя тоскливо произнесла:

— Хоть бы еще Доньку за все это спасла... Что же теперь делать мне? Как быть-то?

— Единственно, ежелив добиться, чтоб в больнице все изделали.

— Как?

— Кому нельзя рожать-то... По здоровью редко разве бывает? Тем разрешают аборт по закону.

— По здоровью мне не выйдет.

— Ну, мало ли... ежелив тебе этого начальника попросить. Дорофеева-то.

— Не ет, — качнула головой Катя. — С этим стыдом еще к нему... Нет.

— Ну, тогда и гнись, покуль не упадешь, — жестоко вдруг сказала Андрониха.

— Бабушка! — с обидой и укором проговорила Катя. — Я думала... хоть ты меня поймешь. И пожалеешь.

— Так что понимать-то? Девка ты пако-стливая, все в деревне про то знают. От жиру сбесилась, блудить с того и принялась, пузо и нагуляла с Артемкой. Поганей-то тебя в Романовке и нету. Ну, так за все это и казнишь теперь...

Бабка Андрониха говорила это, блестящие зрачки Кати сперва все расширялись и расширялись. А когда до нее дошло, что

старая женщина в эти жестокие слова вкладывает совсем противоположный смысл, из глаз обильно брызнули благодарные, облегчающие душу и все тело слезы, она качнулась, упала с кровати на колени.

— Да за что, за что все это на меня свалилось? Напасти такие! — воскликнула она, уткнулась лицом в сухие ноги бабки Андронихи, и та легкой, высохшей рукой стала гладить ее по голове, по худой шее, по выгнутой горбом спине...

...Потом Катя, обессиленная и притихшая, опять сидела на кровати, а старая Андрониха тихонько говорила:

— За что напасти эдакие на тебя? А вот я стану говорить, а ты выведи... Ты жизню-то покуда видишь, как в зеркале. Что вокруг случается, то в нем тебе и отражается. А что за другой-то стороной стеколки да что по бокам? Ты вот Федотью этакой злыдней знаешь, а каковая ж тогда в молодости она была? О-хо-хо, не приведи господь! Попила людской кровушки, до сего от нее и хмельная... И батьку ее, Ловыгина, не знаешь ты, и муженька ее Сасония Пилюгина... Имя ему в аккурат, тоже пососал с народу соков. От них, из ихней плоти и Артемий был... Ну-к, к чему я это? Это, значит, у нас тут, в Романовке, одна такая линия была. А другая — это Тихомилы да вы, Афанасьевы. Бабку да деда своего тоже ты не помнишь, до тебя их сгубили Пилюгины. А там, в гражданскую, Сасоний Пилюгин из оружия убил мать Степана Тихомилова — Татьяну. А отец твой потом Сасония шашкой порубил... Всего-то и не расскажешь...

— Чего-то я и слышала, — произнесла Катя. — Мало только, не любил отец рассказывать.

— Словом, да-авняя вражда меж вашей да ихней линией тут, на крови все замешано. Ну, а жизня, что ж... это, сказать, как жернова. Растерла она, значит, многое. Были — да не стало ни Ловыгина, ни Сасония, ни Кузьмы Тихомилова с женой... Из рода тихомилковского Степка один оставался. Из афанасьевского — отец твой, стало быть, Данила. А из ихней-то линии — Артемий с Федотьей. У каждых — детишки, понятно, пошли, как от корней отростки — время-то, как речка, бежало и бежало. Про Артемия Пилюгина с Федотьей долго не слышано у нас было, где-то в северных снегах они жили. А перед войной, за год, что ли, али за полтора, они тут и объявились. Да это помнишь, однако, и ты.

— Да... Зимой они приехали. Я в десятом училась, — сказала Катя.

— Ага... Прямо как лисицы пугливенькие да бедненькие приехали, землю перед твоим отцом да перед Степкой Тихомилым так хвостом и мели. А внутри-то прежнюю злобу и привезли. Таили ее, как горячий уголек под пеплом. И через год... Помнишь аль нет, как бабенка-то Степанова, Ксения, померла? Ну?

— Угорела она.

— Угорела, угорела, — дважды кивнула старуха с горькой усмешкой.

— А разве нет? Все так говорили. И видели...

— Так и я видела. Ксенька тем утром на кровати посинетая лежала, как кочерыжка, в избе угару, ровно воды в корыте, до

Продолжение. См. «Огонек» №№ 37—42.

верхов, печная труба наглухо закрытая... А кто закрыл?

— Да помнится ж, говорили — сама Ксения.

— Сама... — буркнула старуха несогласно.

Смерть жены Степана Тихомилова случилась в самом начале сорок первого. Сам Степан с бригадой колхозников находился в алтайской тайге на заготовке для артели древесины. Ксения вдруг занемогла — в морозный январский день она с тремя бабами возила к фермам сено, где-то ее прохватило, она слегла, а через сутки заметалась в беспамятстве. Дети ее ударились в плач. Захарку увела ночевать к себе в тот вечер Катя, а с двумя младшими, Игнатием и Донькой, влезлась понычаться Андрониха. А бойкая в те годы и проворная на руку Василиха принялась убираться у Тихомиловых по домашности, подоила корову, процедила молоко, истопила на ночь печь...

Утром, когда Ксению нашли мертвой, и пошел разговор — поторопился-де Василиха трубу закрыть, тем и уморила жену Тихомилова. Василиха в рев — не закрывала трубу, загребла лишь прогоревшие кизяки к загнетке да побежала по своему дому управляться на ночь. Причин не верить ей не было, и люди порешили, что сама Ксения как-то очнувшись и по извечной привычке деревенских баб сохранить на ночь как можно больше тепла добралась к печке и до конца прижала задвижку.

— Сама... — еще раз повторила Андрониха с горечью. — А я вот тем вечером глазички Федотьи видела.

На измученном Катиним лице проступило вопросительное выражение. Андрониха шевельнула как-то враз всеми морщинами на дряблых щеках и продолжала:

— А так было... Понесла я Доньку-то домой с Игнашкой да и бросила slučajем на пилюгинский дом глаза. Он же рядом с тихомиловским. Темнялось уж, Пилюгины лампу вздули. Стеколки в окне-то наполовину замерзшие, а поверху, гляжу, Федотьино лицо пялится... Ну, ты можешь мне верить али нет, а только доселе у меня в глазах зрачки ее волчачьи так и стоят. Взгляд тот... Ну, а теперь вот и выведи опять же, чего тут хитрого? Сидела она, как зверица, в засаде да и глядела, как мы детей разбирали Ксенькиных на ночь, как Василиха в дровяник бегала, кизяки носила в дом, как дым с трубы шел. Все в окошко видно. И дождалась, когда Василиха закончила убираться у Ксеньки да к себе побежала... Уже ночь была, чего стоило Федотье тенью скользнуть через дорогу, юркнуть в дом тихомиловский, задвижку печную прижать да обратно. На миг всего и делов... А, не могло так быть?

— Могло, — согласилась Катя.

— И батька твой тогда сказал, что могло. И Степан. Да кабы, гряд, кто хоть видел бы, что Федотья тем вечером в дом ихний бегала... А так, может, и сделала она дело, да правду собака съела.

Катя встала с кровати, прошла по кухне, села за пустой стол. В окна все так же щедро лился солнечный свет, над облезлыми наличниками окон кричали ошалело воробы. Каждый год воробы выводили за наличниками свое потомство. Сперва с утра до вечера звонили сами, затем круглый световой день пищали их ненасытные птенцы. Но уже в июне птичий гомон становился все тише и реже, потом прекращался вовсе, это значит — птенцы были выкормлены, выращены и покинули навсегда родные гнезда. Перед домом и в самом доме тогда становилось как-то пустынно и грустно, а через день-другой Кате обычно казалось, будто никогда за окнами и не гремел воробьиный перезвон, никогда не происходило там одно из бесконечных таинств зарождения и торжества живого. Так вот все произойдет и нынче, с тоской думала она.

— Убей меня али язык за то вырви — Федотья-злодейка Ксеньку сгубила. Так оно все было, на ней на первой Пилюгины злобу свою выместили... Ну, а после все так обернулось, что ты тут из Афанасьевых-то самая большая осталась, — вернул Катю в жестокую и беспощадную реальность голос

бабки Андронихи. — Большая, да беспомощная, что цыпушка. Он, Артемий Пилюгин, и начал терзать тебя, как коршун... Кровь-то их ничего не прощает. А ты говоришь — откудова напасти.

Катя сидела, опустив голову, на ее тонкой шее дергалась синенькая жилка, прищипывая ей невыносимую боль, которая пронизывала все ее тело.

— Ну и дотерзался, — вздохнула Андрониха, будто пожалела Пилюгина, бывшего председателя, и тоже с трудом поднималась.

— Он дотерзался, — быстро повернулась к ней Катя. — А мне-то теперь каково!

— Да уж чего говорить, — кивнула старуха. — Пока живет человек — к богу-то за тучу ему не заскочить и в землю с головой не зарыться.

— А я ж тебе и говорю: задавлюсь от позора...

И Катя умолкла, как задохнулась.

Бабка Андрониха усмехнулась старым своим, провалившимся ртом.

— Вот Артемий-то на том свете обрадуется! А Федотья на этом. — Старуха шагнула к Кате, больно вцепилась ей в худенькие плечи, сердито зашипела в самое ухо: — Рехнулась совсем, девка?! Ишь какая скорая! А на тебе вон дети, вся деревня... Это ты в расчет-то взяла? И подумала бы дурной-то башкой — молоденькая еще какая! Да и красивая, коли на то пошло. Жизнь-то еще тебе не открывалась.

— И не откроется теперь.

— Ну-у! — не согласилась старуха. — А позор — какой тебе позор? Люди — они что, без ума, что ли?

Катя сидела недвижимо, положив оголенные до локтей руки на стол.

— В жизни оно, конечно, непросто, Катюшка. Тут, говорится, с ног только свались, так уж тычков не оберешься. А ты не сваливайся!

Конверты с похоронками, как их Андрониха, подняв с пола, положила на стол, так там и лежали. Катя осторожно дотронулась до них пальцами, но брать в руки не стала.

— Господи, да как хорошо, что Степана-то убили! — глухо и мучительно выдавила она сквозь зубы.

Андрониха качнула седой и легонькой головой в платочке не то протестуя, не то согласно. И вдруг полюбопытствовала:

— Живет слух в деревне, будто там чего-то промеж вас было со Степаном... как он овдовел-то?

Катя медленно повернула к ней голову, глаза ее строго и холодно блестели от сдерживаемых слез. И она, почти не шевеля губами, отчетливо проговорила:

— Что было? Ничего промеж нас не было.

* * *

А было или не было что-то меж ней и Степаном Тихомиловым — Катя теперь и сама не знала.

Все прошлое было словно не с ней и не здесь, а с кем-то другим и где-то далеко за холмами, за дальними далями, задернутыми сплошной пеленой дымного тумана.

Но были в этой пелене будто реденькие участки, сквозь которые иногда открывались-виделись Кате отдельные кусочки далекой прошлой жизни, в которой, оказывается, принимала участие и она.

Помнила Катя, как женился Степан.

Будущую жену он привез из Березовки по осени, когда отмолотились уже и когда стояло то самое бабье лето, которого ждуть не только бабы, но и мужики, чтобы доделывать к зиме оставшиеся дела — подправить вокруг домов оградки, зачинить прохудившиеся поветы, вывезти с лугов сено для скотины, наколоть, сложить в поленицы березовые дрова, укрыть от близкого снега все, что следовало укрывать.

— Это ж тая танцорка! — ахнули в деревне бабы-ягодницы. — Которая в холмах тогда перед Степкой плясала.

— Она самая, — подтвердил Степан. — Ксений звать. Прошу любить да жаловать.

Ксения — рослая, стройная, нисколько не смущалась всеобщим вниманием, впервые

прошла по улице Романовки, как проплыла, одаривая всех счастьем, лившимся из ее темно-синих, доверчиво распахнутых глаз.

— Не идет, а метет! — восхищенно сказал ей вслед дед Андрон, когда Степан подводил Ксению к крыльцу своего дома, и улыбающиеся бабы согласно закивали головами.

И во время свадьбы Ксения подтвердила, что умеет плясать, переплясала она и председателя колхоза Данилу Афанасьева, и нехромого тогда, шестнадцатилетнего Макаева Петруху, и шустрю молодую бабенку Марию с ее мужем — всех.

— Эт поворот-от! — вытирая взмокшее лицо, воскликнул Макеев и, будто не зная, откуда родом Ксения, спросил у Степана: — Где взял такую?! Где взял?

— А под кустом, — посмеивался Степан. — Иду мимо — она лежит. Ну, я и поднял.

Было это в тридцать четвертом. Катя по малолетству — тринадцать только исполнилось, с марта пошел четырнадцатый — за столом не сидела, но с радостью помогала во всех свадебных хлопотах, гусей щипала для варки, лапшу раскатывала, на стол подавала. На другой день после свадьбы Ксения обняла ее и сказала:

— Славная ты, Катенька. Возьми вот... на память о моем счастье.

И дала ей простенькие стеклянные бусы.

— Спасибо, тетя Ксения, — ответила Катя.

Она звала ее тетей Ксенией до конца, до самой ее такой нелепой и непонятной кончины.

И Степана звала дядя Степан, потому что он был старше ее на целых десять лет.

Ну — дядя Степан и дядя Степан, а сама между тем подрастала, и когда было ей уже без месяца или двух девятнадцать, случилось Степану Тихомилову подвезти ее из райцентра в Романовку. Катя училась в десятом, и в первый же день зимних каникул объявился перед ней Степан, поблескивая веселыми глазами, спросил:

— Ну, что, Катерина, домой-то хочешь?

— Ой! — воскликнула она. — Да неужели ж...

— Я в потребкооперацию приезжал. Заодно батька твой и тебя велел привезти. Собирайся.

В тот день хоть и низко, но весело стояло над землей солнце, ночью был хороший морозец, до рассвета сыпалась с неба легкая кухта, а теперь белые снега щедро переливались синими, розовыми, желтыми искрами.

Лошадь бежала резво, сани оставляли на присыпанной той же кухтой земле две гладкие полоски, которые казались мокрыми и уже не вспыхивали, а беспрерывно переливались разноцветными лентами. И еще казалось, если безотрывно глядеть на эти полоски, будто розвальни вовсе и не двигаются, а две эти огненные струйки вытекают из-под саней и стремительно убегают прочь, извиваясь вдоль дороги.

На эти две полоски от саней да на заснеженные, искрящиеся под солнцем холмы Катя и глядела всю дорогу, а на Степана боялась, чувствовала она себя неведомо отчего скванно и всю дорогу молчала. Только раз спросила:

— Как там отец-то с ребятишками?

— Справляемся, — ответил Степан. — За Зойкой бабка Андрониха ходит. А другие-то что ж, большие уж.

Отвечая так, Степан тоже чувствовал вроде неловкость какую-то, Катя это улавливала и еще более смущалась.

Так и ехали молчком.

Лишь у самой Романовки, как спускаться с холмов, Катя, привстав в розвальнях, воскликнула, показывая рукой в сторону:

— Дядя Степан!

Там, куда показывала Катя, всего метрах в сорока от дороги, мышковала лисица. Она то крутилась на одном месте, то делала скачки в сторону, то яростно разгребала лапами снег, распушив трубой хвост. Увлеченная охотой, людей она не замечала.

Степан равнодушно глянул на лисицу и усмехнулся:

— Дядя...

Это окончательно смутило Катю.

— А как же... мне тебя называть?

— Не знаю, — улыбнулся Степан ей прямо в лицо веселыми глазами...

...Помнила Катя, как приехали в Романовку Пилюгины. То есть не само их пришествие, а первую встречу с Федотьей и Артемием, случившуюся на второй или третий день после ее приезда на последние школьные каникулы. Еще когда они со Степаном Тихомиловым спускались с холмов в Романовку, тот сказал ей: «А у нас новые жители объявились». «Кто ж такие?» — спросила Катя, все еще раздумывая, как же ей теперь называть Степана. «А этот последний кулацкий выродок Пилюгин Артемий. Со своей матерью, со всем своим семейством прибыл. Я отговаривал твоего отца пускать их сюда, а он: не за утенка, дескать, мы дрались с ними...»

Кто такие Пилюгины, Катя знала, но при чем тут какой-то утенок, не поняла, а переспросить не решилась. А через день или два и повстречалась с приезжими. Она пошла поутру за водой на речку, по переулку, ведущему к проруби, ковыляла навстречу незнакомая сгорбленная старуха с костылем, потом остановилась и стала ждать ее.

— Чего вам? — спросила Катя, догадываясь, кто перед ней. Переулок был заснеженный, едва-едва двоим разойтись, но, чтобы это сделать, кто-то должен был посторониться.

— Это ты, что ли, Катюха-то Афанасьева? — спросила старуха ласково и дружелюбно.

— Ну, я, — ответила Катя. Она сняла с плеч коромысло, в другую руку взяла оба ведра — так удобнее было обойти старуху. Но в это время из калитки ближней усадьбы вышел человек в полушубке и мохнатой, из какого-то неведомого меха шапке и еще издали спросил:

— С кем это ты, мать?

Старуха не ответила, все стояла и разглядывала Катю маленькими усохшими глазами, голос ее был ласковый, а вот в глазах горели холодные, колющие искорки, неприятно покалывали. А когда человек в мохнатой шапке подошел, Катя увидела, что это молодой, примерно ровесник Степана, мужик, глаза у него, как у матери, маленькие и острые, но в отличие от старухи угодливые, плечи покатые, нос крупный, скулы угловатые, тяжелые.

— Видел, Артемушка, каковая старшая дочь-то Данилки? — проговорила старуха тем же голосом. — Эка вымахала, в красавицу. Погляди, погляди...

— Доброго здоровьица. Утро добренькое, — дважды поздоровался Артемий Пилюгин. Стоял он прямо и недвижимо, но Кате показалось, что он дважды поклонился. Видно, оттого показалось, что уж слишком заносчивым был голос. — А мы вот, значит, вернулись. Поскольку родимые места...

— И отец его, Артемушки, тут, на романовском кладбище погребен, — добавила Федотья.

Потом несколько мгновений они стояли друг против друга молча и нежовко. Наконец Артемий первым шагнул в сторону и старуху потянул за плечо:

— Дай, мать, дорогу-то человеку...

...И знала Катя, когда померк, потух навсегда веселый свет в глазах Степана. Из алтайской тайги, как сообщили ему о смерти Ксении, он прискакал полоумным, ворвался, черный и страшный, к ним в дом.

— Как! Ка-ак?! — застонал он, хватаясь, чтоб не упасть, за плечи отца.

— Теперь и гадай, как... виновато и тоскливо проговорил отец. — Угорела хворая, а мы недоглядели. Хотя всяко на деревне судачат...

— Кто? Что? Как?! — еще трижды прокричал Степан голосом, от которого у Кати по всему телу посыпались мурашки.

И тут отец жестко воскликнул:

— Образуясь, Степан! Крошева и дурак научиться может... Всякие разговоры да предположения к делу не пришьешь.

Степан все еще держался за плечо отца, а тут ноги его стали подламываться, рука с плеча соскользнула, и он начал тяжело сползать вниз. Отец подхватил его, не до-

вел, а дотащил до голбчика, усадил. Степан привалился плечом к печке, прижался к ней головой в шапке и начал подвывать, как сиротливый щенок.

Кате стало страшно. Мужик, а плачет, как немощный и хворый ребенок. Она тяжело и громко вскрикнула раз, другой, третий...

Опомнилась от того, что в уши заколотил сердитый голос отца:

— Ты-то чего разревелась? Перестань сейчас же!

Опомнилась и увидела, что Степан сидит на голбчике теперь прямо, шапку сжимает в руках. Глаза его сухие, только нет в них ничего живого, все в них замерзло.

— Степан! Степа! — невольно вырвалось у нее, она качнулась к Тихомилову, упала перед ним на колени, схватила за руки, которыми он сжимал свою шапку, и, запроки-

нув голову, глядя в его потухшие глаза, сквозь слезы заговорила торопливо: — Только ты не плачь, не надо... А детишек мы выходим... С Донькой я буду возиться. Давай ее к нам. Мне что с одной Зойкой, что с двумя... Сестричками и вырастут. А остальные сами бегают, ничего. Ты слышишь, ты слышишь? Пап, и ты скажи ему, скажи!

Отец ничего не сказал, только согласно кивнул, а сам Степан проговорил:

— Спасибо, Катя. Спасибо...

В такую-то минуту и так вот непроизвольно и назвала она впервые Тихомилова не дядей Степаном, а просто по имени, как равного по возрасту.

Все это случилось за несколько месяцев до войны.

Как прошла вторая половина зимы и весна, Катя и не увидела. Шестеро детей на одну — трое своих да трое тихомилов-

ских — это не шуточки. А самому старшему из всех, Мишухе, было тогда лишь девять годков, шел десятый. Хоть и девять, да помощником был и сторожил мальков, когда Катя за водой бегала, коров доила, по хозяйству в том и другом доме управлялась. И самой Кате помогал — дров к вечеру наносит, сенца скотине набрасывает, если отец и Степан Тихомилы когда на работе закрутятся. А уж покормить всю ораву почти всегда было его делом. Старшие, понятное дело, ели сами, за ними только строгий пригляд вел Мишуха да покрикивал грубовато: «Вы, заразы, без баловства за столом! А то вот до огня надеру уши! И чтобы все слопать у меня». А младших, Зойку с Донькой да Игнатия, кормил по очереди с ложки, приговаривая примерно на такой манер: «Эти оболтусы хоть и большие, да глупые, вон Колька с Захаром, паразиты, хлебом швыряются, ну я им накручу холки сейчас. А вы маленькие да умненькие у меня, ешьте да растите пошибче. А то ведь одна на всех на нас мамка-то Катя, измаялась она с нами».

Однажды, когда за окном стоял холодный и вьюжный март, пятилетний в ту пору Колька в ответ на такие слова пропищал:

— Катька не мамка вовсе мне.

— А кто ж, оболтус ты этакий? — строго спросил Мишуха.

— Не знаю... Дочка она тяткина.

— А мне она мамка, — заявил вдруг Захар Тихомилы. Он был постарше Кольки и, прежде, чем произнести эти слова, о чем-то, наморщив лобик, старательно подумал.

Колька долго выколупывал хлебный мякиш из горбушки, но не ел, а складывал крошки в пустую тарелку. А потом проговорил:

— А твою мамку на могилки отнесли.

Глазены Захара подернулись влагой, но он не заплакал, а сказал:

— Это одна была мамка... А Катя другая.

Кормила Катя детей когда где придется — то в своем доме, то в тихомилыском. В этот раз ужинали в тихомилыском, Катя возилась с чугунами у печки, а сам Степан только что вернулся с поля, где с рассвета обмолачивали хлебную скирду, сидя на скамейке, стаскивал с окоченевших ног промерзлые насквозь валенки. При этих словах старшего своего сына он словно забыл про лежавшие у него на коленях сухие шерстяные носки, минуту назад поданные ему Катей, красные босые ноги его стояли на холодных досках пола, не чувствуя холода, в глазах, обращенных на девушку, плескалось не то изумление, не то растерянность.

— Вот доболтались до чего, — проговорила Катя, будто в чем-то виноватая, глянула на Степана, встретила с такими вот его глазами. И тут уж смутилась по-настоящему: — Ты, Степан... чего?

Что ответить Кате, Степан не нашелся, опустил голову и стал натягивать носки.

С этого-то вечера между ней и Тихомилывым Степаном и возникло то незримое, что стало разделять их все больше и больше. Пролетела вроде какая-то полоса и с каждым днем потихоньку расширялась. Нет, внешне ничего не изменилось, Катя так же приглядывала за его домом и ухаживала за его ребятишками, как за своими, но с самим Степаном разговаривала меньше. Скажет, когда уж нельзя без этого, самое необходимое, а так старалась обходиться без слов. И старалась она не смотреть на Степана, как-то боялась теперь его. И он, чувствовала и видела Катя, вел себя так же. А в глазах его, после смерти жены потухших, и вовсе теперь стояла, как в осеннем болоте, неподвижная тоска и грусть.

А вскоре Катя случайно подслушала такой разговор меж Степаном Тихомилывым и отцом:

— Совсем бы я не выдюжил, дядя Данила, кабы не Катька твоя. Найдется ли у меня богатства, чтоб отблагодарить ее!

— Да уж что говорить. Одна на двоих она у нас теперь с тобой.

— Захарка мой недавно сказал: мамка, мол, мне она.

— Погоди... — негромко вымолвил отец. — Это ты о чем?

— Сынишка, говорю, несмышлениш...

Отец и Степан ужинали, на столе у них стоял закопченный чайник, а Катя с детьми лежала на полках. Набегавшиеся за день дети спали, как мертвые, а Катя уснуть никак не могла, на полках было душно, натруженные за день ноги стонали. Она невольно прислушивалась к разговору, последние фразы отца и Степана словно огнем ее окатили. Она перевернулась со спины на бок, беззвучно и горько заплакала. Сквозь слезы еще разобрала приглушенный голос отца: «Ты не тревожь, Степка, ее душу. Она у нее еще хрупкая. Ну ладно, разбегайся, завтра делов-то нам с тобой невпроворот».

С этого вечера полоса, разделяющая ее и Степана, стала будто еще шире. Катя вовсе замкнулась, все дела теперь совсем делала молча, сердито хмурая лоб. И в глазах Степана все отчетливее стала проступать растерянность и вина.

Недели через две он не выдержал и сказал:

— Измоталась ты. Давай-ка я каную старуху попрошу за детьми походить...

— Старуху?! — сорвалась вдруг Катя. — И правда! А то, гляжу, настоящей мамкой меня хочешь для них сделать! Слышала я разговор-то ваш с отцом. Да пропадите вы все пропадом!

И она, рыдая, сдернула с гвоздя пальтишко, стала его натягивать, собираясь бежать домой, никак не попадала в рукава и все повторяла: «Пропадите! Пропадите...»

Степан Тихомилы молча подошел к ней, помог одеться, отстранив ее руки, сам застегнул ей пуговицы, снял с гвоздя шерстяную, самодельной вязки шаленку. Прикосновение его рук вдруг отняло у нее все силы, она, как ребенок, позволила ему и застегнуть пуговицы и накиннуть на голову шаль, только стояла и всхлипывала.

А закончив ее одевать, Степан негромко и грустновато проговорил:

— Слушай, Катя... Я бы и женился на тебе, кабы помоложе был да кабы ты согласилась на столь детей идти... А самое-то главное — кабы Ксенька забылась. А она стоит перед глазами, как живая. Без нее я вот и гармонь ни разу не трогал, стоит осиротелая...

Катя, оглушенная его словами, даже всхлипывать перестала, только вытирала ладонями мокрые щеки.

Степан отошел к окну, стал глядеть на осевшие, почерневшие уже апрельские снега. Широкие плечи его показались ей жалкими и беспомощными. Постояв так безмолвно, она вышла.

А назавтра, едва рассвело, она отмахнула дверь дома Тихомилы, внося беремья поленьев, высыпала их у печки. Степан, глядясь в обломок зеркала, скоблил бритвой со щек жесткую щетину. Повернув к ней намыленное лицо, сказал:

— Катя, я же вчера сказал: старуху какую-нибудь...

— Ага, — буркнула она, раздеваясь. — Будто у меня руки-ноги совсем отсохли... Отправляйся давай, отец в контору ушел уж, а я на завтрак чего сготовлю.

* * *

...Одного не помнила Катя, когда она все же полюбила Степана, одного не могла понять — как все это произошло. До смерти Ксении она никогда вроде и не думала о Степане, а померла она совсем-совсем недавно...

Но это наперекор всему произошло, и видно, как потом размышляла Катя, задолго до того, как она, лежа на полках, подслушала невольно их с отцом разговор. А вот когда точно — неизвестно. Да и кто когда такое дело устанавливал с календарной ясностью?

Внешне все обстояло по-прежнему, Катя хлопотала целыми днями по его и своему дому, обихаживала оба вывода, не делая различия, как и раньше, между его детишками и своими. Бесконечные дела как-то и не так ее теперь утомляли. Только ночами она стала думать о Степане, и сердце ее

больно посасывало. Она засыпала с мыслью о нем, и как пробуждалась, видела сразу же перед собой его тоскливые, невеселые глаза.

И говорили они по-прежнему мало, опять же лишь о самом необходимом. Да и то так, будто каждый стеснялся друг друга.

Гармонь его действительно стояла в углу на століке, онемевшая со дня гибели Ксении, прикрытая кружевной накидкой. Время от времени Катя снимала накидку, обтирала с гармони пыль.

Однажды в конце мая, как колхоз отселялся, Катя истопила стоявшую на тихомилыском подворье баню. Сперва выпарились отец и Степан, пропадавшие всю весну в поле, а с ними вымылся и Мишуха. Остальных детей сводила в баню сама Катя.

Когда она, после мытья тоже розовая и потная, запустила в избу гуськом детей, отец и Степан ели за столом картошку с мясом, между тарелок стояла наполовину выпитая бутылка.

— Садись-ка, Катерина, с нами, — сказал отец. — А детей потом уложишь.

Все это показалось Кате многозначительным, сердце ее упало, тем более, что отец плеснул ей немного водки со словами:

— Выпей, Катенька ты моя.

Водку она пробовала несколько раз, ничего хорошего в ней не находила, от нее противно лишь кружилась голова. Но сейчас отказываться не стала, проговорила с каким-то вызовом:

— А что думаете? И выпью. А за что?

— Да за тебя, дочка, — просто сказал отец.

— Я за нее, дядя Данила, полный стакан выпью. — И Степан выпил.

Потом, молча поковыряв в тарелке, Степан подошел к стоящей в углу гармонии, снял накидку, провел ладонью по ее лакированной поверхности, но в руки брать медлил.

— Сыграй, Степан, — тихонько попросила Катя.

Степан как стоял спиной, так и продолжал стоять, все гладил и гладил трехрядку. Затем медленно укрыв ее накидкой и медленно, с трудом обернулся.

— Не могу, Катя. Я ж тебе говорил...

Вот так вот. А она-то, дура, ждала невесты чего.

Внутри у Кати все стонало не то от обиды, не то от смертельного оскорбления, лицо полыхнуло огнем. И хорошо, мелькнуло у нее, что после бани она распаренная, и хорошо, что глоток водки выпила, а то бы отец заметил ее состояние, обо всем догадался бы. Господи, да и без этого сейчас догадается, вот-вот слезы ручьем хлынут...

Она опустила голову и, не поднимая ее, полезла из-за стола.

— Давайте... А то детей кормить да укладывать пора, — выдавила она, находясь уже к отцу и Тихомилы спиной и чувствуя, как потоком льются по щекам горячие слезы.

И откуда взялся он, этот слух, что между ней и Степаном было что-то? И в тот последний месяц, перед тем как грохнула война, со Степаном она почти не виделась. Рано пошли травы в тот год, с самой весны было много дождей, которые мешали севу, а травы к началу июня вымахали по пояс. В колхозе было три свои сенокосилки и несколько конных граблей. Степан сперва пропадал целыми днями на кузне, помогая хромоногому Петрову Макееву их отлаживать, а потом и вовсе жил на сенокосах. А она, Катя, все так же возилась да возилась с шестерыми детишками.

Зловещее известие о войне и в их маленькой деревушке изменило привычное течение жизни. «Поворот!» — произнес свое обычное пьяненький кузнец Макеев, выслушав под вечер 22 июня по батарейному радиоприемнику, который выставили в открытое окно колхозной конторы, выступление Молотова. И в самом деле все повернулось и потекло теперь в иную сторону. Ночей в июне почти нет, в одиннадцать еще светло, а в три уж и солнце за холмами где-то маячит, огонь в домах людям без надобности, а в эту первую военную ночь они горели до рассвета. С утра заходили

по небу тяжелые дождевые тучи, грозя промочить высохшую уже на лугах кошенину, а председатель колхоза с Тихомиловым никак не могли отправить людей сгребать и стоговать сено, колхозники толпились у конторы, дожидаясь известий о том, что немцев за советскую границу уже выперли и война окончилась... Дождь-таки обвалился к полудню и сильно попортил готовое сено. В этот же день пришло в колхоз известие о мобилизации, под которую подпало дюжины полторы романовских парней и мужиков, в том числе и Степан Тихомилов.

На сборы мобилизованным было отведено всего полтора дня, и Степан, бледный и немного растерянный, то прижимал к груди головушку старшего своего сынишки, шестилетнего Захара, то сажал на колени Игнатия с Донькой.

— Кровинушки! В детдом, сказали мне в военкомате, теперь вас... Завтра поедем.

— Какой детдом? Ополонумел! — закричала сквозь слезы Катя. — Будто я уж неживая... Али не привычная к такому делу?

— Ах, Катя, Катя! Катенька, война ж. А коли там меня...

— Язык-то у тебя как поворачивается! Бессовестный.

До вечера Степан еще несколько раз пытался завести разговор о детдоме, а Катя, будто дети были ее собственные, сквозь слезы кричала ему враждебно:

— Не дам! Не дам... Пап, да скажи ты ему, дуралею!

И Данила Афанасьев в конце концов хмуро проговорил:

— Пушай она, Степан... Разве там-то им лучше будет?

— Так, дядь Данила... Рано или поздно — и ты уйдешь. Как тогда она?

— А там и решать будем, — ответил председатель колхоза.

Потом, весной сорок второго, когда ушел на фронт и Данила Афанасьев, вопрос этот решился просто. Прощаясь с дочерью у крыльца, отец сказал:

— Вишь, какое горе над землей нашей. Всем тяжко. Ты уж как-нибудь сбереги детишек...

— Папа, папа... — уткнулась ему Катя горячей головой в грудь. — Ты только вернись, вернись!

— Куда ж я денусь. И Степан вернется...

Весной сорок второго решился этот вопрос так, а в июне сорок первого, прощаясь на вокзале со Степаном Тихомиловым, о своих братьях и совсем малолетней сестренке Катя вовсе и не думала. Они для нее в те минуты будто и не существовали, а были лишь его, Степановы, дети, о которых она без конца ему говорила и говорила:

— Не забудь об них... Они ж мне давно не чужие. Мамкой, слышал же, зовут.

— Спасибо, Катя... Спасибо, Катя, — одно и то же повторял он без конца, будто пьяный.

И вдруг в ответ на какие-то ее тоже бесвязные слова он заговорил голосом твердым и ясным:

— Одно скажу тебе, Катя. После смерти Ксени я будто еще одну долгую жизнь прожил. Не знаю как, но ты у меня в душе переворот сделала. В общем, как с войны вернусь и если ты будешь согласная...

Закончить она ему не дала, зажала рот ладонью.

— Не надо, Степ... — и припала головой к его плечу.

На районном вокзале, где стоял состав из теплушек, творилось невообразимое. Играла духовая музыка, в голос ревели женщины, слышался пьяный смех, раздавались нестройные песни. В бурлящей толпе несколько раз мелькал Данила Афанасьев, провожающий мобилизованных односельчан, неподалеку от Степана с Катей выла, лежа на груди Артемия Пилюгина, жена его Лидия, а старая бабка Федотья, тыкая ей костью в спину, говорила: «Вот теперь и поплачь... Шибче убивайся-то, за Советскую власть муженек воевать едет. Отец-то его, Сасоний, вот поглядел бы...» От шума, от гама, от пьяных песен, и женского плача, и от собственных слез голова у Катя была как распухшая, но она отчетливо слышала слова бабки Федотьи, только

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО!

«МАРАТЬ БУМАГУ...»

Министерство целлюлозно-бумажной промышленности рассмотрело материал «Марать бумагу...», опубликованный в журнале «Огонек» (№ 22 1979 года) под рубрикой «Ваше письмо получено».

Копировальную бумагу и красящие ленты для пишущих машинок выпускает московское производственное объединение «Союз». С целью значительного улучшения качества этих изделий, увеличения объема их выпуска в объединении «Союз» в 1977—1978 годы осуществлены значительные работы по техническому перевооружению производства. На Малинской и Готвальдовской бумажных фабриках (Украинская ССР), поставивших бумагу — основу для копировальной бумаги, также выполнен комплекс мероприятий, обеспечивающих увеличение выпуска и улучшение качества.

В настоящее время объединение «Союз» выпускает на новом оборудовании копировальную бумагу многократного использования для пишущих машинок и одноразового использования — для ЭВМ. В 1980 году мощности предприятия будут полностью освоены и обеспечат выпуск этой продукции в объеме 14 миллионов папок (по 100 листов) за год. Для улучшения качества копировальной бумаги со второго полугодия 1979 года краска для покровного слоя по плану взаимных поставок поступает из ГДР.

Объединение «Союз» может обеспечить выпуск в год 20 миллионов катушек красящих лент и пишущих машинок. Для этого необходимо 3,2 миллиона погонных метров синтетической ткани-основы. На 1979 год Госнаб СССР выделено Минбумпрому для этих целей лишь 2,2 миллиона метров

хлопчатобумажной ткани; красящая лента, изготовленная из этой ткани, быстро изнашивается.

Применение синтетической ткани позволило бы увеличить срок службы красящих лент в несколько раз, что равносильно увеличению объема их производства до полного удовлетворения потребностей. Однако такая ткань Минлегпромом СССР пока не создана, а получаемая объединением «Союз» синтетическая ткань типа «шелон» пригодна лишь для выпуска лент к ЭВМ и кассовым аппаратам. Но и она поставляется в незначительных объемах. По этим причинам мощности объединения «Союз» в 1979 году используются не полностью.

Производство копирующей бумаги организуется на бумажной фабрике имени Ю. Янониса. В 1979 году произведена опытная партия такой бумаги, получившая положительные отзывы. На 1980 год запланирован выпуск 500 тысяч блокнотов копирующей бумаги.

В целях дальнейшего улучшения качества многократно-копируемых материалов министерство обратилось в Госплан СССР и Госнаб СССР с просьбой обязать Министерство легкой промышленности СССР и Министерство химической промышленности СССР увеличить поставку ткани типа «шелон» в 1980 году до 2,4 миллиона метров и освоить в 1980 году производство специальной синтетической ткани для лент к пишущим машинкам, а Минхимпрому и Миннефтехимпрому СССР ускорить разработку и освоение производства отечественных химических копировальных материалов в соответствии с ранее выданными техническими условиями.

К. И. ГАЛАНШИН,
министр целлюлозно-бумажной
промышленности СССР

КОММЕНТАРИЙ «ОГОНЬКА». Проблема копировальной бумаги и лент для пишущих машинок все еще остра и решается не в полном объеме и очень медленно. Это же, по сути, отмечается и в письме министра целлюлозно-бумажной промышленности. Редакция «Огонька», нашим читателям, принявшим активное участие в обсуждении вопросов, поставленных в публикациях журнала на эту тему, хотелось бы знать, какие конкретные меры принимают Министерство химической промышленности СССР, Министерство легкой промышленности СССР, Министерство нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР для того, чтобы намеченные ранее планы были полностью выполнены. Видимо, есть резервы и у Министерства целлюлозно-бумажной промышленности СССР и, конечно, у фирмы «Союз».

никак не могла понять их смысла. Дети Артемия, Пашка с Сонькой, дергали мать за одежду и, хныча, просили ее совсем о другом: «Не плачь, мама... Бабушка вон не плачет, и ты не плачь». Но до всего этого Кате будто дела не было. Она открыто и впервые в жизни прижималась к Степану Тихомилову, чувствовала его тепло, отчего у нее еще больше кружилась голова.

— Не надо, — произнесла она еще раз, оторвалась, поглядела ему в глаза. — А как приедешь — на гармошке мне сыграешь? А, сыграешь?

— Да конечно, Катя!

Из вагона он ей махал до самого конца, пока состав не завернул за какие-то здания, и все кричал, кричал: «Я тебе обо всем напишу, напишу!»

В первом же письме он, еще с дороги, написал то, о чем Катя не дала ему договорить: если она после войны согласится выйти за него, то он и ветру на нее пахнуть не даст.

Катя никогда не показывала это письмо отцу, носила его, пока конверт не истерся, при себе, а потом положила в самое потайное место.

И тем не менее тогда весной сорок второго отец, прощаясь с ней у крыльца, по-

глаживая жесткой рукой ее голову, после слов о том, что они со Степаном обязательно вернутся, прибавил:

— И это верно, Катя, он не даст на тебя и ветру пахнуть.

— Ты... ты читал мое письмо? — вспыхнула Катя.

— Что ты, дочка! Так мне сам Степан написал с фронта. Катя, говорит, согласная, а я и ей заявил и тебе, пишешь, обещаю, как ее отцу...

— Папка, папка! — еще раз только и воскликнула тогда Катя.

Отец уезжал на фронт один, никто, кроме нее, хромоногого кузнеца Макеева да старого Андрона, его не провожал. Да еще у ходка стоял Артемий Пилюгин, недавно вернувшийся с фронта по ранению, самолично решивший отвезти отца в райвоенкомат.

— Ну, Катенька, давай уж как-нибудь тут, — еще раз обнял он ее. — Новый председатель вот обещает помогать тебе с такой оравой по возможности.

— Помогу, помогу, не беспокойся даже об этом, — угодливо тогда произнес Пилюгин.

Продолжение следует.

Григоряны у памятника погибшим.

Александр САВАЯН

Фото А. НАГРАЛЯНА

На Ширакское плато весна приходит поздно. В Араратской долине деревья уже покрылись белой пеной, а здесь земля только пробуждается, и лишь звенящая капель морзянкой выводит весеннюю мелодию, переключаясь со стуком кирок и лопат. В парке Победы на окраине Ленинакана закладывают

новые аллеи. На одной из них человек сто — пожилые мужчины и женщины, молодые парни, девушки и дети. И все они носят одну и ту же фамилию. Это бывшие фронтовики, члены их семей, родные и близкие закладывают аллею в память о павших воинах отделения Григорянов.

...Их было 12 человек, и просьба к военному была одна — направить в любую часть, только всех вместе. Просьбу учли. Так в январе 1942 года было сформировано отделение Григорянов. Самому младшему, комсомольцу Агаси Григоряну, 18 лет. После кратковременного обучения он и был назначен командиром.

— Нелегко командовать подразделением, в котором рядовыми служат твой отец, дяди, двоюродные братья, — вспоминает сейчас Агаси Барсегович. — Но «семейный военный совет» постановил: слово командира, независимо от того, кто он — сын, племянник или брат, — закон. Отделение Григорянов должно быть образцовым.

Прежде чем уйти на фронт, им предстояло еще одно испытание...

«...Становись!.. Смирно!.. Шагом марш!»

Отделение вышло из казармы. Двенадцать человек шагали по затемненным улицам родного города. Шли в строю, потому что на все отделение была выписана одна увольнительная. И шли они попрощаться с родными перед отправкой на фронт. В дом, где после них не оставалось ни одного мужчины старше пяти лет...

«...Дорогие наши, родные! Неделя прошла, а мы еще в пути. Никто из нас не отстал, все здоровы. О нас не беспокойтесь — ведь мы вместе... Если б вы видели, что делает проклятый фашист с людьми. Если б вы видели, как плачут дети...»

Под письмом двенадцать имен. Пока двенадцать. Они не написали всей правды: они уже не в пути. Часть заняла рубеж под станцией Прохладной, наутро предстоял бой и никто не знал, чьи имена останутся в следующем письме.

Как выяснилось потом, фашисты знали, что перед ними стоит не кадровая часть. Новобранцы еще не умели как следует маскироваться, неважно стреляли. Что же касается штыковой...

Комиссар полка Ашот Арутюнян поднялся, как-то буднично, неторопливо, туго заправил гимнастерку и шагнул вперед. За ним поднялась цепь...

После войны бывший комиссар полка, а ныне ученый Ашот Арутюнян и Агаси Григорян встречались не раз. И не раз вспоминали они тот бой.

...Отец бежал рядом, с другой стороны — дяди Варзадад, Мрктич, Акоп... Из-под бугра ударил пулемет, второй... И отец и дяди старались прикрывать собой сыновей и племянников...

И М Е

«Твой сын, — писал жене Барсег после боя, — объявил мне и дядям выговор. Построил отделение и сказал, что пословица «поперек батьки в пекло не лезь» на время войны отменяется! Мы, конечно, промолчали. Но ты не беспокойся...»

Когда в Ленинакан пришло первое письмо от командира полка, в котором говорилось,

Агаси Барсегович.

Самая младшая в этой большой дружной семье — Лусине.

Дети, внуки Григорянов — живых и погибших.

НА НА ПОВЕРКЕ

что отделение Григорянов сражается отлично, их уже осталось четверо из двенадцати.

Ожесточенные бои развернулись на Северном Кавказе. Здесь, на подступах к Моздоку, отделение Григорянов приняло свой самый тяжелый бой.

Они уже привыкли, что на войне горит даже земля. Ярким факелом вспыхивали бронированные чудовища с черными крестами на башнях, объятые пламенем, шли под откос железнодорожные составы, дымя, врезались в землю «юнкеры»... Но под Моздоком фашисты подогли хлеба, и в пламени, которое ветер гнал в сторону наших, было слышно, как стонут, погибая, колосья. Первым, не выдержав, вскочил дядя Акоп. С винтовкой наперевес бросился в пламя, за ним — Барсег, потом племянник... «Бей их, сволочей!»

...Агаси вынес из боя тяжело раненного дядю Акопа и, вернувшись обратно, не застал отца. Два километра бежал за санитарной машиной, но не догнал. Встретились отец с сыном уже после войны, дома.

Через день был тяжело ранен сам Агаси. Только спустя много месяцев он узнал о судьбе солдат своего отделения. Домой вернулись лишь Барсег и Агаси — отец и сын.

...Этот дом был полон вдов и сирот. Люди, проходя мимо, снимали шапки, заглядывали сюда, чтобы прочесть последнее письмо Арташеса, написанное в Берлине, за несколько часов до того, как прогремели последние выстрелы войны.

«...Весна в Берлине совсем не похожа на нашу... Думаю, что не задержусь. Нас будет немного, мужчин в доме, но мы все сможем. Только бы домой поскорее!»

Они многое смогли — два израненных, больных солдата. Они собрали под одну крышу свою большую семью, отстраивались, работа-

ли от зари до зари, и люди, которые никогда не обходили стороной семью Агаси Барсеговича, не могли различить, где тут дети свои, а где сироты. В ту трудную пору для всех них этот дом стал родным.

Разрослась, возмужала семья. Как молодые тополя, выросли рядом с Агаси его сыновья. И рядом с ними, как члены одной семьи, — сыновья, дочери погибших. За праздничный стол садилось уже не отделение, а батальон Григорянов. Каких только специалистов среди них нет — строители, агрономы, учителя, механизаторы, инженеры! А потом вступили в мир внуки павших солдат, и, как символ вечной памяти, нарекли их именами дедов, не вернувшихся с войны.

Хоть и живут теперь уже каждый своей семьей, но где бы ни были Григоряны, в День Победы собираются они у Агаси Барсеговича.

Висят на стене солдатские фотографии. Десять, не знающих, что они давно уже стали дедами, отцов, которые моложе своих сыновей и скоро будут моложе внуков. И перед ними отчитываются их сыновья и внуки. Потому что традиции не только в преемственности имен, как это принято в Армении, но прежде всего в делах, за которые отданы жизни...

«Мать! Меня приняли в партию! Перед самым боем. Жаль, партбилет не успел еще получить», — писал с фронта Агаси. Он не знал тогда, что пройдет много месяцев борьбы врачей за его жизнь, партбилет привезут в госпиталь и красная книжка будет лежать в сейфе начальника госпиталя. Агаси торжественно вручат ее в день, когда он будет прощаться с медиками...

— Отец!.. Вот! — взволнованный Сарик протягивал отцу новенький партбилет. — Только что получил!

Он стоял взволнованный, радостный, молодой строитель. Агаси однажды приехал к нему на стройку Ахурянского водохранилища, видел его в работе, среди товарищей, видел, как много он взваливает на себя, даже ночует здесь. Спросил у начальства: «Как он, сынок мой, трудится?» «Все в порядке, Агаси. Сарик делает то, что надо». Сын был комсомольским вожаком и строил свое первое водохранилище.

И вот — партбилет!

— Поздравляю, сынок! — Агаси Барсегович крепко пожал ему руку, и расцеловал, и вышел из комнаты. Вышел и подумал: а ведь все дети солдат отделения Григорянов — коммунисты. И все они к боевым наградам отцов прибавили свои, трудовые.

Что же касается Агаси Барсеговича, то после войны он трудился в школе, затем — партийная работа, а потом ему поручили дело, которое, как он сам полагал, никак не подходило бывшему фронтовику: стал цветоводом, уже более двадцати лет руководит городским трестом озеленения.

...Ширак — край суровый. Издавна здесь, кроме нескольких морозоустойчивых пород деревьев, ничего не росло. О цветах и говорить нечего. Но ученые взялись за озеленение этого края. Разбивали сады, создавали первые рощи. Сейчас Ленинанк радуется буйным зеленым нарядам, цветочными клумбами.

И самые яркие цветы украсят мемориал в Парке Победы. Здесь же Григоряны разобьют молодую рощу. И, как на поверке, вытянутся к солнцу русские березы, кавказские клены, посаженные сыновьями и внуками солдат, не вернувшихся с войны.

Ленинанк.

КАК ЖИВЕШЬ, НОВЫЙ АЛЖИР?

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора

Вот она, Африка! Только что впереди, до самого горизонта, простиралась синева Средиземного моря, и вдруг синее смешалось с желтым. Узкая светло-желтая кромка берега становилась все шире и ярче. Там, внизу, за этой песчаной полоской начинается Африка...

Развернувшись над морем, самолет садится в аэропорту Дар аль-Бейда, что означает «Белый дом». В здании аэропорта я протягиваю паспорт пограничнику-алжирцу и невольно вспоминаю:

...Будет день — у входа
в аэропорт Алжира
мы напишем четко
на белой стене:
Здравствуйте, пассажиры!
Вы в свободной стране.

Эти строки поэт Анри Креа написал в дни, когда на его родной земле вспыхнуло восстание против французских колонизаторов. Охватывая деревню за деревней, район за районом, оно разлилось, сначала по району Ореса, по всей Кабилии, потом по всему департаменту Константины, а затем запылала вся страна. Восстание, положившее конец 132 годам чужеземного ига, началось в ночь на первое ноября, двадцать пять лет назад.

Здравствуй, свободная страна! Расскажи, как живешь?

НАРОД ПОМНИТ

Море глухо ворчит под самым боком отеля «Алетти» и будит меня на рассвете настойчивыми пароходными гудками. Это огромное синее чудо стало судьбой города. С моря, еще в XII веке до новой эры, приходили финикийцы, затем римляне, которые основали здесь свою колонию Икозиум. Приходили вандалы и византийцы, арабы и турки, испанцы и французы, и сотворение города растянулось на много столетий. Теперь в архитектурном облике Алжира видны следы берберской, арабской, испано-мавританской и французской культур: старинные мечети, крепости и дворцы с портиками, галереями в тончайших кружевах мавританского стиля и многоэтажные дома, построенные французами на манер парижских с нишами, лепными карнизами и балконами...

В первый же день я отправилась побродить по городу с фотоаппаратом и вернулась ошеломленная. Узкие улицы оказались настолько переполненными людской толпой, что приходилось выстраиваться в очередь, чтобы пройти от дома к дому. Чтобы перейти мостовую около моего отеля, надо было набраться мужества. На беззащитного пешехода мчалось, чихая бензином, не соблюдая никаких правил движения, раскаленное африканским солнцем автомобильное стадо. Большинство машин в царапинах, вмятинах: Алжир, построенный на холмах, состоит из крутых подъемов и спусков, а здесь так любят быструю езду!

Столичная улица красноречиво свидетельствует об очень острых проблемах, которые существуют сегодня в стране. Алжир, второе по размерам государство Африки, вступил в новую эпоху развития. За минувшее десятилетие половина сельского населения покинула свои земли и хлынула в города. В столице, построенной для 700 тысяч жителей, теперь проживает свыше двух миллионов.

Население страны за последние двадцать лет удвоилось, достигнув 18 миллионов, и возраст каждого второго алжирца не превышает 17 лет. Этот демографический взрыв поставил перед

государством задачу увеличения в первую очередь числа школ, больниц, детских учреждений. Алжир строит новую жизнь, отталкиваясь от тяжелого наследия, оставленного колонизаторами, намеренно тормозившими экономическое и культурное развитие страны. Восемь лет шла война за независимость, и цена свободы была велика — два миллиона погибших.

Понять достижения современного Алжира и его проблемы можно, лишь учитывая его недавнее прошлое. Мне помогли узнать его две встречи.

«Муджахид» в буквальном переводе — «участник священной войны». Так называли себя бойцы Армии национального освобождения. Зуауи Бенамади, главный редактор еженедельника «Алжир-хроника», обрадовал меня приятным сюрпризом — устроил встречу с одним из активных участников войны, Мохамедом Шерифом Мессадия, который теперь был министром по делам ветеранов войны.

...В кабинете министра на стене большой, написанный маслом портрет Хуари Бумедьена. С его именем связано принятие Национальной хартии — программы дальнейшего углубления революции и перехода от национально-демократического к социалистическому этапу развития.

— Если говорить о том, что было важным в годы минувшей борьбы, я бы подчеркнул быстрый рост политического сознания в массах. С первых же дней начала революции среди многих ее участников господствовало убеждение в необходимости социалистического пути развития и к моменту нашей победы, в 1962 году, уже стало ясно, что социалистический выбор определит наше будущее...

Седобородый человек с внимательным прищуром глаз перебирает в памяти события тех лет:

— Борьбу народа и нашей армии возглавил Фронт национального освобождения, и главной его победой было то, что он сумел не только объединить все национальные силы страны, но и убедить в необходимости вооруженной борьбы. Рабочие, крестьяне, прогрессивная интеллигенция сыграли в этой борьбе авангардную роль.

М. Ш. Мессадия неторопливо отпил чай, заваренный по местному рецепту с мятой, и с улыбочкой спросил:

— Наше министерство кажется несколько необычным, не так ли? Правительство решило создать его не только для того, чтобы позаботиться о ветеранах освободительной войны, вдовах и сиротах героев. В некоторых странах Запада враги алжирской революции, опубликовав книги и статьи, фальсифицировали нашу борьбу. Пришло время нам, «муджахидам», взяться за написание истории битвы за свободу. Мы собираем сейчас материалы, документы и свидетельства народного подвига. Мы хотим поставить памятники героям в каждом селе и в каждом городе, где шли бои. В каждой виллае! будут созданы музеи революции и кладбища героев, куда мы перенесем прах погибших. Но это будут памятники не мертвым, а живым, чтобы дети и внуки наши вечно помнили о героическом прошлом своего народа!

Прощаясь, министр сказал: «Хочу поблагодарить журнал «Огонек» за внимание к знаменательному юбилею в жизни нашей страны. Еще в годы сражений за свободу мы знали, что советская печать рассказывает правду об алжирской революции, и это было для нас важно. Желая народам наших стран дружбы в совместной борьбе за свободу, справедливость и мир на земле».

...А вечером я оказалась на концерте. На завтра мне предстояло уезжать в прославленную партизанскими боями Кабилию, но с первым кабилцем я познакомилась в тот вечер — это был популярный народный певец Джамаль Алям.

Когда на сцену вышел Джамаль и запел свою знаменитую песню «Не плачь!», началось что-то невообразимое. Проход между

сценой и передними рядами заполнила ликующая, пляшущая толпа. Некоторые ухитрились даже взобраться на сцену, чтобы от всей души расцеловать любимого певца.

То смеясь, то сердясь, Джамаль уговаривал публику и, к моему удивлению, продолжал выступление. Когда после концерта меня с ним познакомили, я увидела бледное лицо смертельно усталого человека. «Да, такое выступление достается мне тяжелее, чем ночная смена на заводе в Марселе, где я когда-то работал», — признался Джамаль и пригласил нас поехать в дом к его друзьям из Кабилии.

В скромном домике на окраине столицы собрались самые разные люди, и совсем неожиданно для меня один из гостей оказался преподавателем... русского языка в институте! Он обрадовался возможности поговорить о Джамале по-русски: «Этот парень не ищет популярности, он живет в песнях своего народа. Алжирцы любят его за то, что он вернул им песни родины, которые долгие годы нас заставляли забыть».

— Песня — это оружие, сильное и грозное! Я понял это не сразу, — рассказывал Джамаль Алям. — Петь я начал еще в детстве, но в семье кабилца нечего было и думать о музыкальном образовании. Когда я подрос, пришлось мне, как и другим, поехать на заработки во Францию. Нас, алжирских парней, принимая на работу, осматривали словно лошадей. Устроился я в Марселе на завод и там встретил хорошего парня, коммуниста Рене. Спасибо ему, он многое объяснил мне. Вторым «крещением» стала моя первая любовь. Я любил ее, а она, чудесная французская девушка, полюбила меня. Но родители, узнав, что я алжирец, сказали: «Нет!» Тогда я окончательно понял, что за счастье надо бороться. И я решил бороться. Я стал петь наши народные алжирские песни. Я хотел вернуть людям их собственное богатство, которое у них отняли чужаки. Мы, алжирцы, знали прежде карту Франции лучше, чем карту своей страны, мы говорили по-французски и не умели читать на родном языке. И я стал петь песни моего народа на его родном языке...

Эти песни он привез на фестиваль молодежи в Гавану и мечтал привезти в нашу страну. Узнав, что завтра я отправляюсь в Кабилию, Джамаль тихо сказал: «Завидую! Я давно уже не был дома... Сейчас в горах цветут маки».

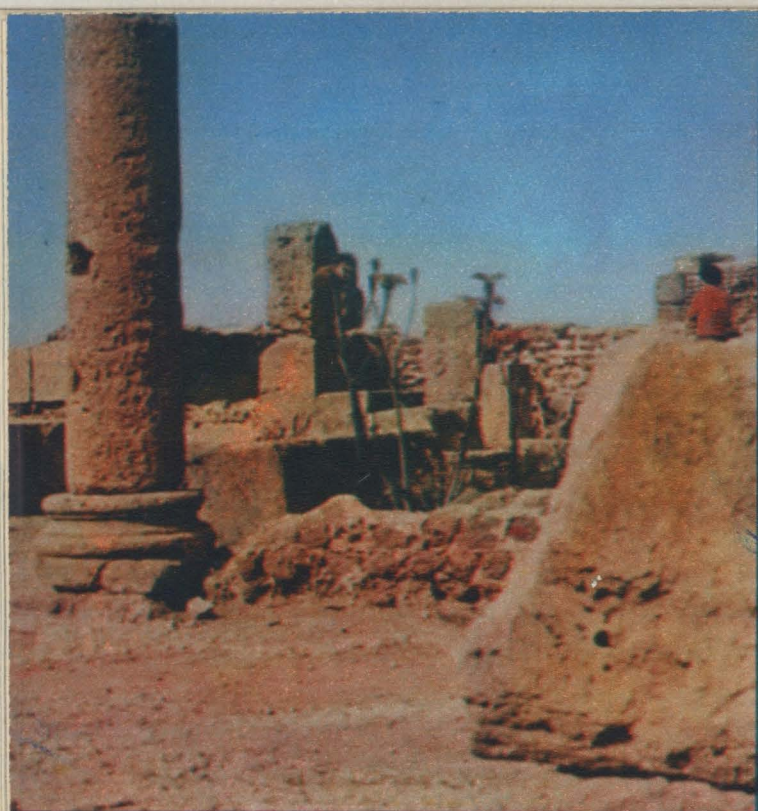
...Да, в Африке цвели маки! Спустившись с гор, они подступили к самой дороге, словно капли крови, разбрызганной ветром. Мы поднимаясь в горы незаметно; подъезжая к главному городу виллай Тизи-Узу, оказались уже на высоте двух тысяч метров. Волнистая

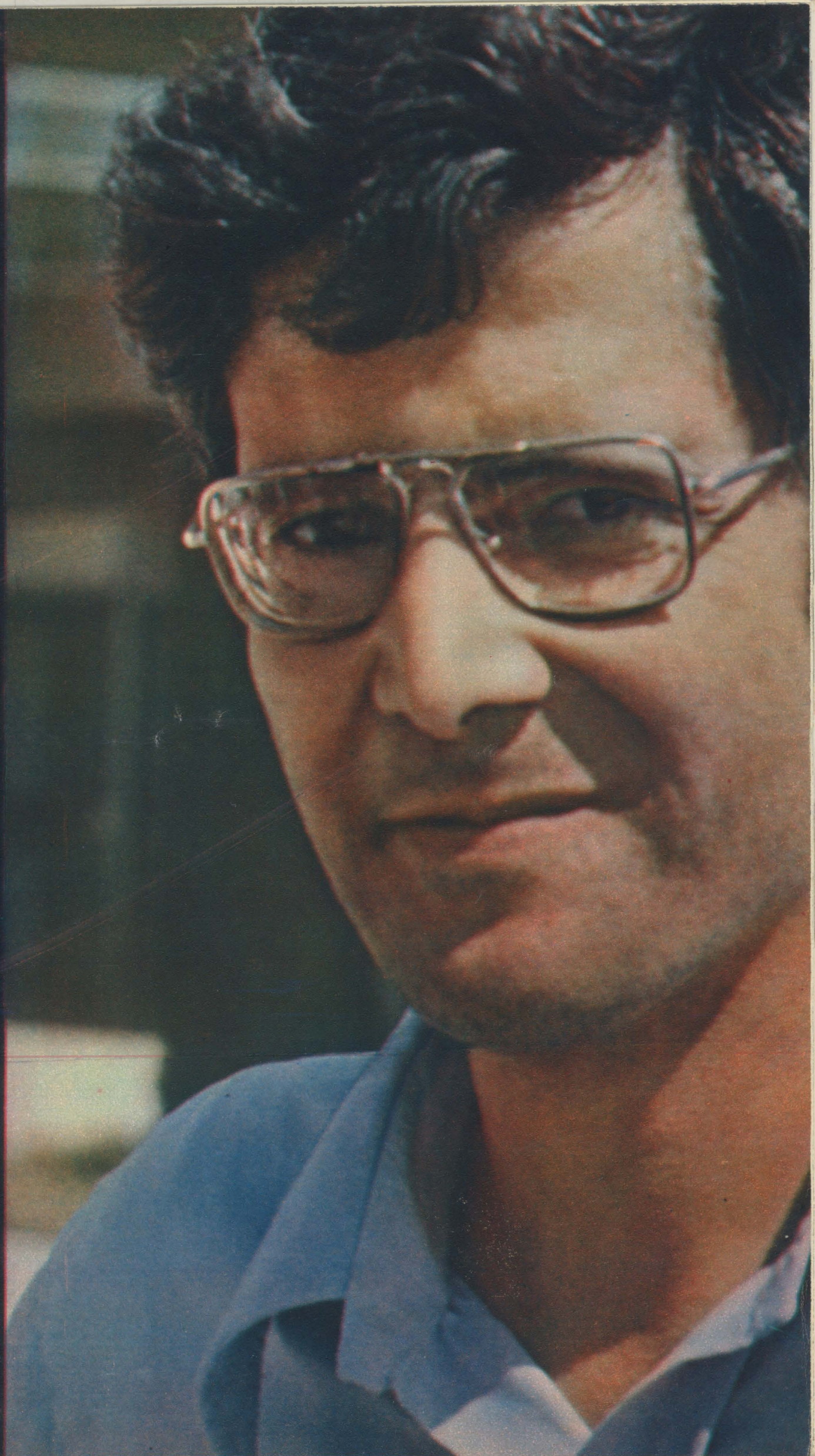
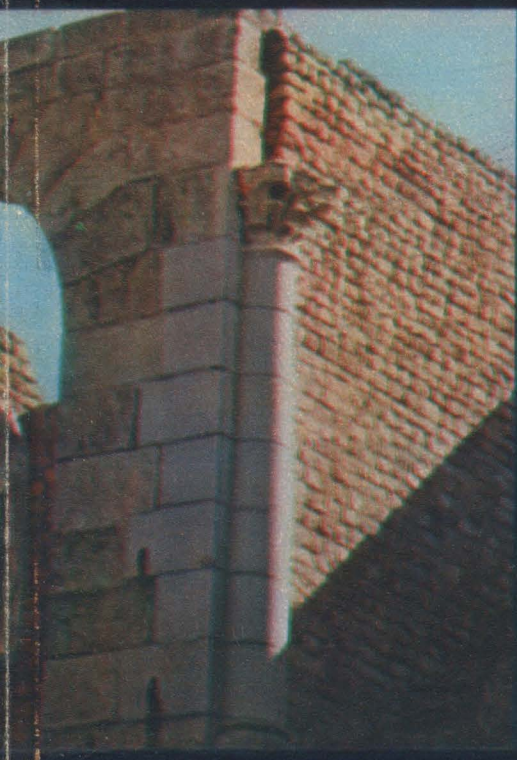
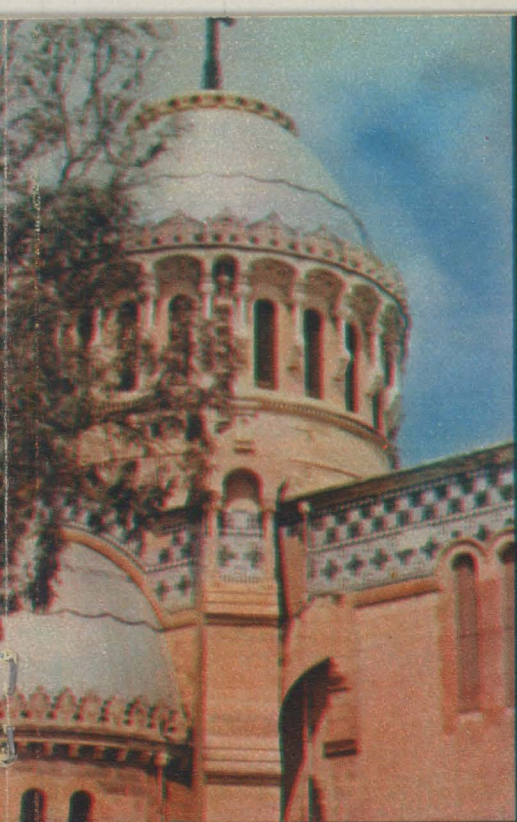
Его величество рабочий класс. * Хаджия Кебуз из университета в Константине будет биологом. * На алжирские поля пришли отечественные тракторы.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Типаза. Когда-то в этот прекрасный порт заходили суда из Европы. * На алжирской улице. * Собор Африканской богородицы. * Гостиница на берегу Средиземного моря. * В Гельме, бывшем римском городе Калама, прекрасно сохранилось здание древнего театра. * Старики не признают новой моды. * Хребты и скалы, бездонные пропасти делают Кабилию неприступной. * Улица в «социалистической деревне». * Учитель Хасин Бухафер избран в «ассамблею трудящихся».

¹ Виллаия — область.

линия гор проступала сквозь синюю дымку. На вершинах гор белели крохотные домики под красными черепицами. Казалось, они тянулись к солнцу и, не достав до него, повисли в изнеможении.

При въезде в город бросается в глаза обилие строительных кранов и новеньких пятиэтажных зданий.

— Да, в нашей виллае идет большое жилищное строительство, к концу года будут заселены около пяти тысяч квартир. — Хашими Джиар, один из руководителей провинции, занимается сельским хозяйством, кадрами и финансами.

— Революция в Алжире идет в трех направлениях, — говорит он, — промышленное развитие, преобразование в деревне и культурная революция. И все эти три направления взаимосвязаны... В этом крае прежде не было ни одного предприятия. А ныне? Текстильная фабрика, завод по производству холодильников, цементный и кирпичный заводы, предприятия по производству пищевых продуктов и фабрика школьного оборудования...

...Школа. С ней у Джиара связано одно страшное воспоминание. Его школа была в родном селе, в горах Ореса, где прозвучали первые выстрелы алжирской революции. Однажды он, как всегда, пришел на уроки и увидел, что в классах расположились французские солдаты, которые прибыли на облату партизан, скрывавшихся в лесах. Облата оказалась безуспешной, и тогда, согнав всех жителей села на школьный двор, солдаты на глазах взрослых и детей расстреляли десятых мужчин. Ради утешения...

— Мы, ребята, знали тайные убежища партизан, потому что носили им еду. Но мы молчали, смотрели на убитых и молчали — и только росла наша ненависть к угнетателям и лишь сильнее становилась наша вера в победу!

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО — РАБОЧИЙ КЛАСС

Из Москвы в Алжир со мной летела семья запорожского металлурга. Четырехлетний Витя на вопрос «Где ты живешь?» — удивленно ответил: «В Эль-Хаджаре, а где еще?» Мать малыша объяснила, что ему не было года, когда отец отправился в Аннабу, на строительство металлургического комбината.

Металлургический комбинат в Эль-Хаджаре близ Аннабы — гордость алжирцев. Трубопрокатный цех, первенец алжирской индустрии, уже выпустил десятки тысяч стальных труб, по которым из Месдара в Скидку потекло черное золото — нефть. Я приехала на комбинат с корреспондентом советского радио и телевидения в Алжире, и надо было видеть, как сердечно приветствовали Кипраса Мажейку его многочисленные алжирские друзья! Думаю, что из всех своих репортажей, написанных в цехах комбината, Кипрас мог бы составить радиопередачу на несколько часов с таким названием: «Микроклимат Эль-Хаджара».

В самых разных странах мне приходилось бывать на предприятиях, которые сооружались по советским проектам и с участием наших специалистов, и всякий раз было приятно ощущать тот особый микроклимат человеческих отношений, который рождается на таких грандиозных стройках. Мы беседовали с двумя директорами этого комбината — Фейсалом Будраа и Иваном Николаевичем Хохловым, и оба они, не сговариваясь, отмечали, что сотрудничество в Эль-Хаджаре идет успешно. Конечно, порой, возникают проблемы, которые неизбежны в таком большом деле, но все они решаются сообща, в полном согласии.

«Вместе с комбинатом рождается алжирский рабочий класс. Он еще делает свои первые шаги, и в этом ему помогают советские рабочие, инженеры. Мне очень нравится та работа, то чувство ответственности, с какой советские специалисты обучают наших рабочих пользоваться оборудованием!» — записала я слова директора Будраа. «А как же иначе! Недалеко то время, когда комбинат будет сдан «под ключ», мы вернемся по домам,

а здесь останутся, продолжая нашу рабочую школу, хозяева предприятия, алжирцы, — записываю в кабинете Хохлова. — Прямо на рабочих местах обучаем их разным специальностям. Мы организовали курсы, на которых получили высокую квалификацию четверта алжирцев. Создан горно-металлический профтехцентр — там наше оборудование и наши специалисты! А в Аннабе, на базе горнометаллургического института появился университет, где работают советские преподаватели».

За день, проведенный в Эль-Хаджаре было много интересных встреч. Особенно в проволочном цехе, где есть свой «учебный пункт».

Мы разыскали скромное одноэтажное строение, где расположился этот учебный пункт, и... попали на зачетное занятие по электрооборудованию. Его проводил бригадир дежурных электриков стана Александр Шальхметов. Внезапное появление корреспондентов, да еще с фотоаппаратами, вызвало замешательство у «педагога», зато ученики, как и положено в таких случаях — обрадовались, зашумели. Спрашиваем молодого рабочего, сидящего с Александром — кто он, откуда родом и как представляет свое будущее? Нури — так звали парня — отвечал не спеша, с крестьянской обстоятельностью. Он родился и вырос в большой семье, в деревушке неподалеку от Аннабы и даже не предполагал, что станет рабочим. Конечно, нелегко было вначале: «Думал, что никогда не сумею работать, как эти русские ребята... А сейчас уже решил — буду учиться — хочу стать электриком!»

Потом мы познакомились с двумя энтузиастами, которые и организовали этот необычный учебный центр. Инженер из Макеевки Юрий Мишуков и инженер из Краматорска Владимир Полиенко вместе разработали учебный график подготовки рабочих цеха по восемнадцати специальностям. Они сами составили расписание работы «педагогов» в 23 группах, где обучалось 250 человек. «Вначале, честно сказать, дело шло неважно, — рассказывал Полиенко, — надо было сломать психологический барьер у людей, которые не привыкли да и не хотели учиться! Но как только удалось их заинтересовать — глаза у многих раскрылись, они наконец-то поняли, что такое техника, и как результат — в цехе поднялась производительность труда. Так что мы уедем из Эль-Хаджара с чувством выполненного долга. Это точно!»

Да, он уже существует в Алжире — Его величество рабочий класс. Сегодня его численность превышает миллион. Государственный сектор в экономике объединяет десятки предприятий черной и цветной металлургии, машиностроения, нефтегазовой индустрии, которые дают почти 90 процентов валового национального продукта. А ведь еще совсем недавно здесь практически не было собственной промышленности. От тракторов, грузовых автомобилей, стального проката до цветных телевизоров и синтетических тканей — таков сегодня диапазон алжирской промышленности.

На заводах и фабриках сегодня действуют свыше 700 «ассамблей трудящихся», которые приобщают рабочих и служащих к участию в управлении производством. В городе Скидка, на нефтехимическом предприятии национального объединения «СОНАТРАК» у меня была возможность побеседовать с двумя представителями «ассамблей». Оба они молоды — одному 32, другому — 36. У одного уже пятеро детей, а у другого — трое и, размышляя о своей жизни, они все время соотносили ее с планами дальнейшего развития страны, и с будущим своих детей. «Не знаю, кем они захотят стать, мои ребята, когда вырастут, — сказал сын ремесленника Али Билькеры, который уже четыре года работал на комбинате оператором-диспетчером. — Одно я знаю твердо — они будут жить в обществе социальной справедливости, где все мечты осуществимы!» А сын крестьянина Хасин Бухафер, который окончил школу на арабском языке и пришел сюда, чтобы обучать рабочих родному языку, добавил: «Нас избрали в ассамблею на три года, и теперь мы вместе с дирекцией, администрацией занимаемся социальными, культурными, кадровыми вопросами, а также состоянием дисциплины, техники безопасности и здоровья. В ассамблее мы учимся чувствовать себя хозяевами завода, страны, потому что знаем — конечная наша цель СОЦИАЛИЗМ!»

В ГОРОДЕ НАД УЩЕЛЬЕМ РУММЕЛЬ

Александр Дюма, побывавший в этих местах в 1847 году, писал в своих путевых записках: «Мы вскрикнули от восхищения и почти ужаса. На краю темного и мрачного ущелья, на гребне горы предстал перед нами какой-то фантастический город, купающийся в последних красноватых лучах заходящего солнца и похожий на летающий остров Гулливера. Это была Константина...»

Такой она предстает сегодня, Константина, или древняя Цирта — столица Нумидийского царства, переименованная затем римлянами в честь императора Константина. Памятник импе-

ратору украшает небольшую площадь, где по вечерам собирается молодежь.

Алжирцы называют Константино «воздушным городом». Слово горное гнездо, он высится на величественной скале, а внизу, на дне глубокого ущелья бежит река Руммель. Константина сегодня — университетский город.

...Ректор университета, молодой ученый Абдельхамид Беррах подвел нас к огромному, во всю стену кабинета окну и, посмотрев в сторону Константины, пошутил: «По-моему, неплохой город пристроили к нашему комплексу!»

— Сколько тут обучается студентов?

— Двенадцать тысяч: мы по числу студентов идем вторыми после столичного университета. У нас практически все факультеты — химический, биологический, географический, медицинский, архитектурный, юридический, строительный, физкультурный — всего сорок две специальности!

— Какие же из них сегодня самые популярные?

— Врач-ветеринар, учитель и все инженерные.

До победы революции в Алжире была всего-навсего тысяча студентов в столичном университете, единственном в стране. Теперь в шести университетах обучается 60 тысяч юношей и девушек. Я поинтересовалась, как идет процесс воспитания нового человека, и в разговор вступил бородатый проректор Бенсаад Хосин.

— Я учился в МАДИ, — по-русски сказал он, — там и защитил диссертацию, а теперь преподаю математику.

...К моменту победы революции 96 процентов населения было неграмотным. Проблем было много: не хватало учителей, надо было перестроить всю школьную структуру, ввести изучение родного арабского языка.

— Дети феллахов — вот кто пришел получить образование в университете! Они приезжают из самых отдаленных мест, и мы в первую очередь заботимся о них — бесплатное общежитие, учебники по сниженным ценам, наполовину оплаченное университетом питание в столовой и при этом хорошая стипендия — практически государство взяло на себя все расходы, и в этом проявляется демократический характер нашего общества.

Революционные традиции Константины, утвердившиеся в годы освободительного движения, нашли свое отражение в студенческом движении «волонтеров». Оно, по сути дела, зародилось именно тут, в семидесятые годы, когда в стране началось претворение в жизнь Хартии аграрной революции.

— Ломка отсталой социально-экономической структуры в сельском хозяйстве наталкивалась на яростное сопротивление противников аграрной революции, — рассказывал Бенсаад. — К тому же в крестьянах еще жил страх перед помещиками, боязнь, что аллах покарает за дерзость, что они осмелятся занять землю богатей. И вот тогда студенты, почувствовав свою ответственность за будущее страны, организовали отряды и отправились по деревням, чтобы рассказать крестьянам правду. А когда началась очередной этап аграрной революции, «волонтеры» отправились помогать крестьянам налаживать новый быт в селах — участвовали в строительстве дорог, медицинских пунктов, школ. Вот так, в конкретных, полезных родине делах рождаются новые алжирцы!

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАВТРА

Тема номер один в сегодняшнем Алжире — аграрная революция. О больших переменах и проблемах, стоящих перед алжирской деревней, долго беседовал со мной член руководства партии Фронта национального освобождения, писатель Ат-Тахир Ваттар. Его роман «И содрогнется земля...», опубликованный в прошлом году на страницах «Иностранной литературы», показывает революционные перемены в деревне через призму восприятия ярого врага этих перемен, шейха Абу Арваха. «Я написал этот роман, чтобы мои соотечественники поняли — политическая зрелость, вот что дает человеку возможность понять глубокий смысл нынешнего этапа развития революции. Абу-Арвах — это символ феодализма, который еще живет в сознании людей и потому опасен...» — сказал писатель.

Я встретила с директором Алжирского Национального театра Аит Абдерахимом, и в разговоре о путях развития театрального искусства в стране снова возникла тема аграрной революции. «Мы стараемся выбирать спектакли, которые были бы злободневны и понятны широкому зрителю. «Революционному обществу — революционный театр», под этим лозунгом наш театр возрождался после освобождения. Мы понимаем, что должны помогать перевоспитанию людей. И когда появился декрет об аграрной реформе, театр поставил своей целью — помочь людям правильно прочитать и понять этот декрет!»

Восемь лет прошло со дня принятия Хартии аграрной революции. И в настоящее время 1350 тысяч гектаров земли распределены среди 127 тысяч сельских жителей. В оазисах Сахары феллахам передано 1100 тысяч финиковых пальм. Создано 6300 кооперативов, сооружено и находится в стадии строительства поч-

Фонтан независимости. * Александр Шальхметов с одним из учеников. * «Эй, Джабуд, я привел к тебе гостей!» * Так выглядит Константина. * Из Скидки танкеры увозят нефть. * В жаркий полдень.

ти 300 образцовых деревень. Эти поселки часто называют «социалистические деревни».

...В 30 километрах от столицы, в районе Буфарик, который славится урожаями апельсинов, сразу за оливковой рощей, у шоссе показался белый городок, в центре которого возвышалась нарядная мечеть. Широкая улица в центре поселка привела нас к зданию, в котором размещалось правление кооператива.

Старик в желтом тюрбане неторопливо вышел навстречу и, услышав, что приехали гости из Советской страны, огорченно развел руками: «В эту пору все работают по бригадам в поле». Но ветеран минувшей войны, которого звали Ахмедом Кадумом, решил, что мы, конечно, должны увидеть, как живет сегодня «социалистическая деревня», раз мы уж тут оказались. Он повел нас в сельскую школу, а по дороге рассказал, что прежде всей землей, где теперь построена деревня, а также полями кооператива владела одна французская семья, на которую работали 150 алжирских семей! Настал день, когда бывшие батраки, крестьяне-поденщики въехали в дома, о которых в прежние времена и мечтать не смели. В деревне 300 таких домов, и в них живет 1200 человек. Все взрослое население обща владеет землей кооператива, семена и техника получены кооперативом в долг у государства.

За ажурным низким забором в кустах роз и каких-то удивительно ароматных сиреневых цветов стояло школьное здание. Коридор, украшенный детскими рисунками, вел к распахнутым дверям. Мы осторожно заглянули в класс — дети прилежно писали в тетрадях. Но вот кто-то заметил гостей, и учитель пригласил нас войти в класс. Махмуд Бенбрахим — так звали молодого педагога — преподает здесь арабский язык. Нравится ли ему эта деревня? Конечно! Ведь прежде он с родителями и братьями жил неподалеку отсюда в такой лачуге, которую никак не назовешь домом.

— Что и говорить, дома у нас замечательные! — подтверждает старый Ахмед. — Сам президент Бумедьен приезжал сюда и вручал каждому из нас ключи от дома. И мне он пожал руку и пожелал счастья в новом доме. Хорошо помню его слова: «Прежде вы работали на хозяев — теперь мы построили вам эту образцовую деревню, чтобы вы научились в ней жить по-новому. Жить по-новому значит лучше работать, ведь теперь вы работаете на себя, а не на хозяина!»

После такой длинной речи он решил пригласить нас в свой дом. В одной из комнат красовался небольшой телевизор, диван с подушками, спальню украшал полированный шкаф и столик с зеркалом, а в комнате старшего сына, который служил в армии, мы долго разглядывали фотографии родственников: как и повсюду в деревнях, они чинно расположились в рамочке под стеклом. В глубине дома у Ахмеда был внутренний дворик с небольшим огородом.

...Нам оставалось только побывать в местном здравпункте. «У нас хороший врач Джабуд, и жена его тоже умеет лечить», — рассказывал старый ветеран. — К нам в деревню со всех сторон идут люди лечиться. И мы рады — лечиться на здоровье!»

У двухэтажного домика неподалеку от мечети мы остановились. «Эй, Джабуд, я привел к тебе гостей из Москвы!» — прокричал Ахмед. В окне второго этажа появилась молодая женщина с малышом. А потом вышел доктор. Был он худощав, высок и очень молод.

Джабуд Абделькадар сказал, что считает себя счастливым человеком. Почему? «Пойдемте, я покажу вам свое богатство!» — говорит он. Мы идем из комнаты в комнату. «Вот аптека — смотрите, какие здесь дорогие лекарства, даже зарубежные. И все это люди получают бесплатно! А здесь комнаты для будущих матерей и новорожденных. Тут для них приготовлены детское питание, соски, бутылочки...» Он достает из шкафа листки сводки о приеме больных и с удовольствием громко зачитывает: «В прошлом месяце в здравпункте побывало 110 мужчин, 116 женщин и 226 детишек!»

Да, Джабуд, ты действительно счастливый человек. Как и все, кому выпала судьба жить в деревне, которую совершенно правильно люди называют «социалистической»!

Алжир — Москва.

Марина Ивановна Цветаева. Прекрасный русский поэт. Огоньковцы, бывающие на автомобильном гиганте КамАЗе и в юном прикамском городе Набережные Челны, едут в соседнюю Елабугу, где прошли последние дни жизни Цветаевой, и приносят цветы на ее могилу. Стихи Цветаевой популярны и любимы в нашей стране. Все чаще в периодике появляются публикации ее произведений, печатаются книги. Мы публикуем статью исследователя жизни и творчества Марины Цветаевой А. А. Саакянц, в которой впервые приводится ряд стихотворений Цветаевой и воспоминаний о ней (набраны курсивом).

М. И. Цветаева с дочерью Ариадной. 1916 год. [Публикуется впервые].

ТАЙНЫЙ ЖАР

Анна СААКЯНЦ

Один писатель сказал: «Понять поэта — значит понять его любовь». Если мы хотим понять Марину Цветаеву, — мы не найдем более верного ключа к ее поэзии и личности. Сейчас Цветаеву у нас все больше начинают узнавать и любить.

Многообразен и неисчерпаем ее страстный, стремительный, трагический дар. А был это один человек, одна женщина-поэт, с одним раз и навсегда вложенным в грудь сердцем. «Просто сердце» — так хотела Цветаева назвать свою книгу стихов. А в последний год жизни писала: «Ничто не льстит моему самолюбию (у меня его нету!), и всё льстит моему сердцу (оно у меня — есть: только оно и есть)».

Сначала это была девочка (она родилась в 1892 году), росшая в семье московского профессора Ивана Владимировича Цветаева, основателя Музея изящных (ныне — изобразительных) искусств, человека необычайной доброты, отрешенности и подвижнического труда. Дом Цветаевых в Трехпрудном переулке был буквально залит музыкой, льющейся из-под пальцев Марины Александровны, жены Ивана Владимировича, изумительной пианистки, скончавшейся от чахотки, когда ее дочери Марине не исполнилось и четырнадцати. Страсть к труду Цветаева унаследовала от отца, музыку (претворенную впоследствии в стихи) — от матери.

И еще, очень рано она ощутила в себе некий, говоря словами Блока, «тайный жар», «скрытый двигатель» жизни и назвала его: любовь. Этим словом «заразил» ее Пушкин, когда она тайком от родителей читала его «Цыган». «Когда жарко в груди, в самой грудной ямке (всякий знает!) и никому не говоришь, — любовь. Мне всегда было жарко в груди, но я не знала, что это — любовь». Сколько лет ей было тогда? Шесть, в крайнем случае — семь. Но жар в груди уже пылал. «Тайный жар и

есть — жить», — скажет она позднее. И даже в предсмертной записке не обойдется без слова «любить»...

В семнадцать лет она найдет слова, чтобы передать этот сжигающий ее огонь:

Я жажду сразу всех дорог!

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой,

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень...
Чтоб был легендой — день вчерашний,
Чтоб был безумьем — каждый день!..

Она не преувеличивала, говоря, что начала любить, когда глаза открыла. Сначала — свое детство; городок Тарусу на Оке, где жила летом; «домики старой Москвы»; «книги в красном переплете»; свое имя: «Морское оно, морское!»; Германию — родину великих поэтов-романтиков: «Германия, мое безумье! Германия, моя любовь!». (Позже с великопленной непререкаемостью она запишет в дневнике: «Женщина, не забывающая о Генрихе Гейне, в ту минуту, когда входит ее возлюбленный, любит только Генриха Гейне».) Нemoжная несбыточная любовь — разлука к умершим или даже никогда не существовавшим: Орфею, Гете, Татьяне Лариной из «Евгения Онегина». Для нее же они были одинаково живыми, — всю ее жизнь.

Противившись с детством, выросши в личность и в зрелого поэта, она рассталась с сумбуrom и наивностью первых увлечений. Теперь в стихах она обращается к собратям по «святому ремеслу» — Поэзии, к многим из которых через всю жизнь проносит почти благоговейную любовь. «Вседержитель моей души!» — писала она Блоку. «Ты солнце в выси мне застишь!» — Ахматовой.

Она влюблена в свою родную Москву и славит ее, «дарит» ее петербургскому любимому «собрату»:

Из рук моих — нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат...

Она растит обожаемую дочь и воспекает эту радость, обращаясь к арсеналу русской народ-

ной речи: «Породила доченьку/ /Синие очень-ки/ /Горлинка — голосом/ /Солнышко — волосом/ /...На горе — девицам/ /На горе — молодцам».

Тайный жар ни на минуту не давал ей пребывать в безмятежности, — это означало бы равнодушие, которого она никогда не знала сама и не прощала никому. Даже Чехову, считала она (ошибочно!), не хватило именно НЕравнодушия: «любви к высшим ценностям и ненависти — к низшим». Потому что для Цветаевой гнев и негодование были неизбежной оборотной стороной любви. Потому что любовь была для нее действенным, активным чувством. «Любовь — прежде всего делать дело», — не уставала повторять она.

Ее «рожденным состоянием поэта» было стремление за щитить. Прийти на помощь. И (безудержность ее границ не зная) — слепо, не рассуждая, стать на сторону обреченного. ...Победителей не судят? Цветаева только их и судила, иногда совсем не тех, кого нужно. Но таков был ее романтизм, который не раз приводил к роковым ошибкам. Осуждать ее — значит отказывать ей в праве быть тем, чем она была. К тому же она сама горше всех страдала от своих ошибок и расплачивалась за них самой дорогой ценой...

Как поэт она непрерывно росла и менялась — до неузнаваемости. Ее романтический дар был поразительно многоликим. Это чудо первый понял в ней, еще девятнадцатилетней, М. А. Волошин: он считал, что ее избытка хватило бы на нескольких поэтов, и каждый был бы оригинален. Она все могла: от народных русских сказок-поэм до интимнейшей лирики.

Обронил орел залетный — перышко.
Родился на свет Егорий-свет-Егорушка.

Ликом — светлый, телом — крепкий,
Грудью — емкий, криком — громкий.

Обоймет — задушит.
Десять мамок сушит.

Это — начало поэмы о герое русского народного эпоса, Егории Храбром.
А вот любовное стихотворение того же, 1920 года:

Да, друг невиданный, неслыханный
С тобой. — Фонарик потуши!
Я знаю все ходы и выходы
В тюремной крепости души.

Вся стража — розами увенчана:
Слепая, шальная толпа!
— Всех ослепила — ибо женщина,
Все вижу — ибо я слепа.

Закрой глаза и не оспаривай
Руки в руке. — Упал савас —
Нет — то не туча и не зарево!
То конь мой, ждущий седелов!

Мужайся: я твой щит и мужество!
Я — страсть твоя, как в оны дни!
А если голова закружится,
На небо звездное взгляни!

А вот как, всего годом позже, говорит она о бренности земной любви и о своей приверженности к высшим, «надоблачным» дружба (иронически назвав стихотворение «Хвала Афродите»):

Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны — в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.

Там лавр растет, жестоколист и трезв, —
Лавр-летописец, горячитель боя.
— Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль любви.

Этой магией торжественного, архаического стиля она владела в совершенстве и достигала огромной силы впечатления:

Огнепоклонник! Красная масть!
Завороженный и поражающий!
Как годовалый — в красную пасть
Льва, в пурпуровую киль, в чащу —

Око и бровь! Перст и ладонь!
В самый огонь! В самый огонь!

Вся эта словесная роскошь понадобилась для того, чтобы передать состояние молодого поэта, зачарованного глядящего в огонь печки-«буржуйки»... Этому человеку в трудный год Цветаева дала приют в своем доме. Кстати: о щедрости ее сердца, о бескорыстии ее дружбы можно написать книгу. Она была из тех, кто безоглядно делится последним.

Как же выглядела Марина Ивановна Цветаева в ту пору?

Ее дочь вспоминает: «Она была небольшого роста, очень тонкая, казалась подростком, девочкой мальчишеского склада... стройная... шаги

стремительные легкие мальчишеские. В ней была грация, ласковость, лукавство... Легкая она была... Всю жизнь подтянутая, аккуратная... она носила платица, являвшие тонкость талии и стройность фигуры... Глаза у мамы были без малейшей серизны, ярко-светло-зеленые, как крыжовник или виноград [их цвет не менялся и не тускнел всю жизнь]».

С годами ее внешность изменялась гораздо медленнее, чем ее стихи; только волосы начали рано седеть, что нравилось ей: «Эта седость — победа бессмертных сил».

Ранняя седина говорила и о другом: о тяжелых переживаниях и неразрешимых противоречиях, о метаниях и страданиях. В мае 1922 года Цветаева уехала за границу к мужу, заброшенному туда сложными перипетиями судьбы, и семнадцать лет прожила на чужбине: сначала (недолго) — в Берлине, затем в Чехословакии (три года), остальные четырнадцать — во Франции.

И — словно по волшебству: как только она оказалась по ту сторону границы, ее стихи словно ушли в подполье, а сама она — «в себя, в единичные чувства».

Теперь жар своего сердца Цветаева прячет в самую глубь, — от непонимающих мозгов, глухих ушей, невидящих глаз. «Читателя в эмиграции нет... Моя неудача в эмиграции... в полном отсутствии любящих мои стихи».

Остров есть. Толчком подземным
Выхвачен у Нерейд.
Девственник. Еще никем не
Выслежен и не открыт...

Час, а может быть — неделя
Плавания (уплусь — так год!)
Знаю лишь: еще нигде не
Числится, кроме широт

Будущего...

Остров — это непонятый и одинокий, заточенный в людскую «пустошь» поэт. Когда-нибудь (непременно!) его час пробьет. А пока он должен делать свое посмертное дело: «Нет, надо писать стихи, и нельзя дать ни жизни, ни эмиграции... ни всем и так-далея этого торжества: заставить поэта обойтись без стихов...»

И она упорно, подвижнически трудилась — несмотря на постоянно отвлекающий неизбежный нищий быт, когда все: и топка, и стирка, и готовка, и занятия с детьми — лежало на ней. Но быт побеждался бытием. Она была влюблена в работу над словом, в эту борьбу с ним, в поиски (часто — очень долгие) единственно точного эпитета, в улавливание единственно верного ритма. «Есть священный инстинкт... оберегающий нас от доверия к слишком легко дающемуся. Стихотворения, написанные в десять минут, всегда подозрительны».

Она никогда не подделывалась под вкусы читателей и издателей. Любое ее произведение — от вершинного до неудавшегося (и такие были) — подчинено только правде сердца. Офелия и Гамлет, Тезей и Ариадна, Федра и Ипполит — с ними она общалась, как с живыми, любила их, судила их, вливала в них огонь своей души.

Десятки лирических стихотворений, две трагедии, более десяти поэм. И около полусотни произведений в прозе: воспоминаний о детстве, о семье, о современниках-поэтах, трактатов о поэзии. Можно только поражаться неугасимости этого творческого горения...

Но разве не удивительно, что при таком одиночестве не охладевал «тайный жар»?

В том-то и было свойство Марины Цветаевой, что всю жизнь она искала человека; с неослабевающей пылкостью тянулась к людям, загоралась ими, переживая всякий раз заново. Особенно, если кто-нибудь окликал ее первым и, значит (как ей казалось), понимал ее, то есть обладал душевным талантом. Степень ее доверчивости и способности обольщаться была равна только ее непомерной требовательности. Да, именно эти два противоположные свойства не только уживались в ней, но питали друг друга. Увлечшись человеком, а потом обнаружив свою ошибку, она не прощала ему его обыкновенности, заурядности чувств. По словам ее дочери, она «требовала от человеческих отношений абсолютной стабильности — на недостижимой для них высоте... Воздух ее чувств был раскален и разрежен, она не понимала, что дышать им нельзя — только раз хлебнуть!.. не понимала человеческого утомления от высот; у людей от нее делалась горная болезнь».

А зато из этого душевного костра вырастали стихи и поэмы, которые пережили и события и адресатов и которые ныне помогают нам, сегодняшним.

Она сама понимала, что для многих она просто непосильна. Но снисходить к слабостям не умела. Да и нужно ли это было? Разве она не права, когда пишет молодому поэту, в которого сперва поверила, а потом очень быстро обнаружила, что «донышко блестит»:

«Дружба и снисхождение, только жаление — унижение... Мне самой нужен высший или по крайней мере равный. О каком равенстве говорю? Есть только одно — равенство усилий. Мне совершенно все равно, сколько Вы можете поднять, мне важно — сколько Вы можете напрячься. Усилие и есть хотение. И если в Вас этого хотения нет, нам нечего с Вами делать».

Но были и величины неизменные — люди, в которых она не разочаровалась, которых считала равными себе по силе. Маяковский, «первый в мире поэт масс» (ее слова), которого она любила, невзирая на резкую противоположность их взглядов. Пастернак, горячая эпистолярная дружба с которым длилась многие годы. Австрийский поэт Рильке, с которым был четырехмесячный «роман» в письмах (они никогда не виделись)... И еще никогда не изменяло Цветаевой возникшее в далекой юности нежное и благоговейное отношение к романтизированным ею, «старинным» людям, живому олицетворению прошлого — к благородным старикам. И вот снова, на чужбине, сквозь годы и версты обращается она к ним — к отцам, к тем, кто составлял гордость русской культуры, — к таким, каким был ее собственный отец, скромный и великий подвижник, — к «поколению с сиренью»:

Поколение, где краше
Был — кто жарче страдал!
Поколение! Я — ваша —
Продолжение зеркал.

Ваша — сутью и статью,
И почтеньем к уму,
И презрением к плоти
Плоти — временному!

Вы, ребенку — поэтом
Обреченному быть,
Кроме звонкой монеты
Все — внушившие — чтить!..

Вам, в одном небывалом
Умудрившимся — быть,
Вам, среди шумного бала
Так умевшим — любить!

До последнего часа
Обращенным к звездам,
Уходящая раса,
Спасибо тебе!

Эти «отцы» ничего общего не имели с увядающим русским зарубежьем, что не выносило Цветаеву. «Эмиграция, не приняв меня в свое лоно, права. Она, как слабое издыхающее животное, почуяла во мне врага». Но то, что ее поэзия не принималась и не прививалась на чужбине, не имело для Цветаевой значения. Она знала другое:

Не нужен твой стих —
Как бабушкин сон.
— А мы для и ны х
Сновидим времен.

Докучен твой стих —
Как дедушкин вздох.
— А мы для и ны х
Дозрим эпох.

А быть или нет
Стихам на Руси —
Потоки спроси.
Потомков спроси.

Что может быть сильнее такого объяснения в любви поэта — Родине? «В ком она внутри, тот потеряет ее лишь вместе с жизнью», — утверждала Цветаева. Это родиночувствие (ее слово), дававшее ей силы жить и творить, было наивысшим выражением любви — разлуки...

Перед отъездом в СССР (куда уже уехали муж и дочь, а она приводила в порядок дела) Цветаева пережила сильнейшее потрясение: она узнала о нападении гитлеровцев на Чехословакию. Гнев, ярость и одновременно боль и любовь к маленькой страдающей стране вызвали лавину страстных антифашистских «Стихов к Чехии». Они кончаются горячим обращением к чешскому народу: «Прощай, народ! /Твердый, как скрижалы/ /Жаркий, как гранат/ /Чистый, как хрусталь!»

Эти строки написаны в мае 1939 года. А через три недели, 12 июня, Марина Ивановна Цветаева уехала в СССР.

Ей оставалось прожить немногим более двух лет. 31 августа 1941 года она сама оборвала свою жизнь. Дело будущего — рассказать обо всем объективно и беспристрастно. Но она была права, когда, уезжая из Франции на Родину, написала:

«Стихам моим — всегда будет хорошо».

ОСТАЛЬНОЕ— ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

Прибило тебя, как осиновый
лист,
В осеннем смятении и свисте...
Мужчина — мой недруг
и антагонист,
Какой ты желаешь корысти?
Зачем ты на небо повесил
луну?
Зажег голубые созвездья?
Зачем объявляешь мне снова
войну
И жаждешь и крови и мести?
Зачем ты готовишь победный
поход?
Сквозь темные прыгаешь
бездны?
Мужчина, отчетливый мой
антипод,
Попытки твои — бесполезны.
Ты лучше из моря достань
жемчуга.
Доверься, не помня былого...
Полено подбрось-ка в огонь
очага.
Скажи мне единое слово.
И я догадаюсь, зачем
ты возник.
Тебя примирю оправданьем.
Мой вечный соперник и точный
двойник,
Собрат по любви и страданиям.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

Мчались всадники поутру.
Гривы конские — на ветру.
Ратный клич да хмельная воля!
Честь мужская — не медный
грош.
После битвы — победный
ковш!
...Остальное — женская доля.
Доля женская.
Ночь длинна.
Как седины — волокна льна.
Сокол в небе да ворон в поле.
Горек воздух,
Черна вода.
Из терпенья да из труда
Прорастает женская доля.
Над работою в сто потов
Брызжет радуга в сто цветов,
Светел праздник хлеба и соли.
Жизнь не сгинет,
Не вымрет род!
Дети вырастут, колос взойдет
Благодарностью женской доле.
Доля женская —
Два весла:
Дом и вечный зов ремесла
Уживаются поневоле.
Золотые звезды добра,
Строки книг,

Узоры ковра —
Позавидуйте
Женской доле!
Тверже камня.
Нежней цветка.
Освещаешь собой века,
Ограждаешь от бед и боли.
В вихре жизни,
В потоке дней,
Ничего не знаю трудней
И прекраснее
Женской доли.

Обрати былое — в шутку,
От лукавства не мельчай...
Обещал мне — незабудку.
Подарил мне — молочай.
Лепестки гремучей масти,
Липок сок, горька пыльца.
Это тоже вроде счастья —
Откровенность до конца.
Все становится на место,
Ясен смысл, сомнений нет...
Это — вроде совершенства,
Воплощенного в предмет.
Молочай, листок колючий,
Капля белого вина...
Благодарствую за случай
Этой горечи сполна.
Никому испить не худо
Все, что плещет через край.
Все, что крупно, все, что круто,
Все, что в ад ведет сквозь рай.
От прозренья утихаем,
Оселяет мудрость нас.
Все, что ценим, все, что хаем,
Точно знаем в этот час.
Пусть всегда, вовек, повсюду
Сквозь победу, риск и страх —
Ощущать не позабуду
Острый привкус на губах.

У ЛЕРМОНТОВА, В ТАРХАНАХ...

Это — он... Вот примята трава.
Ветер полон зеленого гула.
Ветка хрустнула. Птаха
вспорхнула.
У пруда напряглись деревья.
Так свежи на тропинке следы,
Что душа переполнилась
криком!
...Отраженный серебряным
бликом,
Это он проходил у воды.
Мне ль не знать, почему в этот
день
Брызжет солнце и пахнет
осокой,
Возле старой осины высокой
Не узнать промелькнувшую
тень?

Так надежда моя велика
В эту встречу под сводами
сада,
Что теперь торопиться не надо,
А разумнее медлить пока.
...О, спасибо всем добрым
дождям,
Лившим в прошлом столетье
и в этом
Над землею, любимой поэтом
И оставленной бережно нам!
Снегопадам спасибо за дар
Чистоты, расплескавшейся
в сини.
Мы, исконные дети России,
Не случайно приходим сюда.
Наша память по жилам течет,
Мы по каплям ее не теряем!
С дорогим и возлюбленным
краем
Разделяем родство и почет.
Потому что из чаши одной
Пьем студеную воду России,
Потому что надежды и силы
Ненаглядной земле отдаем.
А над нами, привольно кружа,
Ветры дуют. Ликует природа.
Это — родина. Песни народа.
И поэта живая душа.

ОДА ВРАГАМ

Когда дневной утихнет гам,
Присяду я к столу,
Чтоб первый раз — своим
врагам
Произнести хвалу!
Я восхваляю подлеца —
Лицо из мира тьмы —
За то, что, словно полюса,
Несовместимы мы!
Я циника благодарю,
Что пошлой быть не смею,
Что плачу, глядя на зарю,
Что от любви немею.
О, как был нерасчетлив тот,
Кто затевал вражду!
Ведь я — как вечный
антипод —
За счет его расту!
И пусть мне в жизни краток
срок,
И пусть беда грозит:
И вероломство, словно рог,
Меня не раз пронзит,
И доверительнейший льстец
Совет мне сотни пут,
И вновь меня обманет лжец
И обворует плут!
Как эта миссия стара!
И дело их — старо!
Но, не желая мне добра,
Они творят добро.
Недаром я давно дивлюсь
Той подоплеке всей
И все надежней становлюсь
В глазах своих друзей!

СПРАЖ

Б. ПРОТОПОПОВ

Это рассказ об инспекторе рыбоохраны, но не ждите волнующих схваток в речных камышах или опасной погони на лодках, не будет здесь и выстрелов в предутренний час.

...Если отсчитать от нынешнего 1979 года пятнадцать лет в прошлое, то мой герой будет стоять в растерянности перед зданием обкома КПСС в городе Грозном. Там ему только что сообщили, что он рекомендован на должность старшего инспектора рыбоохраны. Да, непривычную растерянность испытывал недавний летчик-истребитель, вчерашний командир авиаполка, а ныне подполковник запаса Михаил Иванович Кузнецов.

— Особое внимание обратите на реку Сунжу. Ее надо вернуть к жизни, — сказали в обкоме.

На следующий день, вскинув рюкзак, Кузнецов отправился осматривать свои владения. Много дней провел он в этом тяжелом и безрадостном походе. Все оказалось хуже, чем он предполагал. Река была мертва, ни всплеска на мутной глади. Даже птиц не слышно в прибрежных кустах. Пожухлая трава у воды покрыта коричневой слизью.

Десятки предприятий Грозного приняли участие во всем этом.

Нефтеперерабатывающий завод ежедневно выливал в Сунжу тонны нефти, ацетоновый завод добавлял к ней фенол, ацетон и черт знает что еще! Из двух труб, как жерла морских орудий, нависших над водой, день и ночь хлестала вонючая барда. Сколько же тут тысяч кубометров в сутки! А если прибавить сюда сточные воды крекинг-завода, нефть от промывки цистерн на железной дороге, стоки мелких предприятий, городские отходы... «Как же тебе справиться со всем этим, милая моя Сунжа?!» — думал Михаил Иванович в конце путешествия. Двое ребятишек пробежали мимо к реке, на ходу сдергивая рубашонки.

— Куда?! — закричала какая-то старуха, размахивая хворостиной. — Не лезьте в воду, не отмоешь потом вас, чертеня!

И Кузнецов вдруг вспомнил тихую Сызранку, забываемую речку своего детства, в которой каждый камушек на дне было видно. Потом достал блокнот. «Ну, что ж, разведка закончена. В бой, подполковник!» — сказал он себе.

...В приемной нефтеперерабатывающего завода Михаилу Ивановичу пришлось изрядно подождать. «Кто-кто?» — переспросила секре-

ЕНИЕ ЗА СУНЖУ

тарша и так, с изумленно приподнятыми бровями, вошла к начальству.

«Какой рыбинспектор? Откуда? — услышал Кузнецов в полуоткрытую дверь. — Ну, пусть войдет».

Директором оказалась женщина. — Очень приятно познакомиться, — сказала она. — Но рыба не наш профиль! — Глаза ее смеялись. — Только вы ее травите, — угрюмо молвил Кузнецов. — В ваших сточных водах больше нефти, чем воды. И если вы не наладите очистные сооружения...

— У вас есть результаты анализа? Ах, нет... Впрочем, это неважно. Вы уже пожилой человек, и мне даже неловко объяснять вам, как важна для государства наша продукция. Нам некогда думать о рыбе. Да ее и нет в Сунже!

— Если не наладите очистные сооружения, — упрямо продолжал Кузнецов, — будете оштрафованы. Вы лично.

Директор вежливо улыбнулась. Сказала, что завод как работал, так и будет работать. Затем, извинившись, взялась за телефон. У нее были важные дела.

На химзавод (ныне — имени 50-летия СССР) Михаил Иванович пришел совсем уж не вовремя, — директор принимал поздравления по случаю присуждения предприятию переходящего Красного знамени.

— Вот так-то, милый! — добродушно похлопал он Кузнецова по плечу. — А ты тут со своей плотвой... Пустяки это.

Руководитель производственной конторы на предложение усовершенствовать ловушки ответил так: «Я из Сунжи ежедневно пятьдесят тонн нефти выкачиваю и нефтеперерабатывающему заводу продаю. Их же нефть — им же продаю, понял? И ежемесячно за это премию получаю. Не приставай с этими ловушками, дай спокойно на пенсию уйти!»

В общем, когда после визитов Михаил Иванович возвращался в свою контору, будущее ему казалось темнее воды в Сунже.

Однажды к нему буквально влетел сухощавый пожилой человек с огромным портфелем.

— Здравствуйте, инспектор! Только что узнал о вашем существовании. Позвольте представиться — начальник грозненского участка по охране, использованию и регулированию водных ресурсов Северокавказского бассейнового управления Григорий Михайлович Набережный.

— Рад познакомиться, — сказал Кузнецов, подымаясь навстречу. — Один титул ваш чего стоит!

— Ничего не стоит мой королевский титул, — махнул рукой гость. — Присесть негде, не говоря уж о размещении лаборатории.

— Как, у вас есть лаборатория?! Да ведь я без анализов сточных вод как без рук! Где же она?

— Лаборатория? Вот! — Гость хлопнул рукой по портфелю.

— Тогда располагайтесь! — Кузнецов широким жестом обвел свою комнату.

Через несколько дней инспектор положил на стол директорше официальный документ.

— Что это? — спросила она.

— Это акт о грубейшем нарушении закона об охране водных ресурсов, — сообщил Михаил Иванович. — Промышленные стоки вашего завода превышают допустимое количество вредных примесей по нефти и фенолу... Вот данные анализа. По закону вы как дирек-

тор оштрафованы на пятьдесят рублей...

Потом были так же наказаны главный инженер химзавода, главный инженер и директор объединения «Грознефтеоргсинтез», другие руководители производства.

Михаила Ивановича упрекали в недопонимании роли промышленности, стыдили за «нетактичное поведение», обвиняли в срыве производственных планов. То и дело в его конторе раздавались грозные телефонные звонки начальства, сулившего кары за «волюнтаризм». Но Кузнецов не сдавался.

В приемных он теперь не засиживался, и пренебрежительное «ты» в разговорах сменялось хоть и ледяным, но вежливым «вы». Однако главное — дело сдвинулось с мертвой точки.

То ли руководству химзавода надоело платить штрафы, то ли наскучило читать обидные слова в областной газете, где Михаил Иванович стал активным корреспондентом, или действовали лекции, с которыми инспектор выступал в цехах, но вскоре Кузнецов узнал, что это предприятие решено перевести на оборотное водоснабжение. И в один радостный для Кузнецова день из труб химзавода, нацеленных в Сунжу, перестали течь ядовитые стоки. А потом генеральный директор объединения «Грознефтеоргсинтез», до этого чуть ли не отворачивавшийся при встрече, вдруг позвонил сам. Благожелательно пошутил:

— Если очистные сооружения поставлю, дашь осетра из Сунжи? — Сам на дом привезу! — так же шутил ответил Кузнецов.

Вода в реке стала светлеть. И надо же, это обернулось трагедией. В феврале 1968 года рыба, «клубу» на якобы очищенные воды, вдруг устремилась в Сунжу на нерест и погибла. Вся.

Дотошная комиссия, срочно прибывшая из Москвы, подсчитала, что только осетров, набитых икрой, тогда погибло больше шести тысяч, неисчислимо количество усача, сазана, сома. Виновных искать не надо было, старший инспектор знал их наперечет. Но... московская комиссия отбыла воясь, а вонючие стоки продолжали впадать в Сунжу.

Однако не могло того быть, чтобы трагедия прошла бесследно.

Уже тогда, одиннадцать лет назад, она всколыхнула общественность. Все больше и больше союзников появлялось у Михаила Ивановича. Известные постановления партии и правительства об охране природы дали новый импульс в борьбе за Сунжу. И наконец, радостное событие: принято решение строить станцию биологической очистки. Экологические проблемы становятся в центр внимания областного комитета партии и облисполкома.

И вот уже очистка сточных вод в Грозном стала на государственную основу. Сейчас успешно действует первая очередь станций биологической очистки, вторая очистная станция построена в Назрани, вступил в строй гигантский пруд-стойник. На предприятиях созданы группы по контролю за сточными водами. Сунжа начала выздоравливать, но до победы еще далеко. Ведь это только отравить реку легко, а чтобы исцелить ее, нужны десятилетия!

Вот и сейчас, когда я пришел к Михаилу Ивановичу в контору на Партизанской улице, он сидел за столом, еще не остывший после разговора с генеральным директором «Грознефтеоргсинтеза».

— В апреле закончили проверку сточных вод предприятий этого

объединения. Решено оштрафовать трех начальников цехов, директора и главного инженера завода имени Ленина, заместителя главного инженера объединения по охране природы — есть теперь там такая должность — и самого генерального. Когда же они поймут наконец, что Сунжа не мое личное дело!.. Ну, да ладно... Вот это видели?

На столе стояла стеклянная банка с мальками.

— Неужели осетрята? Здесь, в Сунже, вывелись?! —

— В Сунже-то в Сунже, да погодите радоваться, посмотрите на них внимательнее, ничего не замечаете?.. Слепые же они! И хребты кривые... Такие не живут. Вырастают до пяти, десяти сантиметров и погибают. Где ж им выжить!.. Вот справку приготовил: «Производственное объединение «Грознефтеоргсинтез» Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности (генеральный директор Геннадий Алексеевич Яценко) ежедневно спускает в Сунжу 122 тысячи кубометров сточных вод. Ацетоновый завод (директор Виктор Яковлевич Чирков) выливает десять тысяч кубометров барды в сутки. Завод «Красный молот» Министерства химического и нефтяного машиностроения СССР (директор Григорий Константинович Веденко) добавляет в реку еще пять с половиной тысяч кубометров нечистот».

— Может быть, эти цифры попадутся на глаза министрам, — с надеждой говорит Кузнецов.

ОТ РЕДАКЦИИ. Перед публикацией этого очерка редакция попросила первого секретаря Чечено-Ингушского обкома партии тов. А. В. ВЛАСОВА прокомментировать положение дел с охраной окружающей среды в городе Грозном. Вот что он сообщил:

— Осуществляя требования партии и правительства по охране окружающей среды, производственное объединение «Грознефтеоргсинтез» проделало значительную работу в этом направлении. За годы девятой и десятой пятилеток были построены и введены в действие блоки оборотного водоснабжения общей мощностью 39 тысяч кубометров в час, внутризаводские сети промышленной и хозяйственно-фекальной канализации, внешние сети города Грозного с насосными станциями и разгрузочными сетями, станции механической и биологической очистки сточных вод. Всего на строительство водоохраных объектов объединения затрачено 41,4 миллиона рублей капитальных вложений.

В результате проделанной работы потребление свежей технической воды сократилось с 550 тысяч до 164 тысяч кубометров в сутки, сброс неочищенных стоков с 500 тысяч до 70 тысяч кубометров в сутки со значительным улучшением их качества. Практически все хозяйственно-бытовые стоки города в количестве более 100 тысяч кубометров в сутки в настоящее время принимаются на станцию биологической очистки объединения «Грознефтеоргсинтез».

Но сделано еще не все, в работе объединения по охране водного бассейна от загрязнения имеются серьезные недостатки и не решенные пока проблемы. Не все промышленные стоки подвергаются высокоэффективной очистке, допускаются по различным причинам аварийные сбросы неочищенных стоков в Сунжу.

Для более полного решения водоохраных мероприятий разработан технический проект расширения биологических очистных сооружений до 280 тысяч кубометров в сутки. В течение 1979—1980 годов для его осуществления планируется освоить 4 миллиона рублей капитальных вложений. Ввод в эксплуатацию этого объекта позволит полностью прекратить сброс в Сунжу неочищенных стоков.

Помимо этого, на заводах ведутся локальные работы, направленные на сокращение сброса недостаточно очищенных стоков и ликвидацию аварийных сбросов.

Что касается аварии на коллекторе нефтеперерабатывающих заводов, случившейся в мае нынешнего года, то ее причины обсуждались на бюро обкома партии. Виновные наказаны.

Выполнение водоохраных мероприятий постоянно находится под контролем обкома КПСС.

Чечено-Ингушская АССР.

...Мы прощаемся. Я задерживаюсь у открытого окна конторы. Отсюда слышно, как Михаил Иванович распекает своего молодого инспектора Виктора Волкова, только что вернувшегося из суда, где разбиралось дело по иску рыбоохраны.

— ...Адвокат?! Да он тысячу оправданий найдет! А ты уж и растерялся? Взял бы вот эту банку со слепыми мальками и судьям показал! Это, дескать, чья вина? Ты, Виктор, не частное лицо, ты инспектор! Государственные интересы отстаиваешь!

* * *

Мне хотелось закончить очерк словами о том, что Михаил Иванович добьется своего, и скоро Сунжа оживет. Корреспонденция уже была подготовлена к печати, когда я получил от Кузнецова тревожное письмо. Вот оно:

«Опять произошла трагедия! На коллекторе нефтеперерабатывающих заводов объединения «Грознефтеоргсинтез» произошла авария задвижки коллектора. Все промышленные стоки, которые перекачивались на станцию биологической очистки, вновь хлынули в Сунжу. С 25 по 29 мая поверхность реки в черте города и дальше была покрыта отравленной рыбой. Если считать в рублях, государству нанесен ущерб в 39 572 рубля. Передаю документы о гибели рыбы в прокуратуру Чечено-Ингушской АССР... Как видите, «фронт» не затихает, борьба продолжается».

ОКНО В ДАЛЕКИЙ МИР

М. БАРИНОВ

Исполнилось сто лет со времени открытия известным русским ученым И. С. Поляковым в селе Костёнки, неподалеку от Воронежа, стоянки людей эпохи древнего каменного века — палеолита.

Этим было положено начало продолжающихся и сегодня раскопок и исследований археологического памятника мирового значения — сложнейшего комплекса поселений наших далеких предков, живших на берегах Дона десятки тысячелетий тому назад.

ИНДРА — СТРАШНЫЙ ПОДЗЕМНЫЙ ЗВЕРЬ

Обитает под землей огромный страшный зверь, называется индра. А после его смерти люди находят в земле громадные кости.

Эта легенда родилась на берегах Дона почти сразу после того, как прислал сюда царь Алексей Михайлович сотню стрельцов с оружием, с семьями и со всем скарбом, повелев строить укрепленный городок для обороны от Дикого Поля.

Правый высокий берег, рассеченный гигантскими оврагами — логами, был тогда, в семнадцатом веке, покрыт могучими хвойными лесами и бескрайними дубравами. А противоположный, низменный, до самого горизонта раскинулся необъятной пойменной долиной. Там и начиналось оно — Дикое Поле. Там таились, выжидая своего часа, кочевые хищники.

Новоселы выбрали место, как всегда русские люди выбирали: на господствующей высоте, на стрелке двух сходящихся логов. И сухо, и безопасно под защитой естественных рвов, и обзор пограничья хороший. Стали копать землянки, ямы для частокла, и сразу чуть ли не по всей площади работ начали попадаться кости. Были похожие на знакомые по охоте медвежьи и оленьи, но часто находили и другие, невиданные — огромные изогнутые бивни, страшные черепа. О таких только в сказках слыхали. Вот тогда-то, наверное, и родилась легенда про индру. Жители даже гордились «своим чудом», а городок без всяких официальных утверждений стал называться Костёнском.

Шло время, Петр I, строивший в Воронеже флот, весьма интересовался диковинными подземными находками. Не раз бывал в городке, осматривал, знакомился и повелевал несколько бивней и других костей отправить в столицу.

В 1768 и 1769 годах здесь побывал естествоиспытатель академик С. Г. Гмелин. Тогда, в XVIII веке, про мамонтов наука еще не знала, и потому он изучал и тщательно описывал то, что называл «кости слонов».

А в 1879 году в Костёнки приехал И. С. Поляков. Сибиряк, талантливый исследователь, ученик замечательного революционера и ученого П. А. Кропоткина, Поляков не только сразу узнал в гмелинских «слонах» мамонтов. Он утверждал, что человек на территории России появился очень рано: в эпоху ледника, в эпоху мамонта. Он утверждал также, что именно в местах скопления останков мамонтов и следует искать следы пребывания первобытных охотников.

Наука высоко ценит заслугу И. С. Полякова: он нашел в Костёнках стоянку первобытного человека, чем блестяще на практике подтвердил свое революционное по тем временам теоретическое утверждение.

Всерьез изучать Костёнки, открывать уникальные памятники во всех его поразительных деталях начали при Советской власти. Собственно отсюда, из Костёнок, и пошла наша советская школа изучения палеолита. Потому что, пожалуй, лишь еще одно место в мире — во Франции — может сравниться с этим богатством и разнообразием свидетельств жизни людей в древнем каменном веке. И еще потому, что ни одно другое место не приносило ученым столько волнений, столько проблем, загадок, тайн, как Костёнки.

Впрочем, судите сами: вот несколько примеров.

Многие привыкли думать по школьным учебникам, что первобытные охотники вели кочевой, или скорее бродячий, образ жизни.

Академик П. П. Ефименко первым, изучая Костёнки, с изумлением вынужден был констатировать: охотники на мамонтов с берегов Дона жили вполне оседлой жизнью. Археологический термин «стоянка» вовсе не одно и то же, что сегодняшняя туристская стоянка. Это своеобразно построенная деревня, в которой проживало одновременно несколько десятков (или даже сотен) людей, связанных родственными отношениями, и существовавшая десятки лет на одном месте. И таких поселений в Костёнках вскрыто и изучается двадцать одно, разведано более полусотни, а по предположениям ученых, их тут гораздо больше.

П. П. Ефименко сделал свое открытие в тридцатые годы, когда советская наука о палеолите только начиналась, и потому его утверждение об оседлости охотников довольно болезненно «вошло в каноны». А вот ныне здравствующему доктору исторических наук Александру Николаевичу Рогачеву его встреча с необычайным далась гораздо дороже.

Думаю, многие слышали, что, систематизируя сведения о жизни древних людей, ученые опираются на характерные признаки материальной культуры. Способ изготовления наконечника копья, или форма жилища, или характерные приемы обработки кости — подобные признаки определяют и уровень развития, и район размещения, и даты жизни и труда той или иной группы древних людей. Строгая чередность «археологических этапов», следующих один за другим по времени в туманных тысячелетиях прошлого, была самым дерзким образом нарушена в Костёнках работами А. Н. Рогачева. Самые несовместимые (казалось бы!) культуры превосходно тут соседствовали и глядели на ученых с невинностью и непреклонностью факта. Однако старое так просто не сдает позиции! Рогачева обвинили во всех смертных грехах, начиная от элементарного чудачества и кончая некомпетентностью (это крупнейшего специалиста в области палеолита!).

А. Н. Рогачев не сдался, одолел противников, однако он сам категорически отвергает другое «еретическое» утверждение всемирно известного антрополога Г. Ф. Дебеца о... негре в Костёнках («Это уж Георгий Францевич слишком позволил себе!»).

А дело обстоит таким образом, что в пятидесятые годы здесь было обнаружено захоронение древнего человека. Случай в Костёнках не первый. Но когда Г. Ф. Дебец и известный специалист по восстановлению облика по костям черепа антрополог и археолог М. М. Герасимов изучили находку, то в один голос заявили: негроид!

Негр в Костёнках! Откуда?! Находка-то датирована 22-м тысячелетием от наших дней! Впрочем, надо уточнить: негр и негроид так же различаются, как, скажем, европеец и белокожий. Некоторые исследователи считают, что негроид с Дона ближе к... полинезийцу, чем к жителю Африки.

Ученые бушевали, разбившись на два непримиримых лагеря. «Георгий Францевич слишком позволил себе...» — один из самых деликатных текстов.

Каюсь, я тоже попытался принять участие. Спросил у Рогачева: «Были ли мобильными охотники палеолита?» «Гораздо более мобильными, чем мы с вами!» — последовал ответ. «А мог охотник пройти десяток-другой километров в день?» «Мог пробежать полсотни в сутки! Мог за месяц покрыть не одну тысячу...» Я не стал продолжать эту тему, но подумал, что, может быть, давным-давно гнала какого-то парня из Африки тоска по новым местам и встречам все дальше и дальше, и дошел он до наших мест... А то, что приняли его хорошо, и так ясно: после смерти похоронили с честью, как своего. Впрочем, все сложнее. Дело не в том, куда могли путешествовать негры в палеолите, вопрос: были ли они тогда вообще? Александр Николаевич считает, что не было еще ни белых, ни черных, ни желтых, что это расслоение лишь начиналось. Но другие ученые полагают: основные расовые группы уже были.

Загадок и неясностей в Костёнках великое множество. Непонятно и само по себе удивительное пристрастие древних людей к расселению на этом «пятатке». Из века в век, из тысячелетия в тысячелетие! Удобно для охоты, безопасно, красиво — все это так, но ведь вдоль течения Дона есть немало таких же удобных и красивых мест. Но именно здесь! Почему? Еще одна загадка. Далеко не последняя.

ТАК ОНИ И ЖИЛИ...

Раскопки ведутся сразу на нескольких объектах. Стоянки разбросаны по всему этому большому селу. Археологи работают в крестьянских усадьбах, на картофельных огородах, на колхозных служебных территориях, прямо на улицах. Особой радости подобная деятельность местным жителям, разумеется, не доставляет. Однако научную пользу понимают, и потому сосуществование ученых и колхозников в целом вполне удовлетворительное.

Археологическое богатство костёновских находок трудно описать. Только на одной, например, стоянке собрано более пятидесяти тысяч предметов. Специализация каменных орудий вполне сравнима с современной по номенклатуре и направлениям применения. Достаточно почитать многостраничные перечни со всеми этими миниатюрными наконечниками, лавровидными наконечниками, прокольными, прокольными с жалыцем, режущими острями, клювовидными острями, резаками угловыми, резаками косыми, скребками, скребками-стамесками и так далее и так далее... Производство было налажено, унифицировано, орудия и оружие сотен видов изготавливались в тысячах совершенно идентичных экземпляров.

Немало и уникальных находок. Например, странный инструмент из раскрашенной кости. Исследователи не могли понять, что это такое, пока объяснение не нашлось на другой палеолитической стоянке — Мезин-на-Десне. Там был обнаружен целый набор таких непонятных предметов, и член-корреспондент Академии наук Украинской ССР С. Н. Бибинов высказал мнение о том, что перед нами... набор ударных инструментов палеолитического оркестра! А на территории Западной Германии, на стоянке Гённерсдорф, нашлось и подтверждение — изображение на сланцевых плитках танцующих молодых девушек. Находили и другие инструменты этого «ансамбля «Палеолит» — дудки из кости в палеолитических памятниках на Днестре и за рубежом.

Большой интерес и много споров вызвала находка на одной из стоянок очагов со странными бугорками посередине и какими-то отходящими в стороны напавками. Что это? Зачем? Гостивший в ту пору в Костёнках археолог из Средней Азии вдруг заявил, что это

просто дымоход, что у него на родине до сих пор чабаны пользуются таким устройством. Не поверили. Дело в том, что канавки были обращены в сторону Дона, откуда всегда дует ветер. На свободном месте выкопали два очага рядом. Один «простой», другой с канавками. Эксперимент показал, что в обычном очаге едва-едва тлеет огонек, в палеолитическом пылал яркий пламенем. Какое сложное устройство для того далекого времени!

Костённые стоянки и похожи одна на другую, и в то же время у каждой свое лицо, свои особенности. На одной — жилища строили круглые, на другой — овальные, длинные (и это в одно и то же время, просто люди разные с разными привычками), на одной жили неряхи: где ели, там и набросали горы костей, на другой — аккуратисты, там чистота, ни единой косточки, а перед жилищами даже вымощена сделана из плоских камней, чтобы грязь в дом не тащила.

Поселения палеолитических людей, конечно, гораздо меньше современных сел и деревень, но это вполне оправданно — ведь жили в них охотники, усадеб, садов, огородов не было. Вот, например, как выглядела стоянка, обозначенная археологами «Костёнки-1». В центре большой площадки — «кухня-столовая»: место, где разделялась охотничья добыча, шло приготовление пищи, совершались трапезы. А вокруг довольно симметрично расположены круглые ямы — остатки полуподземных жилых домиков. При их постройке люди искусно и по-хозяйски использовали бивни и другие крупные кости мамонтов в качестве стропил, ступеней, креплений стен. Они вообще неплохо приспосабливали свои жилища и к суровому климату и к «производственным задачам». С любого из двадцати одного поселка на много километров хорошо просматривается вся левобережная долина, и охотники могли прямо с порога дома следить за своей добычей. Стоянки датируются разным временем. Есть и сорокатысячелетней давности, есть и «молоденькие», которым «всего» восемнадцать тысяч лет. Есть и такие места, где люди селились, можно сказать, на фундаментах, на руинах старых поселений. Так называемые многослойные стоянки.

Открытий великое множество, но совершенно ясно всем, что еще больше их впереди.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ

В шесть подъем, в семь начало всех работ. А в промежутке надо проснуться, умыться, позавтракать, добраться до места. Вы помните, что самое трудное в юности? Подъем в шесть часов! А из шестидесяти участников экспедиции подавляющее большинство — студенты. Историки и естественники из Ленинграда, Могилева, Орла. Студенты — это значит гитары, песни, споры, прогулки при луне над Доном. Но подъем в шесть!

Характеры закаляются и проверяются не только подъемом. 1 рубль 70 копеек в день — суровая зарплата. Только-только на еду, да на курево для курильщиков. Зато камышников в экспедиции не бывает — только энтузиасты. Работа тяжелая. И физически и психологически. Когда надо копать шурфы, приходится перебрасывать сотни тонн земли. Здесь требуется незаурядная мужская сила. А когда вскрывают объект, когда каждая косточка, каждый камушек бесценны, тогда идут в ход ножи, скальпели, кисточки. Тут уже без женского терпения и аккуратности не обойтись.

О начальнике экспедиции и его заместителе надо рассказывать особо. Оба из крестьян, оба невысокие, крепкие, привычные и к физическому труду и к походной жизни. Старший и младший. Учитель и ученик. Доктор исторических наук Александр Николаевич Рогачев и кандидат исторических наук Николай Дмитриевич Праслов.

Праслов — начальник. Рогачев — заместитель.

Не так давно было наоборот, но подошло время, когда учитель предложил ученику поменяться местами. Без лишних раздумий, без лишних эмоций. Просто оба согласились, что наступает у человека такой возраст (некоторые считают его пенсионным, то есть годным лишь для отдыха), когда целесообразно отдавать делу огромный багаж опыта, знаний, мудрости, освободившись от всего многого. А «всего много» у начальника экспедиции ох как много! Он и ученый, и глава большой спокойной семьи, и круглосуточный администратор, и сам же «министр иностранных дел» маленькой археологической державы, включенной в

большой мир, и еще многое другое, вплоть до шеф-повара по необходимости... Для того чтобы от такой «перемены мест слагаемых» сумма не изменилась, требуется, разумеется, взаимное уважение, доверие. Если это есть, то дело выигрывает неизмеримо.

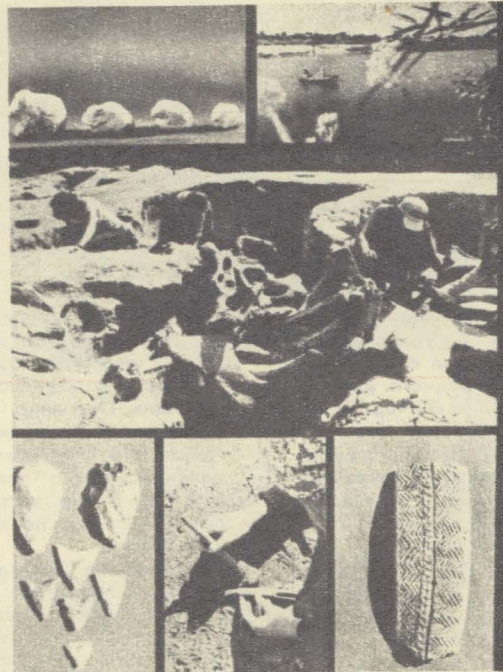
Как-то мы беседовали с Прасловым, и он горячо опровергал один из выводов учителя. Через несколько минут, продолжая беседу, я спросил, кого он считает крупнейшим специалистом страны по палеолиту. Мой собеседник взглянул с недоумением:

— Как кого? Разумеется, Александра Николаевича!

Судьба Николая Дмитриевича Праслова связана с Костёнками дважды. Дело в том, что, приезжая каждый год сюда в экспедицию, он приезжает в родное село. Здесь жили его родители, живут родственники, друзья. Отсюда в 1942 году вместе со всеми крестьянами и их детьми он «эвакуировался» в далекий лес, где костёнковцы накопили землянок и решили таким образом отсиживаться от фашистов. Им повезло: оккупантов погнали с воронежской земли через полгода. Не повезло тем, кто не дождался, не перенес голода, холода, тифа. Не повезло матери... Отец умер еще до войны, и в результате в Костёнках образовалась мужская семья: дед и четверо мальчишек-братишек.

Николай Дмитриевич рассказывал о жизни скупо, но как-то необычно, пронзительно, в самое сердце западали слова рассказа начальника ленинградской экспедиции Академии наук о судьбе местных крестьян, о своей судьбе.

Школа, университет и долгие годы кочевой жизни разведчика-археолога. Он прошел «на

своих двоих» долины Волги и Дона от верховьев до устьев в поисках древних поселений человека. И вот он здесь, на родине, в Костёнках. С 71-го года заместитель, с 76-го — руководитель экспедиции.

Счастлив человек, судьба и жизнь которого сплетены с любимым делом.

БЕСЕДА ВТРОЕМ

...Вечер. Шумит лагерь археологов. Громкие разговоры, песни, переборы гитары... А мы с начальником экспедиции сидим за столом в вагончике. На столе множество книг — монографии исследователей Костёнок. Одна раскрыта на той странице, где воспроизведен скульптурный портрет «костёнковца», созданный по черепу, найденному в одном из захоронений. Это тоже работа М. М. Герасимова, только не негроид, а «свой», местный. С книжного листа смотрит красивое, мужественное лицо человека лет пятидесяти. Как мне показалось, совсем русское, современное лицо. А за открытым окном вагончика великолепная панорама — бескрайняя пойменная долина левого берега, освещенная розовыми лучами заходящего солнца. Сколько раз за минувшие тысячелетия всматривались люди в эти дали!

— Кто же они были? Какие?

— Прежде всего такие же, как и мы, люди, — произносит Н. Д. Праслов. — Гомо сапиенсы. И сорок и пятьдесят тысячелетий тому назад люди уже «состоялись» в полной мере. Ни интеллектом своим, ни эмоциональным развитием они абсолютно не отличались от нас. Что же касается физического развития — превосходили несомненно.

— Как-то трудно представить себе. Все же первобытное общество...

— Дикие «троглодиты» в невыделанных вонючих шкурах?.. Обычное заблуждение. Прошлое человечества так огромно во времени по сравнению с известной нам коротенькой историей, что мы свободно путаем десятки тысячелетий с сотнями тысяч лет и даже миллионами. Сейчас и археологи, и антропологи, и этнографы почти единогласно признают, что люди верхнего палеолита очень похожи на современные северные народы в недавнем прошлом: на алеутов, чукчей, гиляков, северных индейцев.

— Значит, взгляд свысока и на людей палеолита как на примитивные народы ошибочен?

— Расизм чистой воды! — смеется мой собеседник. — В самом деле, если они «не доросли» до технической цивилизации со всеми ее положительными и, увы, отрицательными качествами, то, во всяком случае, они и знали и умели многое такое, в чем мы им можем позавидовать.

— Например?

— Например, великое достоинство их перед нами в том, что жизнь требовала тогда стопроцентной отдачи физических сил. То есть все, что дала им природа, было необходимо эксплуатировать ежедневно, ежечасно.

— Хочешь не хочешь, тренируйся?

— А разве это плохо? Они не страдали, как мы, гиподинамией и всеми ее последствиями вроде сердечно-сосудистых болезней, аллергии, неврозов.

— А еще об их достоинствах перед нами?

— Такое знание природы, о каком мы только можем мечтать.

— А еще?

— Вам мало, тогда обратите внимание на то, как они стремились украшать все, что их окружало. Искусство играло в их жизни большую роль, чем в нашей, — оно было просто частью их жизни.

В их истории были важнейшие, основополагающие для всего человечества события, о которых мы можем лишь догадываться.

— Вы так рассказываете, что позавидуешь им...

— «Назад к природе»? Нет, это нелепый и вредный тезис! Время не повернешь вспять. Все проще и значительнее. Наша наука позволяет уже теперь делать важные для человечества выводы. Все то, что мы узнаем о «доисторическом» времени, имеет неоценимое значение для наших представлений о взаимоотношениях с природой, с собственным организмом в условиях меняющейся среды и о многом другом, мы думаем, сравниваем, делаем важные выводы, всматриваясь в жизнь этих людей.

— О которых мы, в сущности, так мало знаем...

— Разумеется! Ведь в самом деле, наша писаная история, официальная, так сказать, начинается где-то с пятого тысячелетия до нашей эры. И дальше начинается общее заблуждение: раз непрерывной чередой сведений нет, значит, нет истории, нет цивилизации, значит, дальше дикость. А на самом деле есть необъятное поле работы для расширения истории на многие десятки тысяч лет в глубь времени. И это будет только на пользу нам и нашим потомкам. Потому что без знания прошлого человека ждут неизбежные ошибки в будущем.

Мы разговаривали, не отрывая глаз от изображения костёнковца. Как будто беседовали втроем.

— Скажите, а он сказки детям рассказывал? — неожиданно вырвалось у меня.

— Не сомневайтесь! — ответил Николай Дмитриевич. — И сказки рассказывал, и песни пел, и даже... — Мой собеседник запнулся на секунду, — любил, мечтал, отчаивался, надеялся, как и мы с вами!

ЛЕВИТАН

Игорь ДОЛГОПолов,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Живописец снова с Кувшинниковой на Волге. И вновь он счастлив. Снова ему легко и уютно в родных краях, и что особо важно — пишется хорошо! Юрьевец. Старые легенды овевают этот город. Окрестности — дикие. Глухие буераки будто полны лешими, колдунами, сказками... Короленко писал об этих местах: «Сколько призрачных страхов носится еще в этих сумеречных туманах, так густо повисших над нашей святою Русью!» Живописец сразу оценил мир легенд, окутавших старый город, крепость, древний вал, многие века охранявшие подступы к городу. Непреступный берег, о который лениво плескались волны. Казалось, сама история переворачивает неспешно страницы летописи. На Волге был завершен сложный процесс становления Левитана как певца Руси. Вот что вспоминает Кувшинникова:

— Бродя по окрестностям, вдруг наткнулся на уютный в рощице монастырек. Он был некрасив и даже неприятен по краскам, но был такой же вечер, как когда-то в Саввинне: утлые лавы, перекинутые через речку, соединяли тихую обитель с бурным морем жизни, и в голове Левитана вдруг создалась одна из лучших его картин, в которой слилось воедино... и вновь увиденное, и сотни других воспоминаний.

Метровый холст, но какая бездонность хлынет на вас, если вы вслушаетесь в разговор художника с природой. Левитан верен себе. Сюжет прост!

«Тихая обитель». Вечереет. В зеркале реки опрокинулись колоколенка, многоголовая старая церковь и озаренная закатом зелень. Если бы не заряд духовности, который заставляет нас не только смотреть, но и чувствовать сердцем написанное художником, современный критик мог бы обвинить его в натурализме, — с таким тщанием прописана каждая веточка, каждый лепесток переднего плана. Шаткие мостики. Листья кувшинок. Рябь воды... Но главное здесь, конечно, не в деталях, хотя они помогают создать атмосферу картины. Основное — это аромат встречи с жизнью и размышление о ней.

Мастеру тридцать лет. Он подводит мысленный рубеж всему сделанному и прожитому. Вспоминает детство, стертые суетой и гамом, страшную, тяжкую и чудную юность, когда впервые муза подала ему руку и привела в мир прекрасного, первые успехи и незабываемые обиды... Увлечения и разочарования. И вот, наконец, поправ на Волгу и прикоснувшись к целине, именуемой Русью, Левитан нашел в себе новые силы и открыл ту новую красоту в видении Родины, которая сделала его имя бессмертным. Он забыл все дрязги, всю ту бытовую накипь, которая отравляла с самого раннего детства его жизнь, он, подобно свободной птице, как и в картине «Вечер. Золотой плес», поднялся выше обыденщины и взглянул на вечный мир природы, взглянул и заговорил с ней. И мы слышим этот долгий, доверительный диалог. Как откровенен Левитан! Он, как на духу, рассказал о себе все... Мы узнаем, сколько горя, неудач, неудобств, нищеты, голода хлебнул он. Но это все прошло. И вот сейчас художник признается Отчизне в любви... И Родина, слушая горячую и порою сбивчивую речь мастера, открывает ему самое сокровенное — свою душу, светлую, спокойную, мудрую и чистую.

Можно много дней приходить к этой картине, и каждый раз, в зависимости от времени дня, света и от настроения, полотно будет каждый раз другое, незнакомое. Такова и сама природа, которая только один, только один миг похожа на себя, еще мгновение — и это уже будет она, но другая, еще тобой не узнанная... Художник еще будет писать разные сюжеты, порою грустные и даже драматические. Он объедит пол-Европы, но не привезет оттуда ничего значительного. Но с каждым годом все звонче и звонче будут звучать лучшие полотна Левитана, в которых он найдет новую гармонию холодных и теплых тонов, раскроет все богатство палитры России. Мастер говорил с природой, понимал шепот листьев, разговор птиц, пение ветра, ему была доступна тайная музыка пейзажа. Он обладал совершенным постижением жизни просторов своей земли. И когда мы до конца раскрываем это чудесное свойство Левитана, какой-то мерцающий холодок пробирается в сердце. Кажется, что раскрыли чужую тайну... Ведь еще и еще раз хочется напомнить, что Россию, ее пейзажи писали блистательные мастера, но ни один из них не создал таких объемных и в то же время бездонных полотен, которые, подобно частям величавой симфонии, лишь дополняют друг друга, подчеркивая всю многогранность и необъятность лица Родины. «Тихая обитель». Это полотно как бы синтезирует впечатления Плеса и Юрьевца. Полотно поразило. Все наперебой славли художника и его музу. Правда, один почтенный писатель находил, что-де «мостики длинные», не менее маститый поэт видел разлад между названием и ее сюжетом: «Помилуйте, называет это тихой обителью, а тут все жизнерадостно». Бенуа приписывал успех картины поездке Левитана на Запад, будто забыв, что и до Франции, до знакомства с импрессионистами он уже писал отменные холсты... Это был успех!

...Мастер попадает в самое сердце художественной России. С легкой руки Поленова его принимают в свои ряды могучие передвижники. Левитан побывал в Петербурге на торжественном обеде общества и был полон надеждами и планами. Поленов писал жене в Москву: «Как мне приятно слышать про Левитана, что он в хорошем настрое-

нии, хочет работать и доволен тем, что был на обеде. И я остался доволен... Какой-то молодостью повеяло...»

«Поленовские вечера»... Эти встречи сблизили Репина, Сурикова, В. Васнецова, молодежь — братьев Коровиных, Врубеля, Серова, Левитана, Пастернака, Архипова и других. Всех этих разных людей объединяла любовь к искусству, к труду и, главное, к России.

Наступило очередное лето, и художник с Кувшинниковой, вместе с Ликой Мизиновой, новой знакомой Левитана, поселяются на даче в Тверской губернии в Затишье. Недалеко от Затишья Левитан нарисовал старую плотину через реку. Об этой запруде ходила легенда. Бывая здесь, Александр Сергеевич Пушкин прослышал рассказ о красавице, дочке мельника Наташе, утопившейся в омуте от несчастной любви... Пушкин как будто использовал этот сюжет для «Русалки». Все лето работал Левитан над картиной «У о м у т а».

«Как беден наш язык! — Хочу и не могу. — Не передать того ни другу, ни врагу, что буйствует в груди прозрачною волною». Эти стихи Афанасия Фета могут символизировать постоянную неутоленность желаний Левитана изобразить всю красоту Руси. Пример неугасимой тоски, неудовлетворенности чувств мучительно сомневающегося в конечных результатах своего труда художника. Творчество вдохновенное и бескомпромиссное, не знающее жалости, полное тревог и сомнений, — вот истинный мир искусства Левитана.

Живописец любил читать друзьям строки Фета:

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах...

Иссад Ильич жил летом 1892 года в деревне Городок близ Болдина Нижегородской железной дороги. И опять хорошо пишется в этих краях. Художник счастлив... Случилось так, что однажды, возвращаясь с Кувшинниковой после охоты домой, они вышли на старое шоссе. Вечерело... Перед глазами Левитана лежала Владимирка, уходя в сумеречную даль. Родился сюжет. Душа мастера особенно остро реагировала на окружающее. Решение было принято мгновенно. Несколько дней подряд Левитан писал с натуры холст, став неподалеку от голубца, который мы после отчетливо видим на картине.

«Владимирка». Дорога печали. Ненависти. Страха. Жестокости... Вот что такое этот тракт, по которому гнали тысячами на каторгу. Всякий шел туда народ. И душегубцы и душелюбы. На картине не видно толпы колодников. Нет конвойных, лениво покрикивающих на отстающих. Пустынно. Вьются малые тропки вокруг главной дороги горя. Гудит ветер по диким полям, вдали синее лес. Вроде тишина и благодать. Но взгляните, вслушайтесь... И вы тут же ощутите звон кандалов, тяжело гремевший над всем этим свободным пространством.

...Судьба не заставила ждать ударов, и вскоре прозвучали слова приказа свхше, по которому все без исключения евреи должны покинуть Москву.

А как же Левитан? Слава нашей русской живописи, признанный лидер пейзажистов?

«Нет исключения!» — заявил пристав.

...Истина была такова. В сентябре 1892 года живописец уезжает из Москвы, но вскоре после вмешательства его друзей Левитан возвращается в начале декабря домой и продолжает писать свои чудесные полотна. Но нельзя не заметить, что этот эпизод в биографии пейзажиста стоил ему немалых хлопот и беспокойства.

Чтобы написать в злые годы реакции девятидесятых годов такое полотно, надо было обладать большим гражданским мужеством.

«Петербургская газета» цинично писала: «Темой для картин служит природа России. Выбраны самые неприглядные «серые» мотивы. Что может быть скучнее «Владимирки — большой дороги» г. Левитана».

Скучно, г. Левитан! Коротко и ясно!

Самое поразительное, что обычно мирная муза Левитана, не зная ничего о предстоящих событиях, подвинула кисть художника на создание «крамольного» холста «Владимирка».

Через два года Левитан и Кувшинникова уезжают на лето в глухие края станции Троица и села Доронино. Здесь было суждено художнику собрать новый запас наблюдений и знаний.

Озеро Удомля — студеное, кристально чистое, спокойное. Огромный, светлый небосвод с тихо движущимися громадами облаков создавал настроение непреходящей вечности, мира, покоя... Левитан писал этюды, рисунки, эскизы, собирал материал, который послужил ему для создания нового шедевра.

Все передвинуто, переставлено художником в пейзаже во имя выразительности композиции. Громадное, былинное, лежит спокойное, как гладь зеркала, озеро Удомля. Лишь легкая рябь указывает, что оно живет и дышит. Плывут грозные тучи, злое, никуда не торопясь, они занимают уже больше, чем полнеба.

«В ней я весь, — пишет о картине «Над вечным покоем» Левитан Третьякову. — Со всей своей психикой, со всем моим содержанием». Этот холст, созданный в 1894 году, — вершина тихого диалога «с глаза на глаз» с русской природой, который вел живописец.

Левитан торопится жить. Уезжает весною, в марте 1894 года, за границу. Лечится. Вена. Ницца. Париж. «Воображаю, какая прелесть у нас на Руси — реки разлились, оживает все. Нет лучше страны, чем

Окончание. Начало см. в № 42.

И. Левитан. ТИХАЯ ОБИТЕЛЬ. 1890.

И. Левитан. ВЕСНА — БОЛЬШАЯ ВОДА. 1897.

Россия! Только в России может быть настоящий пейзажист. Здесь тоже хорошо, но бог с ней», — пишет он Аполлинарию Васнецову.

Вернувшись, он словно обретает второе дыхание. Пишет запоем. Осень, благодатная, багряная, золотом расцветает в его полотнах, горит особо яркими красками.

Художнику тридцать пять лет. Уже давно позади юность, первые годы творчества. Настает этот странный, но удивительный 1895 год. Он как будто подводит некий итог. С одной стороны, у Левитана невзданный приступ меланхолии, он жалуется на это в письмах, полных горестного отчаяния. Наконец, в июне этого же года, наконец заблудившись в сложнейших отношениях с Турчаниновой и ее старшей дочерью, художник покусается на самоубийство. Он после говорит в письмах о себе, как о больном, разбитом физически и морально человеке. Он тоскует и сетует, что «захандрил без меры и грани, захандрил до дури, до ужаса». Левитан в отчаянии. Казалось бы, его творчество гибнет.

Но, о чудо! Как бы назло всем этим дрязгам, трагедиям и драмам художник пишет полные чистой и светлой прелести жизни холсты «Март» и «Свежий ветер. Волга». В чем разгадка? Ведь «Март» как раз и написан в ту пору, когда Левитан говорил Третьякову, что у него «нервы так разбиты, что даже трудно обсудить будущее».

И снова Левитан наедине с природой находит в ней спасение и надежный оплот, укрепляющий его веру в людей и себя. Работа, труд, творчество — вот лучшие лекари художника.

Левитан меньше чем за четверть века написал около тысячи картин, этюдов, рисунков, эскизов. Его строгость и неумолимость к недоделкам поражали всех. Вот что он сказал С. П. Дягилеву: «Дать на выставку недоговоренные картины... составляет для меня страдание, мотивы... мне очень дороги, и я доставил бы себе много тяжелых минут, если бы послал их».

Гармония, красота, добрая широта природы Руси врачевали сердечные болезни Левитана, лечили его, давали новые силы.

Итак, 1895 год прояснил многое.

Поэтичен язык музыки Левитана. Ему не свойственна ясная, постоянно повышенная гамма палитры импрессионистов, власть голубых и синих тонов, которая бесконечно приятна, но идет иногда в ущерб глубине проникновения художника в настроение пейзажа. Пленэр решается Левитаном мощнейшей цветописью.

«Март» Левитана — своеобразный манифест русского пленэра, который дал благодатную почву для развития таких мастеров, как Грабарь, Юон, Ромадин.

Еще более умиротворяющее и целительное впечатление оставляет полотно того же 1895 года — «Золотая осень». ...Согласно, созвучно поют краски дивного холста. Все, все в этой картине будто спето на одном дыхании, написано в одно касание. Выгоревшее от летней жары васильковое небо, чуть синеющая и холодеющая от бездонных осенних ночей река. И золотые, багряные, бурые кущи деревьев и зеленеющий вдали изумрудный клин поля. Все это радуга Руси: золото, багрянец, синь. И Левитан, всю жизнь шедший к пониманию этого симфонического строя, наконец, постиг его до конца. Он нашел нужный лад, и каждый его мазок звучит чисто, полно и верно.

Так же мастерски, без колебаний, но не без предварительных поисков создан еще один шедевр 1895 года — «Свежий ветер. Волга». Художник не мог пройти в этом загадочном году мимо своей учительницы — Волги... Мощь и красота, простор и прелесть, свобода — все, все, что мог Левитан поведать доброго о матери Руси, он сказал. Особо поражает невероятно широкая по диапазону палитра холста. Левитан еще больше повышает оптимистичность, жизнелюбие своих картин, хотя, например, Чехову это не очень нравится. Он говорит, что Левитан стал старше, а в живописи молодится... Не будем спорить. Но думается, что художник, создавший лишь минорный «Над вечным покоем» или благостный «Вечерний звон», не был бы столь широк без «Марта», «Золотой осени» и «Свежего ветра. Волга». И поэтому спасибо этому сложному, иногда по-житейски жуткому и все же творчески светлому девяносто пятому году.

Вершиной удач стала картина «Весна — большая вода», где с полной ясностью выявляется прием: пустынный пейзаж, как бы населенный душою автора. Брошен ялик у рыжего бережка. Бегут стрельчатые тени — черно-коричневые на песке и дымчато-голубые на воде. Полая вода затопила деревья, избы, поля. В ее сизой глади плывут весенние облака. Тянутся, тянутся, изгибаясь, тьща достать небо, голые деревья. Их обнаженные стволы оставляют чувство беззащитности. Тихо, тихо покачивается пустая лодка у берега. Художник ушел...

Чехов рано покорила Левитана. Он был высокий, добродушный, приветливый. Несмотря на юные годы, от него исходила взрослая, серьезная сила. И живописец невольно искал у него душевной защиты от мерзости и скуки будней. Искан и находил... Антон Павлович был естествен и открыт. Прост и доступен. Он много, много раз в короткой, но полной трагедий и мелодрам жизни Левитана спасал и выручал его. И вот — долгие месяцы ссоры.

Летели годы.

И, наконец, произошла встреча, которую оба ждали. И надо было одноймышленной поэтессе привезти экспромтом Левитана в Мелихово, чтобы... Но предоставим слово самой Щепкиной-Куперник:

— И вот мы подъехали к дому. Залазали собаки на колокольчик, выбежала на крыльцо Мария Павловна, вышел закутанный Антон Павлович, в сумерках взгляделся, кто со мной, — маленькая пауза, — и оба кинулись друг к другу, так крепко схватили друг друга за руки — и вдруг заговорили о самых обыкновенных вещах: о дороге, о погоде, о Москве, будто ничего не случилось. Но за ужином, когда я видела, как влажным блеском подергивались прекрасные глаза Левитана и как весело сияли обычно задумчивые глаза Антона Павловича, я была ужасно довольна сама собой...

...Не раз острые боли, спазмы заставляли художника мгновенно терять сознание. Он падал. На улице. На выставках. Дома. Его спасали врачи... Недуг крепчал. Левитан все знал, старался сидеть в мастерской и бешено работал.

Однажды к нему пришел Павел Михайлович Третьяков и не торопясь, со свойственным ему спокойствием рассказал о жутких, безлюдных похоронах некогда знаменитого Саврасова... Ваганьково. Швейцар Училища живописи, ваяния и зодчества Пляксин да родные. Никто больше не пришел проводить в последний путь замечательного художника. Все его забыли... Отслужили молебен и разошлись.

Исаак Ильич Левитан задумался. Больной, высохший, он не первый раз помышлял о смерти. Но как ни страшна кончина, не должна она пугать настоящего художника... У него нет смерти. Есть два рождения. Первое — когда он появился на свет, второе — когда он умер. Тогда он остается навечно. Живет его искусство.

Живописец забюко пожелал. Хотелось пройти, развеять тоску. Он оделся и вышел на Кузнецкий. Потом пошел вниз на Солянку. Места, где он провел юность. Дома ничуть не изменились. Так же суетился, шептал куда-то люд. Толкались нищие, пьяные старухи. Рядом была Хитровка. Вдруг его чуть не сбил с ног высокий бородач. Левитан увидел одутловатое лицо. Пахло перегаром... Художник вздрогнул. Перед ним был двойник Саврасова. Та же стать. Коричневое пальтишко. Картуз. А главное — глаза, светлые, добрые. Левитан плотнее запахнул воротник пальто и поспешил домой. Встреча с юностью обернулась трагикомедией... Кровь леденела от безысходности, нищеты и пьянства, которые он увидел.

Через неделю в газете «Русские ведомости» была опубликована статья Левитана о своем учителе — «По поводу смерти А. К. Саврасова». Читаем: «Саврасов радикально отказался от этого отношения к пейзажу, избирая уже не исключительно красивые места сюжетом для своих картин, а, наоборот, стараясь отыскать и в самом простом и обыкновенном те интимные, глубоко трогательные, часто печальные черты, которые так сильно чувствуются в нашем родном пейзаже и так неотразимо действуют на душу. С Саврасова появилась лирика живописи пейзажа и безграничная любовь к своей родной стране... Он создал русский пейзаж». Это был поистине венок ученика на скромную могилу Саврасова.

Шло неумолимое время. Работа, болезни. Работа, работа... Но иногда выпадали какие-то особенно светлые минуты. Вчитайтесь в это письмо Левитана к Чехову:

«Только что вернулся из театра, где давали «Чайку»... Я только ее понял теперь. Здесь... она производит дивное впечатление. Как бы тебе сказать, я не совсем еще очухался, но сознаю одно: я пережил высокохудожественные минуты, смотря на «Чайку». От нее веет той грустью, которой веет от жизни, когда всматриваешься в нее. Хорошо, очень хорошо!» Как точно говорил художник, умевший видеть. Как понятна его грусть.

Чехов пишет приятелю:

«Я выслушивал Левитана: дело плохо. Сердце у него не стучит, а дует. Вместо звука тук-тук — слышится пф-тук. Это называется в медицине «шум с первым временем»...»

Живописца посылают за границу на ванны. Лечение оказывает действие. Левитану лучше. Он немедленно принимается писать, «а то так рано складывать оружие — больно». И вдруг узнает о неизлечимой болезни Чехова. Левитан пишет ему: «Ах, зачем ты болен, зачем это нужно? Тысячи праздных, гнусных людей пользуются великолепным здоровьем. Бессмыслица!»

И вопреки всему оба работают, работают...

Как-то в мастерскую Левитана попросился критик Виктор Гольцев. Скажем прямо, что достойный литератор не любил пейзаж, он уважал жанр, критический реализм... Но, побыв пару часов в студии Левитана и пораженный радугой его творений, он сказал позже:

— Вот сторонник идеального искусства выходит из мастерской глубоко умиленный. Не противоречие ли это? Нет, нет, тысячу раз нет. Облаками, волною, порывом бури художник ничего не может доказать, но он истолковывает нам природу. Так картины мог написать только человек, который глубоко, поэтично любит родную природу, любит той любовью, какой любил Лермонтов — «с вечерними огнями печальных деревень», за эту сознательную любовь, за одухотворение природы нельзя в достаточной степени отблагодарить Левитана.

Силы мастера тают... Но он не бросает работы. Он пишет пластично и дерзко. Его кисть, несмотря на немощь руки, наносит уверенные, сильные удары. Не все принимают «последнюю манеру» Левитана, но он ищет правду и находит ее в творениях широких и поэтичных.

Однажды на выставку передвижников прибыл Николай II. Поглядев на пейзажи Левитана, он заметил, что «художник, очевидно, стал выставлять незаконченные работы». Присутствовавший при этом автор проговорил: «Ваше величество, я считаю эти картины вполне законченными».

Это был скандал. Как смел художник дерзить самому императору!

Живописец пишет Марии Павловне Чеховой:

«Мало работаю — невероятно скоро устаю. Да, я израсходовался наконец, и нечем жить дальше. Должно быть, допел свою песню...»

И все-таки Левитан не мог уйти из жизни, не повидав любимого друга. Он посылает в Ялту Чехову телеграмму-шутку: «Сегодня жди знаменитого академика».

Встреча двух больших друзей. Оба скрывают свою смертельную болезнь. Лишь легкое покашливание Антона Павловича напоминает о хвори. Они гуляют по набережной моря. Их узнают. Приветствуют. Художник подарил Чехову на память пейзаж. Картина понравилась Антону Павловичу. Он написал О. Л. Книппер: «У нас Левитан. На моем камине он изобразил лунную ночь во время сенокоса. Луг, копны, вдали лес, надо всем царит луна».

Весною, в марте 1900 года, мастерскую Левитана посетил Нестеров. Завязалась долгая, сокровенная беседа. С глазу на глаз, о самом свя-

том и главном. Как отразить красу Руси, всю глубину духовности ее природы. Быстро летело время. В окно заглянули звезды. Левитан решил проводить товарища... Они шли рядом, рука об руку по московским бульварам. Пахло талым снегом, весной... Они мечтали о новых выставках, картинах, вспоминали студенческие годы, юность.

— Как странно, — сказал Левитан Нестерову, — вот, кажется, только вчера мы говорили с Костей Коровиным, а прошло почти четверть века, и он журил меня, что я пессимист и плакса. Теперь я пишу мажорные пейзажи, хоть и собираюсь умирать. А Костя с каждым годом все грустнее. Да, жизнь пройдена, но вот мы так и не знаем тайну смерти.

Исаак Ильич говорил горячо.

— Мы идем по ночной Москве — тишина, загадочность, бульвары, шелестят деревья. О чем — тайна! О чем говорят эти глаза — окна домов розовые, желтые, голубые, — лишь химера, обман... За всем этим лишь одна смерть. Земля, могила.

Где-то звенела конка, чьи-то каблучки стучали по тротуару.

Левитан остановился. Он тяжело дышал. Лицо его в свете фонарей было восково-бледно.

— Я еще мальчишкой чуял, что жизнь и смерть — это вроде карусели, только лошади разные. Я, например, сейчас пишу картины, и, может быть, меня запомнят, а какой-нибудь торгош сгинет, и вскоре его забудут. Люди всегда остаются людьми, и их мать — природа. Поэтому человек всегда тоскует, когда один остается с пейзажем. Начинают звучать тайные струны его души.

Ветер раскачивал ветви деревьев, и длинные тени бродили по бульвару. Нестеров вдруг заметил слезы на глазах друга.

— Никогда не забуду Плеса, — сказал Левитан, — там понял свое призвание и оттуда вот этот талисман. — Художник откинул полу пальто и достал из сюртука платок. Развернул его. В свете фонаря на белом платке виднелась маленькая монетка. — Это копейка, — проговорил Левитан. — Я сидел у церквушки в Плесе и писал. Подошла бабушка в черном, повязанная платком. Лицо все в паутине морщин. Темное, как лик иконный. А глаза светлые... Улыбнулась мне и положила монетку на крышку этюдника. Видно, приняла меня за убогого.

Нестеров боялся проронить слово. Все было так обыденно и так волшебю.

— Вы знаете, я скучал, за границей скучал тягостно, ведь я люблю Россию... Михаил, — сказал внезапно Левитан, — как ни грустно, но я скоро умру.

Нестеров взглянул на ввалившиеся щеки, потухшие глаза. Ни щегольская одежда, ни палка с золотым набалдашником не скрывали страшную правду. Левитан угасал... На тонкой, перевязанной пестрым шелковым шарфом шее ходил острый кадык.

На прощание они крепко обнялись и расцеловались. Знал ли Михаил Васильевич, что это будет их последняя встреча...

Худая рука Левитана, обтянутая белоснежным манжетом со сверкающей запонкой, показала на черное ночное небо:

— Знаешь, там нет конца, мы ведь ничего не знаем... Природа всемогуща.

Трепетный мартовский ветер пел в ветвях деревьев унылую, протяжную песню. Левитан шел домой. На сердце было тяжело. Недуг не давал покоя. Но надо писать, писать, пока есть хоть кроха сил. И мастер отдавал все любимому делу. На мольберте стоит огромный холст — «Озеро», в котором как бы подведен итог жизненного пути художника. Иногда он называл это полотно «Русь».

Лето 1900 года было поздним. Цвела сирень. Душный, тяжелый запах масляных красок, лаков и растворителей затопил мастерскую Левитана. Было жарко. Тяжко дышалось. В открытые окна студии врывались звуки города, аромат цветущей сирени.

Живописец смотрел на дивную сирень. Он сказал:

— Я много выстрадал, многое постиг и многому научился во время моей болезни.

В конце июля художника не стало. Сердце остановилось. Серов примчался на похороны из-за границы. Потрясенный и убитый горем. Нестеров выстоял траурный пост у полотна Левитана на Международной выставке в Париже... Жизнь картин продолжалась. Левитан говорил, что большие художники не умирают, они просто рождаются еще раз, чтобы жить вечно в своих творениях.

Пейзажи Исаака Ильича Левитана — знаки наших шагов по земле, нашей жизни. Они вошли в быт как некая реальность, столь же ощутимая, как юная роща, река или дорога. Мастер волшебю приблизил нас к родной стране, к ее красе. Научил ценить и хранить мгновения прекрасного, которые навсегда покоряют душу. Ведь сколько закатов, восходов, весен, осеней подарил нам Левитан, а это значит — отдал нам навсегда!

Умирающий живописец поет свою лебединую песню...

«Русь». Загадочно и величественно бездонное небо с неспешно плывущими по своду облаками — тяжелыми и легкими, массивными и прозрачными. И это неторопливое колдовское движение отражается в огромном озере. Мир дивной сказки, поющей всеми цветами палитры, радостный и добрый, создал мастер на пороге небытия. Он верил в прелесть купели, где его приютили, выпестовали, сто раз спасали и помогали. Тяжелая, но сладостная жизнь позади, а чувство отрешенного счастья художника, пропевшего свою песню, сумевшего поговорить с пейзажем наедине, осталось с ним и отдано людям. Они могут не знать мучительных, горьких страниц его судьбы. Пусть их уделом будет радость бытия!

Магия полотна Левитана в том, что они просты, и мы легко узнаем места, в которых будто были, закаты и восходы, которыми любовались, весны с пронзительной свежестью и чистотой, осени — багряно-золотые и звонко-синие. Все, все людям. И мы, глядя на его творения, зная о нелегкой стезе живописца, трижды благодарны ему за открытое нам прекрасное.

Оно рядом с нами и зовется коротко: Русь!

Екатерина ШЕВЕЛОВА

РАССКАЗ

Рисунок И. ПЧЕЛКО

Он заставил себя отодвинуть стул и встать. Так, словно собрав волю в железный кулак, оттолкнулся от праздничного стола. От недопитого — да, недопитого — стакана водки. От знакомой, пронизывающей всего тебя жажды. Усмехнулся: «Подвиг!» Мысленно, конечно, дал эту оценку. Везде и всюду в жизни так: то, что для одного — обычное дело, для другого — подвиг. Тем более дружки уговаривали: «Завтра прямо отсюда пойдешь встречать, не нарушай компанию!» Однако он совершил свой вызывающий подвиг! Странно, что помогло не данное честное слово обязательно встретить. И не смутное видение того, как ей будет трудно на вокзале с чемоданами, в которых ее рисунки, рулоны бумаги, холсты, краски, бог весть что. (Смутное видение, ибо ему редко удавалось представить себе переживания другого человека, даже ее.) И совсем не боязнь новой ссоры с ней помогла. И уж, безусловно, не ожидание сандалий и рубашки, хотя и не забыл он об обещанном подарке. Помогло воспоминание. Одно из совсем немногих хороших воспоминаний, которые подарила ему судьба. Можно сказать, самое лучшее. Другие хорошие были, но каждое с неважнецкой концовкой. Он даже приучил себя всегда ожидать худшего. Судьба умудрялась подмешивать ему в любую удачу каверзное «чуть-чуть». В юности чуть-чуть не научился играть на гармонии. В тот день, когда получил гармонию в подарок от отца, ухажившего на фронт, завалило ее обломками в их домишке, сгоревшем под бомбежкой. Мастером спорта по теннису чуть-чуть не стал: проиграл смешанную парную в пятом сете, безусловно только из-за нервной партнерши! В туристский круиз по странам Европы чуть-чуть не поехал: опоздал с оформлением характеристики. Медаль за помощь партизанам чуть-чуть не получил: нужного документа не хватило, ехать из Москвы в Минск, добиваться, доказывать не захотел.

Каверза с медалью была самая занозистая. Не думал не гадал, что через столько лет посылат представить к награде, а когда представили, как дурак, забыл обо всех предыдущих каверзах судьбы, обрадовался. И, хотя наружно никакого счастья своего старался не показать, наверно, было заметно. Потому что заново переживал он тот давний случай и на предложения дружков пойти обмыть будущую награду лишь вытягивал шею, будто крайне удивлен чему-то, или вбирал голову в плечи — привычка еще с детских лет.

Не ахти какая важная потребовалась тогда от него помощь, однако факт, что надо было проявить смелость и смекалку. Он, Лешка Горелов, в шестнадцать лет выглядел благодаря баскетбольному росту и спортивной мускулатуре на все двадцать пять. Белорусский городок, где он родился и вырос, был одним из тех, которые в гитлеровскую оккупацию подпольно сберегли Советскую власть от первого до последнего дня войны. Алексей Горелов в 1941 году работал заведующим городским баром, в котором оставались еще довоенные запасы. Глубокие ящики партизаны приспособили под небольшой склад. Перед очередным немецким рейдом они решили забрать и провиант и оружие, да запоздали. Немецкие офицеры уже расположились за столиками, угощались пивом и водкой и одобрително разглядывали портрет Гитлера над слабо освещенной стойкой. А за стеной трое ничем не примечательных с виду парней советовались с Гореловым, как отвлечь внимание противника и выполнить задание. Он сам и придумал, нашел решение.

Слегка покачиваясь — уже приучился в ту пору выпивать «для храбрости», — Лешка с двумя полными бутылками пива вышел на середину маленького зала и, завопив «Хайль Гитлер!», запустил бутылкой в портрет. Секун-

ОТВЕТЫ НА ПИСЬМА

ды ошарашенной тишины Лешка использовал, чтобы с тем же воплем швырнуть вторую бутылку в единственную лампочку — над стойкой. В партизанский лес он уходил радостно, словно выбираясь из трясины — задымленной, пропитанной водочным перегаром. И подвигом свой поступок не считал, поскольку нетрудно было ему выполнить то, что придумал. А если нетрудно — какой же подвиг? Просто душевное удовлетворение! И вроде бы за отцовский домишко отомстил, сожженный гитлеровцами, за отца, пропавшего без вести, за мать, погибшую в пожаре...

Воспоминание, которое помогло Горелову совершить нынешний подвиг — воздвигнуться над праздничным столом и удалиться твердыми, достойными шагами, — было без всякого «чуть-чуть». На его пятидесятилетии начальник ремонтного цеха вручил ему, снабженцу Алексею Ивановичу Горелову, стенные часы. В красном уголке вручил. После работы задержал людей — не в обеденный перерыв собирал. И никто не ушел! Все радовало в этом наилучшем воспоминании, начиная от самих часов — темно-коричневых пластмассовых «под дерево», с латунной отделкой «под позолоту», солидно отсчитывающих секунды. А какую речь он почти произнес! «Почти» — потому что от непривычки к выступлениям он забыл, что хотел сказать в середине, но заключительная часть припаялась ко вступительной, и в целом получилось здорово: «Быть снабженцем — не в бирюльки играть! Снабженцы — это рабочий класс, пусть никто не сомневается!»

А речи, с которыми обращались к нему! Так, словно судьба разглядела наконец в нем порядочного, качественного человека.

Часы он принес не куда-нибудь, а в ее квартиру, подчеркнув тем самым, что именно ее жилье считает своим домашним очагом. И место нашел такое, словно было оно давно предназначено для этих великолепных часов. В кухне повесил. Над холодильником. В ванную комнату идешь постирать себе рубашку или ей кофточку — часы видны. И в кухнюходишь — часы, шоколадно-золотистые, сразу бросаются в глаза!

С тех пор как появились стенные часы, красивый подарок цеха, он часто заходил на кухню без всякого дела. И долго стоял, слушал солидный отсчет времени, подтверждающий, что его жизнь — серьезная, добротная жизнь порядочного человека.

Добираясь домой, чтобы отоспать хмель и утром приехать на вокзал свежесмыслитым, деловым, он как раз и размышлял о своей порядочности. Ну, выпил... любой выпивает. А вообще не в чем ему себя упрекнуть! Когда она в командировках, квартира присмотрена. Однажды спас от потопы: всю ночь подставлял тазы и ведра под течь с потолка. В другой раз утечку газа обнаружил, проклинал все на свете, пока до «аварийки» не дозвонился. А цветы за окнами кто поливает? Цветы, которые она каждую весну находила время посадить в память мужа-ботаника, погибшего на фронте! Он, Горелов, ухаживает за цветами. А к ее картинам не прикасается. Прислонены к стене одна за другой, обратными сторонами к нему, охраняющему жилье, — будто спиной повернулись. Над громоздкой грудой лист бумаги прикреплен с категорическим распоряжением: «Не трогать!» Так, словно не доверяется ему нечто особенно важное. Впрочем, постепенно он потерял странный, тоскливо ноющий интерес к ее картинам: подумай! Ничего в них не может быть особенного!..

Входная дверь оказалась запертой изнутри на второй замок. Стало быть, она уже приехала. Сказала, что завтра, а явилась сегодня. Зря он тащился сюда ночевать! Зря оторвался от блиставшего бутылками праздничного стола!

— А, проклятая собака!

Он выругался, машинально тыча ключом в замок.

За дверью внезапно — она сохранила легкую, неслышную походку юности — ее голос: — Я просила не приходить сюда, если напьешься!

— Подкрадываешься! Все играешься с Лешкой-Гармошкой!

Все-таки открыла дверь. И молча посторонилась, когда он качнулся, проходя в свою комнату. Он лег не сразу. Оставив дверь откры-

* * *

той, стоял, глядел в туманную ночь за окном. И, пытаясь преодолеть опьянение, выискивал такие слова, чтобы она поняла, признала его порядочность. Ему всегда, еще с молодости, было нелегко защитить себя. Сказал громко, с тяжелой медлительностью:

— А я ушел от праздника. Чтобы завтра тебя встретить. Как порядочный человек. Я помню: приезжает первого мая, в 9.15. Первого, а не тридцатого.

— У меня обстоятельства сложились иначе. Тебя разыскивали по телефону, чтобы предупредить. Значит, не нашли. Наверно, не первый день празднуешь!

Он отошел от окна, сел на постель. Казалось, ночь вошла в комнату.

— Меня не интересуют твои обстоятельства. И твои картинки. Давно уже не интересуют! Можешь прятать их, да подальше!

Проваливаясь в сон, он все-таки понял, что нашел не совсем удачные слова.

— Ах, тебя не интересует!..

...Слыша его хрип, она впервые за многие годы почувствовала не злобу, сжимающую горло и сердце, а безразличие. Может быть, потому, что он впервые цинично заявил о безразличии к ее работе, главному звену ее жизни?

Заглянула из коридора в его комнату. Он спал, поджав длинные ноги и вобрав голову в рыхлые плечи. Впервые за многие годы ее не тронула поза, напоминающая беззащитность животного. И впервые она пожалела себя. Ведь ей всегда приходилось быть иступленно энергичной ради того, чтобы дочь вырастила Мишу и Аришу в достатке и осуществила мечту о гармоничном воспитании детишек; ради того, чтобы этот старик Лешка Горелов (хоть сама она старше на четыре года) сохранил человеческое достоинство; ради того, чтобы вырывать для себя дни самозабвенного творчества, без навязчивого вопроса о том, как свести концы с концами. Пожалела себя, рыскавшую по магазинам за сандалиями и рубашкой, которые по-матерински обещала этому старику... А как она радовалась, что возвращается домой с новыми эскизами и готовыми работами и что ждет ее человек, от которого вот уже, слава богу, почти год не пахнет пьянством!

В душе она гордо считала своим достижением то, что он теперь не пьет, и давно уже не врет, и не ворует рубли на водку.

В 1946 году она, Люция Крылатова, член райкома комсомола, — хотя было ей уже двадцать пять — со всей прямолинейной решимостью своего поколения взяла обязательство полностью искоренить в районе вечеринки с выпивкой. А вскоре на городских соревнованиях по теннису Люция с ужасом увидела, что обосновавшийся в «ее районе» спортсмен со смешным прозвищем Лешка-Гармошка украдкой выпил в буфете полстакана водки перед финальной встречей. Этот финал она помнит до сих пор: сначала молниеносное нападение, красивая, уверенная защита; потом — она заметила с придирчивой наблюдательностью художника — некоторая «стертость», размягченность движений. И поражение. И его брошенная партнерше, упрекающий взгляд: будто она, а не полстакана водки были виной проигранного финала. Впрочем, в тот первый день их знакомства Люция не перечила Лешке: ладно, партнерша так партнерша!.. Зато в дальнейшем Люция Крылатова не раз боролась с желанием Горелова выпить по тому или иному поводу; боролась, используя и свое старшинство (все-таки на четыре года!), и свое общественное положение, и еще мало ли что...

...Наблюдая бегущую навстречу за окном поезда Москву, Люция Александровна решила, что сегодня покажет Алексею свои недавние работы. Целый цикл: «Комсомольцы первых пятилеток». Название шаблонное, но решение, как ей казалось, оригинальное. Обращаясь к этой теме, художники обычно воскрешали прошлое, рисовали и писали девушек в красных косынках, парней в кепках. Она нарисовала пожилых людей, элегантные одетых, окруженных приметами, в том числе и бытовой обстановкой, середины семидесятых годов. Но, работая над их образами, она постаралась дать им характерные черты той, давней комсомолки: жестковатый, уверенный взгляд, определенность и резкость движений и, самое главное, вдохновенную озаренность.

Она хотела спросить своего, теперь уже, слава богу, трезвенника Лешку: получилось ли?

На вокзале ее никто не встретил. Дома на книжных полках густел слой пыли. На паркете выделялись рыжие пятна. В хлебнице лежал заплесневелый ситник. До позднего вечера она мыла, скребла, чистила. Потом разбирала чемоданы. Потом, уже ночью, услышала его брань за дверь. Впустила в дом. Услышала его пьяный храп. Потом сидела в кухне, не понимая: часы отсчитывают вечность или глухо тикает головная боль?

...За годы полусовместной жизни у них выработался свой словарь. Они часто называли друг друга условно, как водится не только в семьях, но и между многолетними приятелями: у него осталось давнее прозвище Лешка-Гармошка, а он окрестил ее Лютиком (от ее имени Люция, которое само по себе было придумкой родителей-большевиков от «Революция»). Причем Лешка-Гармошка прилепилось к нему, может быть, совсем не из-за какой-либо связи с игрой на гармонии, а потому, что у него была привычка то как бы растягивать шею, то как бы сжимать ее, вбирая голову в плечи.

* * *

Утром, куря на лестничной площадке, он постарался мобилизовать все свои душевные силы, чтобы объясниться. Дольше, чем обычно, проветривался после сигареты, чтобы она не упрекнула табачным запахом. С порога кухни окликнул:

— Лютик!

Она порывисто вскинула голову от мойки, заставленной давними грязными рюмками и стаканами.

— Лютик!

У него дрогнул голос, а у женщины, которая прекрасно владела своей мимикой и умела выглядеть каменно-безучастной, дрогнуло что-то в лице.

— Я давно тебе не Лютик, — нарочито скрипуче сказала она, — переезжай туда, где пьянствуешь. — И тем же жестяным тоном: — Сандалии лежат у тебя на постели. По-моему, они будут тебе хороши. На рубашку денег не хватило.

Она осознанно говорила так, будто царапала ножом по сковородке, — чтобы исключить возможность сентиментального отношения к ее подарку. Кажется, он понял. Сказал грубовато:

— За часами я заеду как-нибудь потом. Возьму их.

Потоптался и добавил, как бы извиняясь:

— Все же подарок цеха.

— Нет, возьми сейчас!

Кажется, он понял, что Люция не хочет оставлять возможности для возобновления их полусовместной жизни, что она порывает их отношения навсегда. Со всей прямолинейной решимостью своего поколения.

Он неторопливо снял часы и аккуратно завернул их в несколько газет. Ушел, хлопнув дверью.

И вдруг она легко рассмеялась: обрадовалась его бережливому отношению к аляповатым пластмассовым часам «под дерево», с латунной отделкой «под позолоту». Он унес с собой подарок, как истинную драгоценность — значит, все же сделала Люция Крылатова человека, Алексея Ивановича Горелова, из почти забуддыги Лешки-Гармошки!.. Уже из-за одного этого дела стоило прожить жизнь!

* * *

Он шел по багряной от флагов улице, то вытягивая шею, то вбирая голову в плечи. Шел с явно не праздничным, объемистым свертком в руках. Неплохо было бы податься к друзьям. Опохмелиться. Ничто не мешало, кроме неудобного свертка, затрудняющего поспешную ходьбу. Он свернул в какой-то переулочек. Еще в какой-то переулочек, совсем пустынный. Остановился перед полуразрушенной серой стеной с черными глазницами окон. Совсем как во время войны. Неторопливо раскрыл сверток. Вытащил часы. И, размахнувшись, хотел шмякнуть их о стену. Но в последний момент услышал равномерное тиканье. Часы шли. Они показывали время. Неужели это время они показывали для него? Он поднял с тротуара смятую бумагу. Развернул ее и, еще сердясь на себя, осторожно завернул в бумагу часы. Посмотрел в последний раз на серую стену, повернулся и пошел в неизвестном пока для него направлении.

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Мадрида:

ГОСУДАРСТВЕ

Итак, Галлахер едва не стал вице-президентом США, Агню побывал на этом посту. Вспомним теперь об официальном кандидате на пост президента США, сенаторе Барри Голдуотере. Он в свое время выдвигался на этот пост от республиканской партии, но волею судеб потерпел на выборах поражение от представителя демократов Линдона Джонсона. Итак, о Голдуотере — человеке, который был буквально в двух шагах от президентского кресла в Белом доме.

Голдуотер связан с «Коза нострой» — эта истина недавно стала известна Америке. «В течение почти тридцати лет, — пишет американская пресса, — сенатор Барри Голдуотер, его брат Роберт и их близкий друг Гарри Розенцвейг, бывший руководитель республиканцев штата, были главенствующими фигурами в столице Аризоны Финиксе и во всем штате. Все это время в штате существовала организованная преступность, что эти люди воспринимали за должное, поддерживая дружбу с главарями мафии... Рост Голдуотера до общенациональных масштабов был обеспечен тесными взаимоотношениями с гангстерским миром Аризоны, Невады и Калифорнии».

Эта характеристика расходится с тем, что говорится о сенаторе в американской энциклопедии, которая рисует такой портрет: «Голдуотер, твердо выступая против всякого либерализма, за продолжение политики «холодной войны», служит символом здорового консерватизма, борется за возвращение моральных ценностей и традиций ранее пуританской Америки... Он вызывает уважение всей своей личностью и достоинством». Не правда ли, удивительно похоже на официальный портрет взяточника Агню, о котором мы упоминали выше?

Голдуотер, констатирует пресса США, так возвысился в политическом мире потому, что «был тесно связан с первыми помощниками Мейера Лански, одного из крупнейших воротил преступного мира». Здесь имеется в виду Гэс Гринбаум, близкий друг братьев Голдуотеров. Он был убит гангстерами из соперничающей «семьи». Сам Барри Голдуотер почтил своим присутствием похороны того, кого называли «королем организованной преступности в Аризоне». Дружба с последним связывала сенатора на протяжении всей его политической карьеры, в самом начале которой деньги двух гангстеров-компаньонов — того же Гэса Гринбаума и Уилли Биоффа — и поставили Барри Голдуотера на политические рельсы. Отсюда — и постоянная связь сенатора с преступным миром.

А упомянутый нами выше Мейер Лански был так велик в «Коза ностре», имел такой вес, какой никогда не имел Барри Голдуотер в политике даже при всей его известности. Мейер Лански, он же Крошка Мейер, Клоп Мейер, Джонни Эгз и Морис Либерман, имеет за своими плечами полувековую карьеру в «Коза ностре» и являет собой яркий пример гангстера широкого современного профиля, осуществляющего связи преступного синдиката с миром легального бизнеса и политики. «Уолл-стрит джорнэл» называет его «финансовым гением преступного мира», в картотеке ФБР он записан как член «Треста убийц» (специализированный отдел «Коза ностры»), в полицейской характеристике назван «безжалостным гангстером», министерство юстиции США считает Лански «владыкой преступного мира». В самом деле, сколько «боссов» и «боссов всех боссов» сменилось в «Коза ностре» за полвека, а Мейер Лански всех пересидел! Потому что его можно назвать главным бухгалтером преступной корпорации, а деньги в США, как и в «Коза ностре», значат все! Личное состояние Лански оценивается в 300 миллионов долларов! Вот до каких

финансовых вершин поднялся Крошка Мейер, бывший в молодости главарем еврейских банд совместно с другим гангстером, Бенни Зигелем. Оба они затем вступили в союз с «боссами» «Коза ностры» Лаки Лючиано и Фрэнком Костелло, тогда и был создан «Трест убийц», в правление которого вошел Лански. Описание его полувековой преступной деятельности заняло бы немало страниц, мы же остановимся на одном эпизоде — романе Лански с руководителями Израиля. Коль скоро связи официальных политических кругов Вашингтона и Тель-Авива носят самый тесный характер, почему же «Коза ностра», организация типично американская, будет стоять в стороне от этого дела?

Итак, когда Мейеру Лански перевалило уже за семьдесят, он направился в Израиль, где провел больше года. Жил он там в роскошной вилле, принадлежавшей ранее министру транспорта Шимону Пересу. Лански во время его пребывания в Израиле часто навещали главаря «Коза ностры». Напрасно, видно, один из руководящих судебных чиновников США, Макмиллан, предупреждал израильских лидеров: «Если Мейеру Лански и его друзьям будет разрешено остаться в Израиле, то у вас начнется импорт организованной преступности. Они внедрят у вас проституцию, вымогательство, насилие и все прочие преступления». С этим предостережением Макмиллан явно опоздал. Все это в Израиле уже есть, причем не без помощи и участия «Коза ностры». Коррупция, наркомания, проституция и другие отрасли уголовного промысла прочно вошли в повседневный быт Израиля, который занимает по уровню преступности второе место в мире после США. Широко известны многие скандальные аферы организованной преступности в Израиле, которую можно назвать заокеанским филиалом «Коза ностры». Даже израильские газеты указывают, что Лански и его коллеги перекачали в Израиль немалые суммы. Есть в этом удивительное, но вполне закономерное явление и другой аспект. Западногерманский журнал «Шпигель» пишет: «Израиль поощряет еврейскую мафию США к переселению в страну, с тем чтобы использовать ее в борьбе против арабов».

К такому «использованию» главаря «Коза ностры» готовы. Мы уже отмечали свойственную им реакционность, политический консерватизм и ура-патриотизм. Когда Мейер Лански вернулся из Израиля в Нью-Йорк, он заявил встречавшим его корреспондентам, что как американский патриот он специально приурочил свой приезд ко дню выборов президента США. Известно, что Лански щедро жертвует различным сионистским организациям. Известно также, что во время американской агрессии во Вьетнаме Лански требовал «разбомбить Ханой до конца», «с отвращением думал об антиеврейских демонстрациях в США»...

Смело входя в американские и израильские политические круги, Лански и его коллеги во все не случайно тянутся к самой крайней реакции. Известно, например, об их тесной связи и сотрудничестве с печально известным фашиствующим раввином Мейером Каханом, «фюрером» так называемой «лиги защиты евреев» в США. Об этом факте сообщала, например, израильская газета «Едиот ахронот», ссылаясь на «высокопоставленного члена департамента полиции Нью-Йорка». «Лига» Мейера Кахана повинна во многих бандитских акциях в США против учреждений и граждан СССР и других стран. Американский публицист Э. Джонсон пишет, что «главаря «лиги» провозгласили своей целью помешать процессу нормализации советско-американских отношений, сорвать разрядку международной напряженности любыми средствами». Да, в выборе средств они не стесняются, ибо, как заявил один из лидеров «лиги», некий Калнер, «хорошо все то, что противодействует процессу разрядки с Советским Союзом».

Эти сионистские террористы обстреляли из винтовки здание советского представительства в ООН в Нью-Йорке, это они устроили взрыв в конторе известного американского импресарио Сола Юрока. Сам Кахан, этот террорист в ермолке раввина, так пояснил корреспонденту американского журнала «Плейбой» свое отношение к этому акту и к арестованным преступникам:

«Арестованные являются чудесными ребятами. Они абсолютно не виновны. Я считаю, что

Юрок оказывает Советскому Союзу помощь в осуществлении программы культурного обмена, основная цель которой — лишить американский народ чувствительности. Ведь после посещения советского концерта никто уже не сможет относиться к России с прежней враждебностью. Поэтому я считаю, что деятельности Юрока должен быть положен конец».

А вот еще высказывание раввина по внешнеполитическим проблемам. В своей книжонке «Еврейская ставка во Вьетнаме» он требовал поддержать американскую агрессию во Вьетнаме, поскольку она препятствовала нормализации отношений между США и СССР. Вспомним, что точно так же ратовал за американскую агрессию во Вьетнаме и старший брат Кахана по бандитизму Мейер Лански. Последний и его ближайшие коллеги, «боссы» «Коза ностры», в самых теплых отношениях с раввином-бандитом. Один из ведущих гангстерских боссов, Джозеф Коломбо (нью-йоркский «босс» Джозеф Коломбо-младший, а не аризонский «босс» Джозеф Коломбо-старший, о котором мы писали выше), не скрывает своего сотрудничества с Мейером Каханом. «Я предложил раввину помощь, — заявил гангстер, — и он принял ее. Раввин — это божий человек, и его дело — справедливое дело, такое же, как наше». Так прямо, без обиняков характеризует эту любопытную связь бывалый преступный «босс». А вот Мейер Кахан освещает ту же щекотливую проблему с присущим его сану лицемерием: «Не подумайте, будто я так уж счастлив, что связался с этим убийцей. Но должен сказать, что этот преступник не раз помогал нам в прошлом и никогда не требовал ничего взамен». Ох, лукавит раввин! Не хочется ему становиться на одну доску с гангстером. Но вот как характеризует его «лигу» итальянская газета «Стампа»:

«Что представляет собой «лига защиты евреев»? Это экстремистская организация. Ее методы весьма напоминают партизанскую войну в городских условиях: слежка за советскими гражданами в Соединенных Штатах, буйные демонстрации перед посольством и консульством. Ее члены обучаются применению оружия, взрывчатых веществ, приемам карате. Им нравятся сильные средства, и они применяют их против своих традиционных противников — молодых негров из гетто. Их «экспедиции» напоминают нападения фашистов в Италии и нацистов в Германии».

Практика «лиги» полностью подтверждает эту характеристику. Как-то раз Мейер Кахан был ненадолго арестован за приобретение и хранение большого количества взрывчатых веществ. Когда раввина освободили из-под ареста, его торжественно встретил сам Джозеф Коломбо, единомышленник, друг и наставник Мейера Кахана.

Тяготение гангстерского «босса» Коломбо к своему рода политической деятельности — явление не случайное. Как мы уже отмечали, гангстеры могут покупать и делать политиков. Но уж раз есть немало гангстеров-бизнесменов, почему бы не иметь в рядах «Коза ностры» и гангстеров-политиков? Именно таким вопросом задался Коломбо и сам нашел на него ответ.

Джозеф Коломбо — потомственный гангстер, его отец Антони Коломбо был видным деятелем «Коза ностры» и окончил жизнь по-гангстерски: был задушен в собственном лимузине. Его сынок продолжил дело родителя, войдя в число наемных убийц в нью-йоркской «семье» Джо Профачи. Новобранец-бандит со временем вырос в матерого гангстера, у него за плечами десятки убийств и кровавые перипетии нескольких гангстерских «войн», где бандиты убивали бандитов и без конца предавали друг друга в борьбе за власть. Коломбо оказался ловким и везучим, практически ни разу не пострадал ни от своих коллег, ни от американского правосудия. Только два раза его оштрафовали за участие в азартных играх и однажды он отсидел за решеткой тридцать дней за то, что отказался сообщить судебным властям о проникновении «Коза ностры» в легальный бизнес. Достигнув высокого положения в преступном синдикате, Коломбо зажил, как и полагается «боссу»: особняк в Нью-Йорке, поместье за городом (вилла, теннисные корты, свой ипподром). В его многоотраслевом легальном бизнесе есть и такие заведения, как цветочный магазин и похоронная кон-

тора. И вот из этой деловой сферы он решил шагнуть и в политику.

Задумано — сделано. Коломбо при его капиталлах может осуществлять едва ли не все свои желания, и вот он основал «лигу» по защите гражданских прав (!) американцев итальянского происхождения. Как понять эту акцию, эту метаморфозу, при которой гангстер, ставший затем бизнесменом, превратился еще и в политического деятеля? Дело в том, что в США насчитывается несколько миллионов американцев итальянского происхождения, и многим из них приходится нелегко. Именно этим обстоятельством, а также своим итальянским происхождением и решил воспользоваться ловкий и предприимчивый гангстер. В самом деле, почему бы ему, с виду стопроцентному бизнесмену и вполне порядочному американскому гражданину, не помочь своим же братьям по крови? Удобно ли это при том, что он, простите, гангстер? Ну, это еще надо доказать! Закон, например, на него не в обиде.

Итак, «лига» была создана, и политическая машина гангстера заработала. Журнал «Тайм» так писал по этому поводу: «Джозеф Коломбо — основатель лиги, ее неофициальный лидер и главная опора. «Босс» одной из пяти нью-йоркских «семей» «Коza ностры», Коломбо с помощью своей лиги ведет двойную жизнь (а не тройную? Ведь он еще и бизнесмен. — В. Н.). Начав осторожно это дело, он превратил лигу в организацию американцев итальянского происхождения, которые не имеют ничего общего с «Коza нострой». Спекулируя на их честных и справедливых намерениях, Коломбо представляет им видимость их собственной «лиги», не забывая при этом о своих личных гангстерских интересах». Журнал тут же сообщает и о том, что губернатору штата Нью-Йорк Рокфеллеру было предложено стать почетным членом «лиги» и он принял это предложение с благодарностью.

Но любопытно, что другим «боссам» «Коza ностры» такая деятельность Коломбо не понравилась. Они, видно, по старинке считают, что их дело — гангстеризм и бизнес, но не политика. Они против той гласности, с которой неизбежно связана политическая деятельность. Короче говоря, тогдашний «босс всех боссов» Карло Гамбино вознегодовал. Но Коломбо не посчитался с этим и был тут же наказан.

Беда с ним стряслась в самый торжественный для него день — во вторую годовщину «лиги». По этому поводу в Нью-Йорке был организован многотысячный митинг. В центре трибуны красовался и сиял сам Коломбо. Пресса писала: «Никто, наверное, не был столь счастлив на этом митинге, сколь Джозеф Коломбо, основатель «лиги».

Но праздник не удался. Из толпы окруживших трибуну фоторепортеров раздались выстрелы, и Коломбо упал, обливаясь кровью. Затем прогремела еще серия выстрелов — на этот раз мертвое свалился сам покушавшийся на жизнь Коломбо. Типично гангстерское убийство! Тут же, на месте, убивается и наемный исполнитель, концы в воду! Снайпера, убившего своего же коллегу, как водится в таких случаях, не нашли.

Коломбо был тяжело ранен и после выздоровления остался парализованным. В связи с этим покушением в рядах «Коza ностры» разгорелась новая гангстерская «война».

В этой главе мы до сих пор говорили о связях гангстеризма с политическим миром на уровне, если так можно выразиться, самодеятельном, то есть когда конкретная гангстерская «семья» связана с конкретным политическим деятелем (вспомни, например, «босса» Зикарелли и конгрессмена Галлахера, о которых говорилось выше; или вспомним аризонскую мафию и сенатора Барри Голдуотера, о них мы тоже уже рассказывали). Теперь же мы собираемся затронуть тему, которая куда страшнее, чем все сказанное нами до этого. Речь пойдет о связях «Коza ностры» с политикой на самом высоком уровне — государственном. Разумеется, что именно эти контакты покрыты наиболее плотной завесой тайны, как со стороны преступного синдиката, так и со стороны правительства США. Но все же кое-что и на эту тему стало достоянием гласности.

Еще в своей родной колыбели, Сицилии и

Италии, мафия имела влияние в самых высоких сферах. Так, уже известный нам Вито Дженовезе при эмиграции в США получил заграничный паспорт по протекции самого Бенито Муссолини. Тот же Вито Дженовезе стоит у начала истории сотрудничества «Коza ностры» с американским правительством. Перед вторжением американских войск в Сицилию в 1943 году он высказал идею о сотрудничестве сицилийской мафии с американскими войсками на острове. Идея была одобрена. Вито Дженовезе высадился на родном острове в американском военном мундире. Вместе с ним в то время сотрудничали с американцами и другие гангстерские «боссы», в результате чего образовалась прочная цепь из трех звеньев: американской секретной службы, американского гангстеризма и сицилийской мафии. Обратите внимание на этот факт. Он многое прояснит в ходе нашего дальнейшего рассказа.

В ту пору американская секретная служба вступила в самый тесный контакт с верхушкой «Коza ностры». Вместе с Дженовезе операцию по совместной высадке в Сицилию американских войск и американских гангстеров осуществлял и упоминавшийся нами Лаки Лючиано. Прodelав в свое время путь из Сицилии в США и став там одним из главарей преступного синдиката, он в 1943 году вернулся на родину. Примечательно, что незадолго до этого он был арестован в США и осужден в общей сложности лет на 50 тюрьмы. После того как договорился о сотрудничестве с американской секретной службой, его судебное дело в Вашингтоне было уничтожено.

Вступив в контакт с официальными американскими властями, главари «Коza ностры», разумеется, не имели в виду идеи освободительной борьбы народов против фашизма во второй мировой войне, они просто ловко воспользовались сложившейся ситуацией. Показательно, что Вито Дженовезе вскоре после высадки в Сицилии был арестован за то, что его люди начали расхищать американское имущество. Правда, тут же Дженовезе был освобожден. Сотрудничавшие с американцами гангстеры пришили им по душе, бандитов поставили во главе местной администрации во многих населенных пунктах острова.

Установленные в то время связи между «Коza нострой» и американской секретной службой оказались прочными, их зловещее содержание вскрылось недавно в связи со скандальными разоблачениями деятельности Центрального разведывательного управления США (ЦРУ). Специальная комиссия сената Соединенных Штатов по расследованию деятельности разведывательных органов создала огромный доклад (восемь тысяч страниц!), который был назван так: «Обвинения в заговорах с целью убийства деятелей иностранных государств». Оказалось, например, что ЦРУ пыталось организовать по меньшей мере восемь заговоров, направленных против Фиделя Кастро.

Как теперь выяснилось, этот замысел ЦРУ пыталось осуществить совместно с «Коza нострой». У преступного синдиката были свои счеты с новой Кубой. Дело в том, что еще с середины тридцатых годов гангстеры превратили Кубу в свою опорную базу. Посланцы «Коza ностры» захватили там в свои руки игорный бизнес и торговлю наркотиками. В 50-е годы гангстерский синдикат стал монопольным владельцем всех гаванских казино и прибрал к рукам самый главный и надежный маршрут доставки наркотиков из Западной Европы в США. Остров так полюбили гангстерам, что многие их главари осели там на постоянное жительство. И вдруг в 1959 году вся их благодать кончилась, революция смела прогнивший режим и заодно с ним и филиал «Коza ностры» на Кубе. Можно себе представить бешенство гангстеров, столь неожиданно лишившихся источника многомиллионных прибылей!

Одним из таких обиженных на кубинскую революцию гангстерских «боссов» оказался сам Мейер Лански, уже знакомый нам. Он жил на Кубе, был личным другом кубинского диктатора Батисты и сбежал с ним из Гаваны в один день. Известно, что Батиста пользовался щедрой финансовой поддержкой «Коza ност-

ры», за это ее главари хозяйничали на острове, как хотели. Вернувшись в США, Лански на совещании гангстерских «боссов» предложил один миллион долларов «за голову Кастро».

Другим гангстерским лидером, много потерявшим на Кубе, был «босс» Чикагского отделения «Коza ностры» Джанкана. Он, кстати, был одним из тех руководящих функционеров организации, какие особенно преуспели в налаживании связей с политическим миром США. Его зять Тони Тисси был официальным помощником члена американского конгресса Роланда Либонати, который заседал в юридическом (!) комитете палаты представителей. Журнал «Ньюсуик» писал: «Джанкана был гангстером всех гангстеров, владельцем многомиллионной долларовой империи, в которую входили такие отрасли, как наркотики, азартные игры, секс и легальный бизнес. Он был также владельцем мэров, начальников полиции, политических деятелей, включая конгрессменов». И ко всему этому он был своим человеком в ЦРУ. Установлено, что в начале 60-х годов ЦРУ предложило ему осуществить убийство Фиделя Кастро. Джанкана разработал план покушения, но осуществить его не удалось. Все это выяснилось, когда началось расследование деятельности ЦРУ. К тому времени Джанкана, достигнув 66-летнего возраста, тихо проживал в своем особняке на окраине Чикаго. Он был вызван в суд в связи с этими разоблачениями. Поскольку дело было сверхординарным, Джанкану в его особняке охраняли тщательно не только его телохранители, но и агенты Федерального бюро расследования (ФБР). И тем не менее старый гангстер был убит на гангстерский манер: шесть пуль в голову. Кто-то заставил замолчать опасного свидетеля навсегда. Кто? «Коza ностра»? ЦРУ? Или обе организации вместе? «Мы к этому не имели никакого отношения», — поспешил заявить глава ЦРУ Уильям Колби. А пресса не без ехидства констатировала: «Джанкана был слишком опасным свидетелем, к тому же убить его проще, чем зарубежного руководителя». Вслед за Джанканой были затем убиты и его ближайшие сподвижники, включая первого помощника гангстерского «босса» Ричарда Сэйна. К этим убийствам мы еще вернемся, поскольку они оказались связанными не только с неудавшимся покушением на Фиделя Кастро, но и с другим вполне удавшимся покушением — убийством американского президента Джона Кеннеди.

Джон Кеннеди, как известно, был убит 22 ноября 1963 года в Далласе. Для расследования этого «преступления века» была создана специальная комиссия под руководством судьи Уоррена. Было допрошено 25 тысяч свидетелей, доклад комиссии занял 26 томов. Но, как потом выяснилось, гора родила мышь...

Убийцей был объявлен Ли Харви Освальд, который сам был убит через два дня жителем Далласа Джеком Руби. Вывод комиссии гласил: психически неуравновешенный Освальд, действуя в одиночку, убил президента Кеннеди, а психически неуравновешенный Руби тоже в одиночку убил Освальда.

Такой итог следствия уже тогда вызывал у многих большие сомнения, а к концу 70-х годов 85 процентов американцев не верили этому заключению комиссии Уоррена. На то было много причин. Факт убийства президента Освальдом с самого начала не был доказан. Наоборот, все говорило за то, что он — подставное лицо, козел отпущения. За прошедшие после убийства президента годы десятки свидетелей по этому делу погибли. Какая-то могущественная сила убирала их одного за другим. Неизвестные преступники похитили важнейшие материалы и вещественные доказательства из архива дела об убийстве Джона Кеннеди.

В США и других странах написано немало исследований, опровергающих выводы комиссии Уоррена, а в середине 70-х годов всплыли на поверхность многие новые факты об убийстве президента США. Это произошло в связи с расследованием деятельности ЦРУ. Под давлением этих данных, под давлением американского и мирового общественного мнения конгресс США создал новую комиссию по этому делу, которая в 1979 году при-

шла к выводу, что заключение комиссии Уоррена было неверным.

Ныне уже выстраивается истинная история убийства Джона Кеннеди. В плане нашего разговора о «Коза ностре» характерно активнейшее участие в этом деле преступного синдиката, что отмечено в заключении новой сенатской комиссии. В самом первом акте трагедии его представители выступили в заглавных ролях. Убивший Освальда Руби был давно и хорошо известен полиции из-за своих связей с организованной преступностью. Официально он был владельцем ночного клуба, и после убийства Кеннеди и Освальда погибло несколько человек, связанных с этим клубом.

Только через много лет после убийства Кеннеди американские власти, расследовавшие это дело, «вспомнили» о том, что у «Коза ностры» были свои крупные счета с братьями Кеннеди, Джоном и Робертом. Последний был министром юстиции и возглавлял такое наступление властей на преступный синдикат, с каким «Коза ностра» еще не сталкивалась. Потом, как известно, и Роберт Кеннеди пал от руки убийцы. Не могли «боссы» преступного синдиката простить Джону Кеннеди и тот факт, что они потеряли Кубу. Они обвинили его в том, что в 1961 году он, будучи президентом США, не поддержал авантюру кубинских контрреволюционеров, разгромленных при попытке высадиться на острове. Неудивительно поэтому, что теперь выяснилась активная роль «Коза ностры» в убийстве американского президента. Оказывается, еще в 1961 году один из «боссов» организации, Карлос Марчелло, созвал в Новом Орлеане главарей «Коза ностры», и они решили приступить к разработке планов убийства Джона и Роберта Кеннеди. Знал об этом и уже упоминавшийся нами гангстерский «босс» Джанкана, которого, как мы уже писали, убили в 1975 году. А вслед за ним был убит и гангстерский «босс» из Лас-Вегаса некий Розелли. Потом уже стало известно, что за несколько дней до своей гибели Розелли сообщил правительству какие-то сведения, связанные с убийством Кеннеди.

Теперь также выяснилось, что Освальд был агентом ЦРУ и ФБР, а Руби — агентом ФБР. Выяснилось, что в заговоре по убийству Кеннеди участвовали и другие агенты ЦРУ и ФБР, то есть еще раз было доказано сотрудничество американской разведки и американской охраны с преступным синдикатом. Надо сказать, что и у ЦРУ и у ФБР, в свою очередь, тоже были веские причины ненавидеть Джона Кеннеди...

Итак, «Коза ностра» совместно с американским государственным аппаратом убила президента США. Теперь же мы расскажем о другом американском президенте, о том, как преступный синдикат вступил в прямой контакт не только с официальными властями на уровне ЦРУ и ФБР, но и с самим президентом США!

Так называемое утергейтское дело было крупнейшим политическим скандалом в истории Соединенных Штатов. В результате президент США Ричард Никсон был вынужден уйти в отставку, поскольку оказался замешанным в преступных махинациях. Но до того как это произошло, Никсон и его окружение изо всех сил пытались выкрутиться, спасти себя и свои кресла в Белом доме. При этом они шли на все и даже обратились за помощью к... «Коза ностре»!

Дело было так. Отличавшийся подозрительностью Никсон установил в Белом доме записывающие устройства, фиксировавшие на пленке происходящие там разговоры. При расследовании утергейтского дела эти пленки, естественно, начали прослушивать, и среди прочего голос Никсона произнес следующие роковые слова: «Я имею в виду, что вы можете достать миллион долларов... И можете достать их наличными. Я знаю, где можно было бы их раздобыть. Мы могли бы достать деньги. Здесь нет никакой проблемы».

Эти слова были произнесены Никсоном во время его разговора со своим советником Джоном Дином в марте 1973 года. Речь шла о том, что попавшие под суд рядовые участники утергейтского дела потребовали за свое молчание один миллион долларов. Вначале

это высказывание президента о миллионе долларов наличными не находило объяснения, потом, уже после его отставки, только в 1977 году, выяснилось, что президент США получил этот миллион от... «Коза ностры». Кстати, это обнаружилось, можно сказать, случайно, при расследовании дела об исчезновении профсоюзного босса и гангстера Хоффы, о котором мы уже говорили.

Итак, министерство юстиции США и ФБР установили, что в 1973 году гангстерский «босс» Тони Провензано и его телохранитель Сальваторе Бригульо передали 500 тысяч долларов специальному курьеру Белого дома, который для этого тайно прибыл в Лас-Вегас. Остальные 500 тысяч были переданы Никсону через чикагского гангстера Аллена Дорфмана (о нем мы уже упоминали, когда рассказывали о деле Хоффы).

Остается подчеркнуть, что через три крупнейшие скандальные истории — убийство президента США Джона Кеннеди, утергейтское дело и убийство Хоффы — проходят три организации — «Коза ностра», ЦРУ и ФБР, а в утергейтском деле к ним в качестве соучастника прибавился, как видим, и Белый дом в лице американского президента и его ближайшего окружения. Дальше, как говорится, ехать некуда!

Есть еще одно крупное преступление, к которому причастны ФБР и организованная преступность, — убийство выдающегося борца за гражданские права негров, лауреата Нобелевской премии мира доктора Мартина Лютера Кинга. Как и в деле об убийстве президента США Кеннеди, следствие быстро «установило», что доктор Кинг пал от руки убийцы-одиночки Джеймса Рея, а не в результате заговора. И как в случае с Кеннеди, следствие, мягко говоря, ошиблось...

В деле об убийстве Кинга пока еще больше неясностей, чем в деле об убийстве Кеннеди, но уже очевидно, что Джеймс Рей сыграл в нем ту же роль, что и Освальд, то есть должен был вести следствие по ложному пути. Кстати, Рей, так же как и Освальд, отрицал свою вину. И как в том, так и в другом убийстве видна рука «Коза ностры» и рука ФБР. Симбиоз, прямо скажем, зловещий!

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Если уж политики, ЦРУ и ФБР не брезгают связями с «Коза нострой», то полиции сам бог велел быть в контакте с ней, хотя, казалось бы, она первой должна обрушиваться на преступников. Казалось бы... Руководящий сотрудник министерства юстиции США Хандли заявил, что если наугад воткнуть в карту США булаву и начать расследование там, где она оказалась, то в этом месте будет обнаружено сотрудничество между полицией и гангстерами. И в то же время американский журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт» пишет: «Борьба против преступности вступает в эру электроники. Полиция использует счетно-решающие устройства, двустороннюю радиосвязь, телетайпы, телевидение, электронные аппараты подслушивания, инфракрасные лучи и вертолеты».

Это не рекламное преувеличение. Нет. Все верно. Полиция в США и в самом деле оснащена по-современному. В этом я не раз убеждался, а более детально ознакомился с этой стороной жизни блюстителей порядка не где-нибудь, а в главном полицейском управлении Нью-Йорка. Сопровождал меня там Джек Коллинз, сотрудник отдела по связи полиции с прессой. Он с гордостью демонстрировал набитое электроникой здание управления. Вооружение полиции, техническое ее оснащение действительно внушительны. Но, как мы знаем, преступность в США тем не менее растет, а организованная преступность не только растет, но и благоденствует.

Впрочем, в главном полицейском управлении Нью-Йорка я увидел парадную сторону организации блюстителей порядка. Есть у нее и другая сторона...

Известно, что «Коза ностра» ежегодно вкладывает четыре с половиной миллиарда долларов в... американскую полицию, то есть тратит их на самый элементарный подкуп, на взятки. На практике это дело обстоит так, что служащие полиции получают от гангстеров или по-

стоянную мзду вроде дополнительной зарплаты, или единовременные взятки по необходимости. Как это делается, видно на примере карьеры нью-йоркского полицейского Уильяма Филлипса. Он прослужил в нью-йоркской полиции четырнадцать лет и вдруг попался на том, что брал взятки у гангстеров. Его должны были за это судить, но руководители городской полиции, обеспокоенные масштабами коррупции в ее рядах, предложили Филлипсу сделку: если он поможет властям выявить взяточников, то не будет отдан под суд. Филлипс согласился.

Он рассказал о том, что как только человек надевает мундир полицейского, перед ним сразу открывается много соблазнов. Уже в первые недели службы Филлипса в полиции его более опытные коллеги показали ему, как надо жить, то есть где полицейскому можно бесplatно выпить и закутить, как улаживать на месте разные мелкие нарушения закона, облагая данью нарушителей, и т. п. Причем ему подсказали, что каждой своей добычей надо непременно делиться с непосредственным начальником. Филлипс быстро освоился, был на хорошем счету, и через три года его перевели в полицейские детективы. Отныне он выходил на службу не в мундире, а в приличном костюме. С первых шагов на новом поприще он столкнулся с организованной преступностью, поскольку Филлипсу поручили наблюдать за игорными домами. Филлипс сидел как-то в своей машине на очередном дежурстве. К нему подошел мужчина и спросил: «Это вы здесь новенький?» «Да, я», — ответил новоиспеченный детектив. «Тогда мы будем платить вам двадцать долларов в день. Хорошо? Мы столько же платили вашему предшественнику». Как это просто и четко отработано!

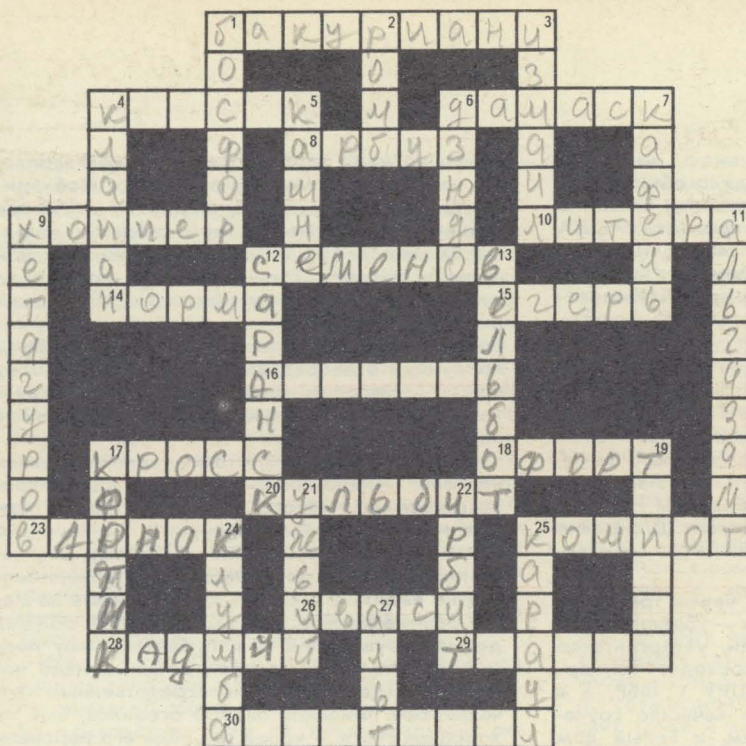
Попав в сферу игорного бизнеса, Филлипс быстро освоился в ней. Это было нетрудно. Он показал следствию, что все шестнадцать детективов из его отряда были на жалованье у местных гангстеров. Помимо этой твердой «зарплаты», полицейским часто перепадали от гангстеров немалые суммы. Филлипс зажил припеваючи, играл на бегах, завел любовницу и снял для нее квартиру. Он рассказал, что еще больше получают от гангстеров полицейские, призванные бороться с распространением наркотиков. Филлипс припомнил, как три детектива в его присутствии делили между собой взятку в 80 тысяч долларов, полученную от гангстеров, специализирующихся на продаже наркотиков.

С помощью Филлипса удалось выявить несколько десятков полицейских, связанных с преступниками. Другой служивый-взяточник показал, что в его полицейском участке № 80 из семидесяти человек только двое не брали взятки. Выяснилось, что блюстители порядка взимают с каждого игорного заведения по несколько тысяч долларов в месяц. В одном только районе Нью-Йорка выявили 37 простых полицейских, каждый из которых «дополнительно» получал в месяц более тысячи долларов. Журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт» справедливо отмечает: «Новобранец, пришедший в полицию, оказывается в обстановке, когда легче стать взяточником, чем оставаться честным человеком». Журнал «Таймс» так комментировал расследование коррупции в нью-йоркской полиции: «К сожалению, такие расследования никогда не приносили пользы, они никак не влияют ни на тех, кто берет взятки, ни на тех, кто их дает». Газета «Нью-Йорк таймс» подводит этот итог грустным размышлением, заявляя, что со взяточничеством в полиции ничего нельзя поделать, что не только в Нью-Йорке, но и во всех американских городах полиция одна и та же.

Бывший американский министр юстиции Р. Кларк пишет: «Быть может, наибольший вред, который причиняет организованная преступность, заключается в коррупции должностных лиц. От этого общество страдает в таких своих элементах, которые находятся далеко за пределами сферы непосредственных действий организованных преступников».

Сказано хотя и несколько научнообразно, зато абсолютно верно!

Окончание следует.

По горизонтали: 1. Высокогорный курорт в Грузии. 4. Хищник рода лисиц. 6. Булатная сталь. 8. Бахчевая культура. 9. Саморазгружающийся вагон для перевозки угля, руды. 10. Типографская буква или знак. 12. Советский физик и химик, академик. 14. Опера В. Беллини. 15. Охотник-специалист. 16. Приток Суры. 17. Бег по пересеченной местности. 18. Вид гравюры. 20. Акробатический прыжок. 23. Поэма Т. Г. Шевченко. 25. Сладкое блюдо из фруктов. 26. Рыба, обитающая в морях Дальнего Востока. 28. Химический элемент. 29. Двенадцать созвездий, расположенных вдоль видимого пути Солнца. 30. Древнегреческий комедиограф.

По вертикали: 1. Пролив между Европой и Азией. 2. Параллелограмм с равными сторонами. 3. Порт в Одесской области. 4. Деталь механизма, заслонка. 5. Шарф. 6. Борьба вольного стиля. 7. Плитка для облицовки стен, печей. 9. Осетинский поэт и художник. 11. Сочинение Птолемея. 12. Столица АССР. 13. Легкая быстроходная шлюпка. 17. Холодное оружие. 19. Растение семейства злаков. 21. Народная артистка СССР, актриса Киевского драматического театра имени Ивана Франко. 22. Река в Казахстане. 24. Цветник. 25. Отряд пограничной охраны и место его расположения. 27. Низкий детский голос.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 5. Теодолит. 6. Петрушка. 9. Хачатурян. 10. «Африканка». 11. Радиолокация. 16. Винтер. 17. Мальта. 19. Трубоч. 20. «Сирена». 21. Аспект. 22. Боксит. 24. Иволга. 26. Гварди. 27. Асмара. 30. Мурена. 31. Магнитогорск. 33. Вотвинник. 34. Аккордеон. 35. Цистерна. 36. Парусина.

По вертикали: 1. Педагогика. 2. Монтер. 3. Фракция. 4. Экскурсант. 7. Андома. 8. Паркет. 12. Агротехника. 13. «Интеркосмос». 14. Атмосфера. 15. Фурнитура. 17. Мастина. 18. Алабама. 23. Тавтология. 25. Кончаковна. 28. Сливки. 29. Реглан. 31. Мнишек. 32. Корпус.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Каждый второй алжирец — не старше семнадцати лет. * Страница прошлого, написанная римлянами. * В центре столицы стоит памятник национальному герою Абд аль-Кадиру. * Она из Кабилии. (См. в номере материал «Как живешь, новый Алжир?»)

Фото Н. Ивановой

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Может быть, из палеолита пошел этот обычай: «Слоны на счастье»? * А места здесь чудесные. * На берегу Дона раскоп, который начинал еще академик С. Г. Гмелин в XVIII веке. Одна из раскопанных археологами древних стоянок человека. Кости мамонтов использовались тогда и как строительный материал. * Это не ювелирные украшения — так великолепно «костяковцы» обрабатывали орудия труда и охоты. * Миллиметр за миллиметром, песчинку за песчинкой, тонну за тонной. * Любимый предмет утилитарного назначения наши древние предки стремились превратить в произведение искусства. (См. в номере материал «Окно в далекий мир».)

Фото Г. Копосова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456. Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Ре-портажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 01.10.79. Подписано к печати 16.10.79. А 00732. Формат 70×108/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 762 000 экз. Изд. № 2555. Заказ № 1246.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

И жюри не остается беспристрастным...

«МЫ РАЗБ

Л. ЛУКЬЯНОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

«Мир будет таким, каким ты его сделаешь. Полным любви, справедливости и радости». Так пела Даниэль Вильер. Французская певица хорошо известна в своем городе Шарлевиль-Мезьер как заместитель мэра города, член муниципального совета. Как коммунист. Она — одна из тех, кто представлял молодежную песню планеты на VI международном фестивале песни «Красная гвоздика», одна из тех, кому известно истинное могущество песни, для кого слова чилийского композитора Роландо Оланкора «Петь — это значит бороться» звучат не просто лозунгом, а конкретной программой действия. И здесь, в Сочи, и на фестивале политической песни в Берлине Даниэль пела о том, что составляет часть ее жизни. Манифестации, листовки, митинги, забастовки известны ей не по газетам и книгам: «Вперед, мы разбудим всю землю!».

В конкурсе участвовали самые разные исполнители — от новичков до известных артистов. Гвен Самтер из США — актриса, певица, танцовщица с большим профессиональным опытом. Когда ее спросили, почему она приехала именно на этот фестиваль — в Сочи, Гвен воскликнула: «Мне так хотелось побывать в Советском Союзе! Я ведь тоже, как некоторые, считала, что у вас по улицам танки ездят... Меня потрясло все, что я здесь увидела!».

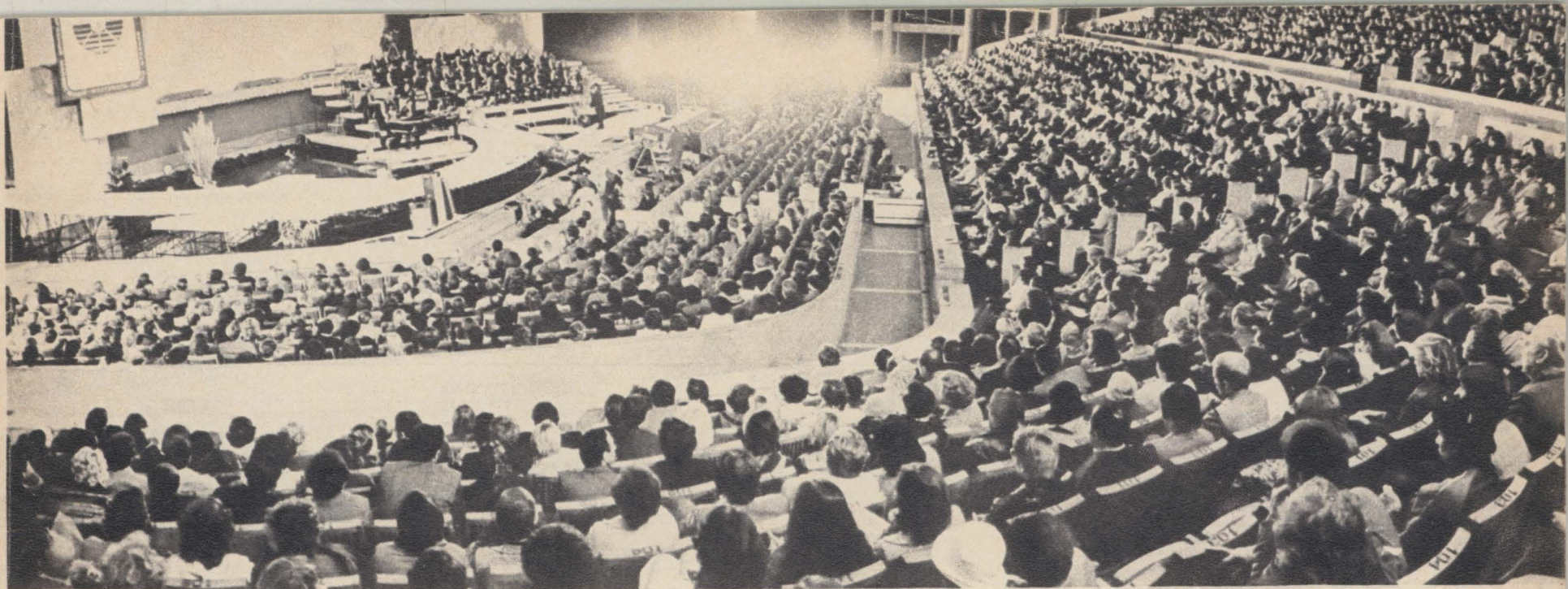
Дипломанту конкурса датчанке Перниле Хансен, уже успевшей выпустить несколько пластинок, двадцать лет, а с виду и вовсе не больше пятнадцати. Может быть, потому «Пусть всегда будет солнце» и «Диктатор Чили» (песня датских авторов, написанная тоже для детского голоса) прозвучали в ее исполнении оригинально и неожиданно — словно ребенок вышел на сцену и попросил у людей защиты, мира, счастья... Крохотная белокурая Перниле знает, о чем поет, отвечает за свои слова — она член Коммунистической партии Дании.

«Песня, гитара — оружие в руках молодежи», — сказал мне испанец Галермо Де Ла Торро. — Я учусь на экономическом факультете Мадридского университета, но с гитарой расставаться не собираюсь...»

Они молоды, каждый ищет себя, свое место и слово в искусстве. Валентина Игнатьева (вторая премия на конкурсе) — одно из открытий фестиваля. Певица нашла свою, особенную интонацию. Ее лирическую героиню волнуют не абстрактные проблемы, а конкретный живой человек, со своим горем или счастьем. А ведь счастье всех зависит не от кого-то, а от каждого из нас...

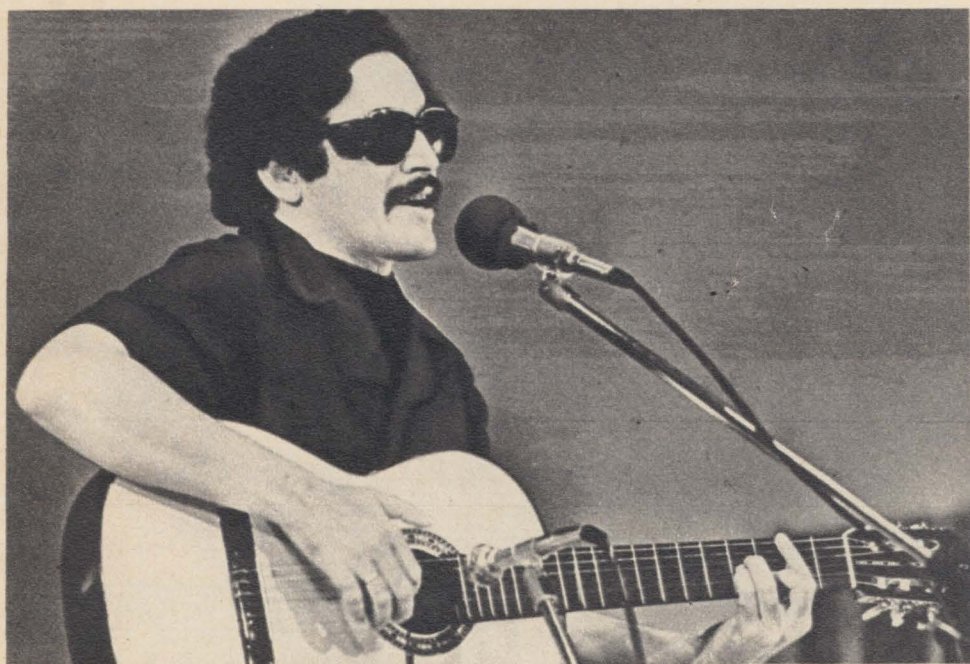
«Гран при» фестиваля завоевал кубинский композитор, певец, поэт Освальдо Родригес. Песни Родригеса покоряют своей мощью, яркостью красок. Их нельзя отнести к тем музыкальным произведениям, что захватывают вас незаметно, его мелодии сразу подчиняют. Мне пришлось несколько раз на репетиции слышать песню «XX годовщина революции», и каждое исполнение звучало так, словно Освальдо пел в первый и последний раз. Для него в песне был заключен весь мир, вся его красота... С ним пел весь зал, и тогда уже не думалось о том, что Освальдо слеп от рождения, а становилось бесспорным, что сильный человек действительно способен разбудить всю землю...

Сочи

Рабочий день фестиваля.

УДИМ ВСЮ ЗЕМЛЮ...»

«Гран при» — Освальдо Родригесу (Куба).

«Балладу о солдате» поет Валентина Игнатъева [Советский Союз].

Гвен Самтер — актриса из США.

Венгерский дуэт: Беа Мусти и Андрош Добон.

